

Воины Тамерлана переплывают Аму-Дарью

Ты видишь как малó в глазах Господа земное величие.

Счастье и несчастье человека зависят не от положения звезд, а от воли Того, Кто создал и звезды и человека.

Все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей.

Я оказывал почтение потомкам пророка, ученым, богословам, философам и историкам. Я уважал их и почитал. Храбрые люди были моими друзьями, потому, что Всевышний любит храбрых. Я сходилсЯ с учеными и снискивал расположение тех, у которых была благородная душа. Я прибегал к ним, и их благословение доставляло мне победу. Я был настойчив в моих предприятИях.

Тамерлан

Талерман

Москва
Крафт+
2003

ББК 63.3(4-6)

Т 65

Печатается по изданиям:

Т. Грановский. Тимур. М., 1852

Автобиография Тамерлана. Ташкент, 1894

В. Гатцук. Железный хромец. М., 1914

Свод татарских преданий о Темир-Лэнге. М., 1914

Г. Клавихо. Дневник. СПб., 1881

М.Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир. Самарканд, 1929

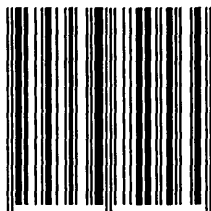
Составители:

А.И. Булдаков, С.А. Шумов, А.Р. Андреев

Т65 Тамерлан. М., Крафт+, 2003, 208 стр., илл.

ISBN 5-93675-056-6

Впервые после столетнего перерыва публикуются работы российских историков XIX — первой половины XX века о великом полководце и правителе — Тамерлане, чья деятельность и подвиги в XIV — начале XV веков наложили отпечаток на всю последующую историю Средней Азии. Печатается (с сокращениями) «Дневник» Рюи Гонсалеса Клавихо, кастильского дворянина, побывавшего с посольством в ставке Тамерлана в 1403 году.

9 785936 750564

ISBN 5-93675-056-6

© А.Булдаков, С.Шумов,
А.Андреев, 2003

© Крафт+, 2003

ТАМЕРЛАН, ТИМУР, один из величайших мировых завоевателей.

Родился 11 марта 1336 года в городе Кеше (ныне Шах-рисабз) или его окрестностях; происходил из отуреченного монгольского племени Барлас. Во время малолетства Тимура произошел распад джагатайского государства в Средней Азии. В Мавераннахре с 1346 года власть принадлежала тюркским эмирам, и возводившиеся ими на престол ханы правили только номинально.

Тимур первоначально был главой отряда искателей приключений, образовавшегося в смутное время. С ним он вступил на службу к владельцу Кеша Хаджи, главе племени Барлас. В 1360 году Мавераннахр был завоеван монгольским ханом Туклук-Тимуром; Хаджи бежал в Хорасан. Тимур вступил в переговоры с ханом и был утвержден владельцем Кеша, но должен был удалиться после ухода монголов и возвращения Хаджи. В 1361 году хан опять занял страну. Хаджи снова бежал в Хорасан, где был убит. Тимур был утвержден правителем Кеша и одним из помощников монгольского царевича Ильяс-Хаджи (сына Туклук-Тимура), назначенного правителем Мавераннахра.

Тимур скоро отделился от монголов и перешел на сторону их врага Хуссейна, внука главы тюркских эмиров Казагана. Некоторое время они с небольшим отрядом вели жизнь искателей приключений. Во время одной стычки в Сеистане Тимур лишился двух пальцев на правой руке и был тяжело ранен в правую ногу, отчего стал хромым (прозвание «Хромой Тимур» — «Аксак Тимур» по-тюркски, «Тимур-ленг» по-персидски, отсюда — «Тамерлан»).

В 1364 году монголы были вынуждены очистить страну; правителем Мавераннахра сделался Хуссейн. Тимур вернулся в Кеш. В 1366 году Тимур восстал против Хуссейна, в 1368 году помирился с ним и снова получил Кеш, в 1369 году снова произвел восстание. В марте 1370 года

Хуссейн был взят в плен и убит в присутствии Тимура, хотя и без прямого его приказа.

10 апреля 1370 года Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннахра. Подобно своим предшественникам, он не принял ханского титула и довольствовался званием «великого эмира». Ханами при нем считались потомок Чингизхана Суюргатмыш (1370—1388) и его сын Махмуд (1388—1402). Тимур избрал своим местопребыванием Самарканд и украсил его великолепными постройками.

Первые годы своего единодержавного правления Тимур посвятил установлению порядка в стране и безопасности на ее границах (борьба с мятежными эмирами, походы на Семиречье и Восточный Туркестан). В 1379 году был завоеван Хорезм (Хивинское ханство), с 1380 года начались походы в Персию. В 1381 году был взят Герат, в 1383 году Тимур опустошил Сеистан.

В западную часть Персии Тимур совершил три больших похода — т.н. «трехлетний» (с 1386), «пятилетний» (с 1392) и «семилетний» (с 1399).

В первый раз Тимур должен был вернуться обратно вследствие нашествия на Мавераннахр золотоордынского хана Тохтамыша. В 1388 году Тимур прогнал врагов и наказал хорезмийцев за союз с Тохтамышем. В 1389 году Тимур совершил опустошительный поход вглубь монгольских владений до Иртыша на север и до Большого Юлдуза на восток, в 1391 году — поход на золотоордынские владения до Волги. Эти походы достигли своей цели, так как после них мы уже не видим нашествий степняков на Мавераннахр.

Во время «пятилетнего» похода Тимур в 1392 году завоевал прикаспийские области, в 1393 году — западную Персию и Багдад.

Нашествие Тохтамыша на Закавказье вызвало поход Тимура на южную Россию (1395). Тимур разбил Тохтамыша на Тереке, преследовал его до русских пределов, где разрушил Елец, разграбил торговые города Азов и Кафу, сжег Сарай и Астрахань. В 1396 году Тимур вернулся в Самарканд.

В 1398 году Тимур предпринял поход в Индию и взял город Дели. В 1399 году Тимур дошел до берегов Ганга и вернулся в Самарканд с огромной добычей.

В 1400 году началась война с османским султаном Баязетом, который в 1402 году был разбит и взят в плен в знаменитой битве при Ангоре.

В 1404 году Тимур вернулся в Самарканд и тогда же предпринял поход на Китай. Тимур собрал войско и в январе 1405 года прибыл в город Отрар, где заболел и 15 февраля умер.

Тимур любил беседовать с учеными, в особенности слушать чтение исторических сочинений. Своими познаниями в истории он привел в изумление величайшего из мусульманских историков Ибн-Халдуна. Рассказами о доблестях исторических и легендарных героев Тимур пользовался для воодушевления своих воинов.

Постройки Тимура, в создании которых он принимал деятельное участие, обнаруживают в нем редкий художественный вкус.

Тимур заботился преимущественно о процветании своего родного Мавераннахра и о возвышении блеска своей столицы Самарканда, где были собраны из разных стран представители всех отраслей искусства и науки.

*Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь.
СПб, 1880*

ТАМЕРЛАН, ТИМУР (1336—1405), великий средневековый полководец и завоеватель. Сын бека Тарагатая из тюркизированного монгольского племени барлас. Родился в селении Ходжа-Ильгар близ города Кеша (Шахрисабза), недалеко от Самарканда, в Трансоксиане. Сам Тимур считал себя потомком Чингизхана, его родословная приведена в его надгробной надписи.

В ранней молодости Тимур поступил на службу к эмиру Казгану, правителю его родного города Кеша, потом перешел к Туклук-Тимуру, хану Чагатайского улуса, который в 1361 году назначил его советником при своем сыне

Ильясе, правителе Самарканда. Тимур не захотел служить Ильяс-Ходже и вскоре примкнул к противникам Ильяса и его отца. Тимур заключил союз с правителем Балха и Самарканда Хуссейном и женился на его сестре.

В 1362 году Тимур был ранен, после чего получил прозвище «Тимурленг» (тадж. «Тимур-хромец»).

В результате междоусобной борьбы распространив свою власть на Трансоксиану и овладев городом Балхом (Хуссейн был убит), Тимур в 1370 году объявил себя правителем Чагатаева улуса, управляя страной от имени потомков Чингизхана. Столицей государства стал Самарканд.

Войско Тимура было построено по образцу монгольских войск Чингизхана. Тимур уделял большое внимание раз витию науки и искусств; захваченные во время его походов мастера строили в его городах дворцы, мечети, медресе, мавзолеи, большая часть которых сохранилась как замечательные памятники архитектуры.

В 1369—1380 годах Тимур предпринял 9 походов в Туркестане. В 1375 году Тимур вмешался в дела Белой Орды в Восточном Кипчаке, оказав помощь Тохтамышу. Став государем значительной части Туркестана, Тимур объявил себя защитником ислама, покровительствовал мусульманскому духовенству и ордену дервишейнакшбендийцев, окружил себя улемами, писателями и учеными.

В 1380 году взяв Герат и ряд других городов в Афганистане Тимур через год начал серию своих походов в Персию, продолжавшихся семь лет.

В 1387 году, подавляя восстание в Исфагане, жители которого перебили его сборщиков податей, Тимур приказал убить 70000 жителей и построить пирамиды из их черепов. Незадолго до этого Тимур взял Тбилиси и завоевал ряд городов Восточной Анатолии.

В 1391 году Тимур разбил выступившего против него Тохтамыша, который в 1395 году выступил еще раз и опять был разбит, в 1393 году взял Багдад и подчинил своей власти Месопотамию.

В 1397—1398 годах Тимур предпринял поход в Индию, разграбил Кашмир и Дели. Индийский поход Тимура можно рассматривать как осуществление важного эта-

па в его грандиозном плане восстановления империи Чингизхана. Но окончательному осуществлению этого плана, который должен был завершиться завоеванием Китая, мешало наличие двух сильных врагов на западе: египетских мамлюков, владевших Сирией, и мощного Оманского государства. Поэтому, стремясь обезопасить свой тыл при походе на Китай и дать свободный выход товарам Персии и Месопотамии к Средиземному и Черному морям, Тимур, пройдя в 1401 году через Восточную Анатолию и взяв Сивас, спустился в Сирию, где Алеппо и Дамаск стали его добычей. В 1402 году Тимур разбил войска султана Баязида Молниеносного при Анкаре.

В конце жизни Тимура его государство состояло из Мавераннахра, Хорезма, Хорасана, Ирана, Пенджаба и Закавказья.

Тимур умер в начале своего похода на Китай в Отраре; похоронен в Самарканде, в донине сохранившемся великолепной мавзолее Гур-Эмир (могила эмира), который стал впоследствии образцом для гробницы Наполеона в парижском Доме инвалидов.

Известная «Автобиография Тимура» написана не Тимуром, а одним позднейшим неизвестным автором, использовавшим сочинения персидских историков.

ТИМУРИДЫ, правящая династия Мавераннахра, Хорезма и Хорасана в 1370—1507 годах. Основатель династии — Тимур; в 1409—1447 годах главой государства Тимуридов считался сын Тимура Шахрух, правивший в Герате. Старший сын Шахруха Улугбек, назначенный им правителем Самарканда, стал независимым государем.

После смерти Шахруха и Улугбека в 1457 году Абу-Саиду удалось на время объединить Мавераннахр и Хорасан. В 1469—1506 году государством Тимуридов правил Султан-Хуссейн. При его сыновьях Бади-аз-Замане и Музаффар-Хуссейне (1483—1530) государство Тимура было завоевано узбеками Шейбани-хана. Владелец Ферганы тимурид Бабур (1483—1530) в 1526 году основал в Индии династию Великих Моголов, просуществовавшую до 1858 года.

САМАРКАНД, древнейший город Средней Азии. Время его основания точно не установлено. Народное предание приписывает основание Самарканда царям Кайкаусу или Афросиабу, жившим за 3000 лет до н.э. Значение слова Самарканд точно не выяснено; по-видимому, оно происходит от имени какого-то Самара, легендарного царя тюрков.

В 329 году до н.э. Самарканд, известный грекам под названием Мараканда, бывший тогда столицей персидской области Согдианы, был взят Александром Македонским.

С 713 года по конец IX века Самарканд находился под властью арабов.

В период с 889 года до конца X века Самарканд — крупный центр Мавераннахра — страны, лежавшей между реками Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей.

В 992 году Самарканд перешел в руки караханидов, позднее тюрксельджуков, в XII веке — хорезмшахов.

В 1220 году, после ожесточенной защиты города сорокатысячным войском, Самарканд был взят и разрушен Чингизханом.

В первой половине XIV века Самарканд был резиденцией тюркских эмиров.

В 1370 году Тимур сделал Самарканд столицей своего государства.

Царствование Тимура (1370—1405) было временем расцвета Самарканда. Сюда со всей Азии стекались богатства. Тимур привозил в Самарканд из завоеванных стран лучших ученых и мастеров, украсивших город замечательными мечетями, садами и дворцами, из которых многие сохранились до нашего времени — мавзолей Шахи-Зинда, мечеть Тимура — Биби Ханым, мавзолей Тимура с его гробницей — Гур-Эмир — памятники мирового значения.

В 1499 году Самарканд был взят узбеками хана Шейбани. Столица государства была перенесена в Бухару.

В 1784 году Самарканд был подчинен бухарской династии Мангыт.

2 мая 1868 года Самарканд был взят русскими войсками, отошел к России и стал центром Самаркандской области.

В ноябре 1917 года в Самарканде была провозглашена Советская власть.

В 1924—1930 года Самарканд — столица Узбекской Советской Социалистической республики.

С 1991 года Самарканд — в составе независимого государства Узбекистан.

Энциклопедии

Т. ГРАНОВСКИЙ

ТИМУР

Тимур родился близ Самарканда, в бывшем царстве Чингизова сына Чагатая. Народы Востока глубоко запомнили роковую ночь на 9 апреля 1336 года. Он родился, как говорит предание, с куском запекшейся крови в руке и с белыми как у старца волосами. По женской линии он принадлежал к потомству Чингиза, но отец его, один из многочисленных чагатайских князей не мог оставить ему большого могущества.

С ранних лет Тимур обнаружил неодолимую силу воли и властолюбие. Будучи ребенком, он заставил товарищей своих детских игр присягнуть себе в послушании и верности. Никто из них не равнялся с ним, впрочем, в силе и ловкости.

Первые годы его жизни прошли в подвигах мелкого грабежа и разбоев, доставивших ему славу бесстрашного наездника. Восточная фантазия внесла в эти темные годы Тимуровой молодости те же подробности и те же преувеличения, какими наполнены сказания о молодости других азиатских героев. Тимур выступил на театр всемирно-исторической деятельности в годах зрелого мужества, одолев множество противников, столько же незначительных по объему власти как и он сам. В этих постоянных трудах и войнах приготовился он к роли, которая ему предстояла впереди.

В 1371 году, когда ему было 35 лет от роду, он уже владел землями от Каспия до Манчжурии и держал на престоле чагатайском подвласного ему потомка Чингизова с бесплодным титулом великого хана. Влияние его простиралось на большую часть земель, завоеванных прежде монголами. Князя кипчакской орды, владычествовавшей над Россиею, призывали его посредником в своих распрях. Он

поставил над ними Тохтамыша, но Тохтамыш не был благодарен. Несколько лет спустя он сделал попытку сбросить с себя иго Тимура. Борьба была неравная. Перед началом решительной битвы из рядов Тимуровых выступил старый Шейх Берке, произнес молитву и, взяв горсть земли, бросил ее в войско врагов: «Да помрачится лицо ваше стыдом поражения», сказал он. Разбитый близ Волги кипчакский хан бежал, собрал новое войско и в 1395 году снова встретился с Тимуром на Тереке. Тимур одержал еще кровавую победу и сокрушил окончательно силы своего противника.

Для России наступила грозная година испытания. Куликовская битва казалась, по видимому, бесполезным напряжением народных сил. Что был Мамай Тимуром! До нынешнего Ельца дошел Железный Хромец, как называют его наши летописи, и остановился. Восточные летописцы приписывают его нерешительность идти далее огромным богатствам, которые он будто бы уже наградил в этом походе. Но Православная церковь празднует 26 августа, день перенесения Владимирской Божией Матери в Москву и отступление Тимурово. Конечно, Тимура испугали не военные приготовления великого князя Василия Дмитриевича, готовившегося умереть за народ свой, и не насытили сокровища, найденные им в степях юго-восточной России. Но с тех пор Тимур не касался более пределов Европы; театром его подвигов стала исключительно Азия.

Персия, по географическому положению своему, должна была прежде других стран обратить на себя внимание вожда чагатайских татар и подпала под его владычество. В многолюдном, цветущем торговле Исфахане вспыхнуло восстание против победителей. Тимур возвратился, взял город с бою и памятником своим оставил на площади Исфахана пирамиду, сложенную из 70000 человеческих черепов. Такие пирамиды поставил Тимур по значительнейшим городам Азии. Еще более горькая участь постигла Багдад, великолепнейший город мусульманского Востока, некогда столицу калифов Абассидов. Он осмелился противиться Тимуру и заплатил за эту отвагу гибелью почти всего своего населения.

В Индии Тимур избрал тот же путь, которым некогда шел завоеватель другого рода, Александр Великий. В Пен-

джабе и в Гангской долине до Дели не осталось целого города или селения. Дели слыл тогда богатейшим городом Индии. В самом Дели во время присупа погибли несколько сот тысяч человек. На возвратном пути из Индии Тимур увел с собой до миллиона взятых там рабов; между прочим он приказал брать всех ремесленников и всех ученых. В этой свирепой душе таилось какое-то, можно сказать, мистическое уважение к науке.

Театром дальнейших подвигов была Сирия и владения турецкого султана, грозившего в то время Европе. Дамаск и Алеппо исчезли на время из списка значительных городов азиатских.

В большей части завоевания Тимура трудно заметить какую-нибудь определенную политическую цель. Можно подумать, что им руководила безотчетная страсть к разрушению. Разорив богатую страну, срыв до основания ее города, натоптав копытами коней своих ее жатвы, настроив пирамид из отрубленных голов, он шел далее не заботясь о прочном утвреждении своей власти в оставленной им безобразной пустыне.

Встреча его с Баязидом принадлежит к числу великих событий всеобщей истории. Оба они носили один и тот же тип восточного завоевателя. Но Баязид не даром коснулся европейской почвы и принял от нее влияние. Он думал об основании крепкого, опирающегося на надежные учреждения государства.

Еще до начала войны между Баязидом и Тимуром возникла любопытная переписка, где истощены были все допускаемые восточными дипломатическими формами ругательства. За эти оскорбления должны были поплатиться жители Малой Азии. Первый город Баязида, на который пали удары Тамерлана, был Сивас, взятый после довольно долгой осады, при которой показали особенное искусство монгольские инженеры. В этом отношении Тимур был великий человек, истинный художник. В войске его было несравненно более порядка, чем в войске Баязида. Он ввел разделение на полки, ввел единообразие одежды и многое другое, что впоследствии вошло в употребление у европейских народов.

На полях Ангоры, где некогда Помпей одержал победу над Митридатом, сошлись лицом к лицу Баязид и Железный Хромец. Произошла одна из величайших битв, о которых помнит история. В деле было более миллиона воинов, пришедших из самых отдаленных стран. Баязид был разбит наголову. Есть какое-то мрачное и поэтическое величие в рассказе о свидании Тимура с Баязидом. Тимур принял его сидя на ковре. «Велик Господь, — сказал он, — даровавший полмира мне, хрому, и полмира тебе, больному; ты видишь как мало в глазах Господа земное величие». Вся беседа их была проникнута скорбью. Тимур не ругался над падшим врагом; слова его исполнены были грустного сочувствия к судьбе побежденного. Рассказы позднейших писателей о том, что он заключил Баязида в клетку и обходился с ним жестоко, лишены всякого правдоподобия. Ни один современник не упоминал об этом. Напротив, мы имеем верные сведения, что Тимур до конца жизни обходился с султаном с должным уважением.

Европейские народы смотрели на Тимура, как на своего избавителя от турок. И в самом деле, нашествие Тимура на 50 лет отсрочило падение Константинополя и остановило надолго успехи турецкого оружия.

В 1405 году кастильский король Генрих III отправил к Тимуру новое посольство, при котором состоял придворный дворянин Гонсалес де Клавихо, оставивший любопытный дневник своего путешествия. Послы не застали уже Тимура в Малой Азии и должны были ехать к нему в Самарканд.

Замечательно описание столицы Тимура. Город этот был обязан своим быстрым возвышением воле Тимура. Клавихо нашел в нем многочисленное со всех краев Азии насильственно сведенное население. Здесь поселены были ученые, художники и ремесленники, которых Тимур привел с собой из дальних, завоеванных им стран. Мусульмане жили рядом с индийцами и поклонниками огня. Клавихо с удивлением рассказывает о великолепном дворе и дворце Тимура, и об орде или летнем стойбище его, которое состояло из 20000 разбитых юрт, т.е. палаток. Часть юрт была покрыта снаружи парчами, внутри украшена драгоценными камнями, добытыми в походах.

Когда Тимур принимал Клавихо, он был уже в преклонной старости, едва мог сидеть и с трудом мог поднять глаза на посла. Но в хилом теле жила еще крепкая и свирепая душа. Железный хромец предпринимал в это время поход на Китай. Он собрал вождей своих и сказал им: «На душе моей и вашей много грехов; много мы пролили крови мусульманской; пора смыть ее другой более угодной Господу кровью; пойдем избить китайских язычников».

Все, что в состоянии сделать одна сила, было сделано Чингизом и Тимуром. Поэтому подвиг их был более разрушительный, нежели творческий. Внешняя сила принадлежит к числу великих деяний всеобщей истории, но деятельность ее ограничивается исполнением. Там, где она не соединена с плодотворными идеями, ее произведения непрочны и бесполезны.

В Тимуре было смутное, но возвышенное понятие о значении науки и следовательно мысли. Он охотно беседовал с учеными, знал исторические предания востока и запада, уважал астрономию и презирал астрологию. «Счастье и несчастье человека зависят, — сказал он однажды, — не от положения звезд, а от воли Того, Кто создал и звезды и человека».

Тимур умер в 1405 году. Не прошло и ста лет по его кончине, а государство его уже рушилось. Только в Индии уцелели его потомки, окруженные внешним блеском власти, но бессильные, лишенные даже личной свободы приемники Великого Могола. В других частях Азии Тимуриды были вытеснены местными династиями. Когда Тимур предпринимал новый поход, он говорил о врагах своих: «Я повею на них ветром разрушения». Ветер разрушения повеял на его собственное дело и на род его.

Пора Чингиза и Тимура прошла как сон. По-прежнему раздается в монгольских степях унылая, хватающая за душу песня, в которой иногда звучат отголоски минувшей славы и надежда на новые подвиги, на новое величие.

АВТОБИОГРАФИЯ ТАМЕРЛАНА

Перевод с тюрского Нила Лыкошина

Во имя Бога, милостивого, милосердного¹.

Да будет ведомо всем счастливым детям, могущественным родственникам, почетным приближенным и визирям, что Всевышнему благоугодно было поставить меня пастырем народа, возложить на голову мою венец царский и утвердить меня на престоле. Всеми этими милостями я обязан присущим мне двенадцати нравственным качествам.

1. Первым таким качеством я считаю беспристрастие. Я ко всем отношусь одинаково строго и справедливо, не делая никакого различия и не выказывая предпочтения богатому перед бедным.

2. Я всегда строго хранил заветы веры и относился с подобающим уважением к людям, возвеличенным силой Божьей.

3. Я щедро раздавал милостыню бедным и терпеливо разбираю каждое дело, прилагая все усилия к тому, чтобы разобрать его ак можно лучше.

4. Все мои действия я направлял к общей пользе, не причиняя никому без нужды никакой неприятности и не отталкивая обращающихся ко мне по разным случаям. Текст Корана, смысл которого, что слуги Божии должны исполнять одни лишь Его повеления и от Него принимать милости, был мною усвоен, и во всех делах своих я им руководствовался.

5. Делаю, относящимся до вопросов веры, я отдавал всегда предпочтение пред делами житейскими, мирскими,

¹ Этим воззванием, по общепринятому обычаю, начинается каждая мусульманская книга, этим же возгласом, начиная какое-либо дело, призывают на него благословение Божие.

и только исполнив в точности все, что требует от человека религия, что надлежит Богу, я принимался за исполнение дел житейских.

6. Я всегда был правдив в своих речах и умел отличать правду в том, что мне удавалось слышать о настоящей и будущей жизни. — Между прочим, я слышал рассказ, что когда Всевышний сотворил первого человека — Адама, ангелы сетовали на Бога за Его первое творение, скорбя, что это дело всемогущего Бога не будет иметь благих последствий. Ангелы высказали Богу уверенность, что созданный Им человек, без всякого сомнения, будет обманывать себе подобных, не будет исполнять данных другим обещаний, будет совершать убийства и, вообще, своей несправедливой жизнью заставит своего Творца раскаяться в том, что человек создан. Бог ответил Ангелам, что случаи проявления людской злобы Им предусмотрены и что, сотворив род человеческий, Он имеет в виду ниспослать на землю меч, который воздаст должное преступным людям за их злые деяния. Обдумав содержание этого рассказа, я пришел к заключению, что Бог подразумевал под этим карающим неправду мечом правителей созданного Им человечества, и прилагал все усилия, чтобы поступать во всем справедливо и правильно судить обо всем, что встречалось в моей жизни.

7. Я никогда не давал такого обещания, которого не в состоянии был бы исполнить. Исполняя в точности данные мною обещания, я никому не причинял вреда своей несправедливостью.

8. Себя я считал первым, усерднейшим слугой Бога на земле и без повеления Бога, или пророка, не предпринимал ничего. Без воли Божьей, я не причинял вреда ни одному из населявших землю народов. Лицам высокопоставленным и простому народу я одинаково желал сделать добро. Во мне не было никогда желания завладеть чьим-либо имуществом, и я нисколько не заботился о том, чтобы скопить побольше материальных богатств. Никогда я не чувствовал зависти к кому-либо. В этом отношении для меня был крайней поучителен пример амира Хусайна¹,

¹ Младший сын амира Казгана.

причиной падения которого была жадность, проявленная им по отношению к имуществу своих подданных.

9. Я придавал одинаковую веру и старался в точности исполнять, как повеления Божии, так и откровения Пророка. Во всех поступках своих я руководился исключительно указаниями Шариата и всеми силами уклонялся от дурных дел. Пророка и его последователей я почитал своими единственными и лучшими друзьями.

10. Я высоко поднял на земле знамя Ислама и в распространении веры видел всегда могучий залог собственного моего величия. Я слышал, что вера и величие как бы рождены из одного чрева и потому только то могущество прочно, которое зиждется на твердой вере.

11. Я всегда относился с должным уважением к саидам¹, почитал улемов и шейхов. Эти лица всегда участвовали в моем совете и все, что ими указывалось по делам веры, я всегда выслушивал со вниманием и исполнял в точности. За это народ меня очень любил и все были мне признательны. В отношениях своих к помянутым лицам я руководствовался примером царя Константина; этот благочестивый правитель однажды собрал войско, чтобы идти войной на царя Рай². Двигаясь с войском к стране последнего, Константин вдруг узнает, что в совете царя Рай заседают саиды, улемы и шейхи. Узнав про это, Константин отказался от мысли покорить царство Рай и поспешил возвратиться назад со своим войском. Своим приближенным и военачальникам царь объяснил свое решение тем, что в книге Самауви говорится о важности присутствия в совете царском почетных лиц духовного звания. «Если в совете царя заседают духовные лица, сказано там, то никто не в состоянии одолеть такого царя». Константин с дороги написал султану Рай, что правление его подобно правлению царя царей, а потому он раздумал идти воевать с царем, которого не может победить.

¹ Саид — потомок Мухаммада, улем — ученый, шейх — старец, глава племени, настоятель монастыря, глава мистических орденов дервишей — суфи.

² Рай — город в Иране.

12. Своим милостивым вниманием я снискал признательность людей даже самого низшего общественного положения — юродивых, не имеющих определенного пристанища. Я всеми силами старался улучшить положение этих людей. К мусульманам я был снисходителен, за каждую маловажную провинность не взыскивал слишком строго. К потомкам пророка я всегда относился с подобающим уважением. Я избегал выслушивать людей, говорящих неправду. Я слышал, что слава царей зависит от их милостивого отношения к своим подданным, и в Коране сказано, что, простив вину одному виновному, правитель тем самым оказывает милость всем людям. Примером таких милостивых царей я и руководствовался во всех своих действиях. Я слышал, что если Бог возвеличит кого-либо и этот человек во всех своих делах будет руководствоваться справедливостью и будет милостив к своим подданным, то его могущество возрастет, если же такой человек уклонится на путь несправедливости и жестокости, то падет и его могущество. Вследствие этого, чтобы поддержать свое могущество, я взял в одну руку свечу справедливости, а в другую свечу беспристрастия и этим двумя свечами освещал всегда свой жизненный путь, т. е. правилами этими руководился во всех своих поступках. Я выбрал себе четырех министров, проникнутых теми же идеями; назову из них Махмуд Шахаба Хорассанского и Насреддин Махмуда-уль-Арамыра. Этим министрам я повелел неусыпно следить за мной и останавливать меня каждый раз, как я вздумаю поступить несправедливо, поверю чьим-то лживым словам или захочу воспользоваться чьим-то чужим имуществом. Я слышал, что Бог, возвеличивая какого-нибудь человека, оказывает ему тем самым великую милость, и такое благоволение Творца обязывает возвеличенного человека в свою очередь быть справедливым и милостивым. Сидя на престоле, я постоянно помнил об этом и вполне усвоил себе эти качества.

Сильное войско мое, расположившись у Эрзрума, заняло всю степь, окружающую этот город; взглянул я на войска свои и подумал: ведь вот я один и, кажется, не обладаю никакой особенной силой, а все это войско и каждый

воин в отдельности — все безусловно повинуются моей воле. Стоит мне отдать какое-либо приказание и оно будет в точности исполнено. Размышляя таким образом, я возблагодарил Создателя, так возвеличившего меня среди своих рабов, и спросил у мудрых высших духовных лиц, в чем заключается причина повиновения всей этой массы людей моей воле. Улемы объяснили мне мое влияние тем, что меня осенило величие Божье и потому я силен силой и волей Божьей. Они привели текст Корана, в котором сказано, что если правитель во всех своих действиях будет руководствоваться справедливостью, то все подданные его будут ему повиноваться беспрекословно, а враги его будут трепетать перед ним. При этом преданность такому царю его подданных объясняется тем, что нет никакой причины не быть признательным и послушным такому правителю.

Когда мне исполнился 21 год, я задумал отправиться в путешествие. Прежде всего я обратился за напутственным благословением к шейху Заинуддину-Абубекру Тайбадскому. Этот старец, благословляя меня на задуманное мною дело, препоясал меня поясом, дал мне шапки и вручил коралловое кольцо с надписью: «рости-расти», что означает: если будешь справедлив, то во всем встретишь удачу. Шейх пожелал мне всякого успеха в делах и, между прочим, рассказал, что из бывшего ему откровения он узнал, что на земле есть один человек, который во всем меня поддерживает, называя наибом¹ пророка, что теперь я не могу увидеть этого человека, но когда-нибудь он сам посмотрит на меня счастливым взглядом.

Далее почтенный шейх рассказал мне из своей жизни следующее: «Когда мне было 75 л. от роду, это было в 805 г. (?) мусульманского летосчисления, я овладел столицей Рума² и отправился к святому кутб-уль-Арифину³ Садруддину Ардебильскому. Я выразил свое желание послужить какому-нибудь славному своей святостью и праведной жизнью святому и просил шейха помочь мне найти

¹ Наиб — наместник.

² Рум — Византия.

³ Буквально: «звезда знающих».

такое лицо, которому я мог бы послужить. Шейх посоветовал мне, для того, чтобы отыскать себе духовного наставника, отправиться в горы Шахлан, где, в одном месте, я должен был найти бьющий из скалы ключ, вода которого — то холодная, то горячая. Мне надлежало, найдя ключ, терпеливо ожидать там своего «кутба»¹, святого, которому мне суждено было посвятить свои силы; он должен был прийти к ключу, чтобы совершить омовение и помолиться. Покорный велению святого Садруддина, я, не медля, отправился на указанное мне место, нашел ключ, о котором был предупрежден и стал ожидать прихода святого, которому должен был служить. Рано утром к ключу подошел человек, совершил омовение и стал молиться. Я подошел к нему и, к неопisanному удивлению, узнал в этом человеке своего собственного конюха. Я был поражен. Подряд три дня я видел этого человека приходящим и молящимся у источника. На третий день я решился, наконец, заговорить с ним, чтобы разрешить мучившее меня сомнение — Саид-Али-Ата, сказал я ему, между своими людьми я считал тебя самым плохим слугой, но теперь только я узнал, какое высокое положение ты занимаешь и потому решаюсь просить тебя объяснить мне, каким путем ты достиг столь высокого и почетного звания. Мой бывший конюх сказал: «В самом начале твоего царствования, кутб-уль-актаб (святой из святых) велел мне помогать тебе; я исполнил его приказание».

Оба мы совершили омовение и затем Саид-Али-ата начал молитву, а я последовал его примеру. Я усердно молился и молитва доставила мне большое наслаждение. Помолившись, кутб сказал мне: «Ты Божий гость и потому, во имя гостеприимства, Бог готов исполнить все, о чем ты его теперь попросишь». Я стал просить утверждения в вере (иман). Тогда мой бывший конюх сказал: «Вера принадлежит пророку; вера есть город, вне которого некоторые произносят: «нет бога, кроме Аллаха»; другие, внутри его, говорят, что кроме Аллаха нет бога; имя того города «баб-уль-абваб»², там жилище произносящего счас-

¹ «Кутб» — звезда.

² Буквально: «ворота ворот».

тливые слова: «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад пророк Бога».

После этого конюх снова начал класть поклоны и я последовал его примеру. Когда я поднял голову после поклона, я заметил, что кутб уже умер.

В отчаянии, я возвратился к шейху, которого оставил и рассказал ему подробно все, что случилось со мной с того времени, как мы расстались.

Шейх сказал мне: «Владычество принадлежит одному кутбу, наместнику Бога, который, по приказанию кутба кутбов, оказывает помощь султану; к последнему, по смерти кутба переходит вся власть. Власть Кайсара¹ поддерживает один человек Божий, этот народ исчез и власть его перешла к тебе».

Эти слова почтенного старца навели меня на мысль, что мое могущество и слава дошли тоже до высшей точки, но я надеялся, что на мое место встанет какой-нибудь справедливый царь. Чтобы сделать богоугодное дело, я отпустил на волю 1000 пленных «руми»² и, кроме того, в 806 г.³ защитил Туран от набегов узбеков. Мне удалось прекратить в этой стране грабежи и я овладел страной Мавераннгар. За мое благополучие стали молиться во всех мечетях имамы, стоящие на возвышениях (минбар), за меня стали возносить к Богу молитвы потомки пророка и высшие духовные лица.

Однако нашелся недовольный таким отношением ко мне народа, Хазрет Убайдулла, самый знаменитый из высших духовных лиц, громко высказал: «Тимур — кровожадный турок; он убил много народа; за него молиться нельзя».

Вскоре после выраженного таким образом протеста против молитв за меня Убайдулла в одну ночь видит во сне самого пророка и, рядом с ним, меня сидящим. Убайдулла трижды почтительно поклонился пророку, но тот не обратил на него никакого внимания и даже не счел нуж-

¹ Кайсар от греческой формы латинского Caesar, император, здесь — Византийский император.

² Византийцев.

³ 806 год хиджры очевидно неверен, потому что в это время Тимур воевал в Грузии.

ным ответить на обращенное к нему приветствие. Огорченный таким обращением, Убайдулла обратился к пророку с речью: «О, пророк Божий! я служитель твоего шариата, Тимур — кровопийца, истребивший много людей, между тем ты его принимаешь, а меня отвергаешь». Пророк, выслушав Убайдуллу, возразил ему, что хотя, действительно, по моей воле гибнет много людей, но это грех свой я вполне искупаю своим почтительным вниманием к потомству пророка на земле и потому, без всякого сомнения, за такого правителя народ должен молиться.

Услышав такое мнение самого пророка, Убайдулла проснулся и поспешил ко мне, чтобы выпросить прощение за причиненную мне, по неведению, неприятность. Все это быстро узнал весь народ, и все убедились, что за меня молиться следует. Подданные мои сказали: «Да поможет ему Бог» и поняли, что я действительно пользуюсь особенной милостью Божьей.

Убедившись, что Пророк милостиво не отказывает мне в своей помощи, я стал еще с большим уважением относиться к его потомству.

Одной из милостей Божьих было то, что в 800 г.¹ я с 400 тыс. конницы двинулся к Эрзруму. Двигаясь по направлению к этому городу, вместе со своим войском, я внимательно наблюдал за тем, что делается по сторонам дороги, по которой мы шли. Я скоро заметил, что со стороны Ирака к нам приближается большая толпа народа. Через час воины, охранявшие движение моей армии, донесли мне, что со стороны Ирака видна еще толпа арабов. Прошел еще час, и я получил новые сведения, что к моему войску прибыла большая толпа бедуинов и саидов из Кербеллы и Неджефа². Всеми этими людьми предводительствовал саид Патах, а пред ним несли белое знамя.

Я очень обрадовался прибытию такого подкрепления и решил, что, вероятно, люди эти прибыли ко мне на по-

¹ В 800 году Хиджры Тимур воевал в Индии.

² Кербелла — священный город мусульман в Месопотамии, место убийства Хусейна, сына Али.

мощь по воле Божьей. Саид Патах, приблизившись ко мне, сказал: «Во сне мне явился четвертый халиф, Али, и приказал мне: доставь белое знамя брату моему Тимуру. Жители Неджефа, в свою очередь, сказали, что белое знамя доставлено мне как помощь при осуществлении задуманного мною дела, как средство к исполнению моего желания овладеть Эрзрумом. Услышав все это, я пал ниц, благодаря Бога за помощь, и приказал записать это событие в историю моих подвигов. В то же время ученые, находившиеся в моей свите, нашли в Коране изречение, указывающее, что в том году Рум должен пасть; в то время прибыл Инги-Тимур из своего убежища и поздравил меня с победой; я принял слово «победа» за хорошее предзнаменование и вручил ему белое знамя. Он бросил взгляд на белое знамя и начал битву.

Бог и в других случаях, кроме приведенного, неоднократно помогал мне; так, когда я собирался в поход к столице Рума, я пожелал узнать наперед, суждено ли осуществиться моему намерению. Для этого я отправился на могилу святого шейха Ясави¹ и просил погадать мне. При посредстве гадания я узнал, что если во время войны я буду находиться в затруднительном положении, то мне стоит только прочесть нижеприведенное четверостишие, и успех дела будет вне всякого сомнения. Стихи, которые должны были оказать мне такую помощь в трудную минуту, следующие:

«Ты, который по своему желанию волен темную ночь обратить в день.

«Ты, который можешь превратить всю землю в благоуханный цветник.

«Помоги мне в трудном деле, которое предстоит мне и сделай его легким.

«Ты, который делаешь легким все затруднительное».

¹ Хазрет-Султан в гор. Туркестане.

² Туклук Тимур, 25-й правитель Чагатайской династии, сын Аимель-ходжа, сына Дава-хана, умер в 1372 г. В Мавераннагр он пришел в марте 1359 г. (761 г. хиджры).

Я твердо запомнил эти стихи, и во время боя с Кайсаром 70 раз прочитал их про себя и одержал победу.

Бог помог мне и в следующем, 801 году. Потомок Чингиз-хана, Туклук Тимирхан², собрал войско для завоевания Мавераннагра и перешел у Ходжента Сырдарью. Мавераннагрские амиры и Хаджи Барлас из страха бежали в Хорасан и перешли Сайхун (Сыр)¹.

Я сам был в нерешительности: последовать ли общему примеру и искать спасения в Хорасане или же добровольно присоединиться к войску Туклук Тимурхана.

Единственным средством разрешить мучившее меня сомнение было посоветоваться об этом деле с моим духовным наставником, и я поспешил послать письмо шейху Заинуддину Абубекру, спрашивая, как поступить мне в данном случае. Шейх отвечал: «Четвертый халиф Али привел такое изречение Платона: если небо — лук и судьба — стрелы, то стрелок — Всевышний Бог; куда бежишь (от него)?» Прибегни к самому себе (соберись с духом) и присоединись к Туклук-Тимирхану, так как он Божья тень».

Я понял ответ шейха в том смысле, что Богу угодно, чтобы я действовал заодно с Туклук Тимурханом и потому поспешил присоединиться к нему к Ходжента на берегу р. Сырдарьи.

Хан был очень доволен, что я добровольно присоединился к нему и, по воле Божьей, облек меня полным доверием. Ни одного из своих предположений хан не приводил в исполнение, не посоветовавшись предварительно со мной. Так, однажды, до сведений хана дошло, что его эмиры в кипчакской степи² подняли знамя бунта. Хан спросил моего совета, как следует поступить в этом случае: идти ли на кипчаков самому, чтобы примерно наказать виновных, или же послать только войско? Я сказал: «Если ты пошлешь кого-нибудь, то будет две опасности; если пойдешь сам — одна опасность; умный человек тот, кто предпочитает одну опасность двум». Другой раз хан спросил моего

¹ Очевидно, здесь ошибка, должно быть Джайхун, Амударья.

² Золотая орда.

совета по какому-то делу, и я ответил ему так: могущество твое подобно громадному шатру, раскинутому над всем Мавераннагром. Столбы, поддерживающие этот шатер — справедливость, веревки, на которых покоится крыша — беспристрастие, и колья, которыми укреплена палатка — правда; этими тремя качествами поддерживай свое могущество, как колья, столбы и веревки поддерживают шатер. Всякий под сенью этого шатра найдет спасение, а бегущий от него — погибнет. Шейхам, улемам и саидам оказывая подобающее их высокому сану уважение, ко всем вообще относись справедливо. Хороших людей поощряй подарками, дурных — старайся исправить наказаниями; войско снабжай всем необходимым, а служащим у тебя исправно плати назначенное им жалованье; пусть воин будет убит, но жалованье он непременно должен получить.

Однажды люди царской свиты ограбили народ; потерпевшие пожаловались. Хан спросил у меня совета, и я ответил, что у турков ум такой же узкий, как их глаза; поэтому, чтобы добиться от них преданности, необходимо насытить их глаза и сердце. Туклук Тимур остался очень доволен моим ответом. Вскоре хан отправился на кипчаков, сам предводительствуя войском, а мне, на время своего отсутствия, вверил управление Мавераннагром.

Туклук Тимурхан, поручая мне управление страной, снабдил меня грамотой, в которой значилось, что Туклук Тимур отдал Мавераннагр брату своему Тимуру. Это было сделано во избежание междоусобий и притязаний врагов Туклук Тимура.

Однажды во сне мне явился Пророк и сказал: «Тимур! Семьдесят твоих потомков будут царствовать; это будет тебе наградой за то, что ты с уважением относился к моему потомству». Я запомнил сон. В 862 г. (Хиджры) Туклук Тимурхан вторично возвратился в Мавераннагр, заблаговременно известив меня о своем прибытии. Я торжественно встретил Туклук Тимура.

Возвратившись, хан вопреки уговору передал управление Мавераннагром своему сыну Ильяс-Ходже, а меня назначил главнокомандующим всеми войсками. Такое пони-

жение огорчило меня, я был обижен, что от меня отняли власть и сделали меня только начальником войска. До сведения Туклук Тимура дошло, что я недоволен его распоряжением, поэтому он пригласил меня к себе и показал завещание деда моего, Качули Богадура¹. На стальной доске было написано, что наследование прав на царское достоинство представлено было потомству Кабыльхана, а потомству Качули предоставлено было право преемственно занимать пост главнокомандующего всеми военными силами. При этом завещание обязывало представителей обоих родов поддерживать друг друга и отнюдь не враждовать между собой из-за власти.

Убедившись, что таким образом назначение меня военачальником вполне согласуется с завещанием моих предков, я утешился.

Но так как Ильяс-ходжа не обладал качествами, необходимыми для правителя, то эмиры и узбеки не оказывали ему послушания. Однажды жители Мавераннагра пожаловались мне, что узбеки требуют, чтобы им были выданы 1000 девушек. Я доложил об этом Ильяс-ходже. Он запретил узбекам такое насилие, но те не обратили на его приказ ни малейшего внимания. В то время некоторые из персидских саидов принесли жалобу, что узбеки увели в плен 70 потомков Пророка, саидов. Такая неслыханная дерзость окончательно вывела меня из терпения; я быстро двинулся за ними и освободил из плена саидов. Узбеки негодовали на меня за такой поступок и, чтобы повредить мне во мнении Туклук Тимура, послали ему донос, будто бы я намерен отделиться и восстать против него. Туклук Тимур прислал грамоту, чтобы меня казнили за измену, но совершенно случайно приказ этот попал в мои руки, и

¹ Тимур не был в действительности потомком Чингиз-хана, но, вероятно, во время могущества Тамерлана, генеалоги произвели род его от младшей линии потомства Чингиз-хана: будто бы в числе предков Чингиз-хана было два брата, Кабыльхан и Качули-Богадур, которые составили между собой условие, о котором здесь идет речь. От старшей линии двух братьев, т. е. потомства Кабыльхана, родился Чингиз-хан, а от Качули-Богадура произошел Тимур.

я принял все меры предосторожности, чтобы защитить себя от совершенно незаслуженного мною наказания. Как раз в это время во сне явился мне пророк и объявил, что за освобождение мною из плена 70 саидов, семьдесят поколений моего потомства будут царствовать.

Проснувшись, я поспешил сообщить о сновидении своему покровителю и наставнику, шейху Заинуддину Абу-бекру. Святой человек вскоре прислал мне ответ, что, по его мнению, сон предвещает мне бесчисленное множество побед. Шейх привел мне в пример случай с одной женщиной — матерью Субактакина¹, которой, за то, что она спасла от смерти козу, было обещано, что ее потомки будут царствовать. Женщина эта спасла от смерти козу, — писал шейх Заинуддин Абубекр, — а ты освободил из плена 70 потомков Пророка, поэтому можешь быть уверен, что за сделанное тобою доброе дело тебя ожидает в будущем большая награда. Вещий сон исполнился: еще при жизни я доставил престолы шести сыновьям своим.

Вскоре я получил от своего наставника другое письмо, в котором он сообщал мне, что Богу угодно было поставить меня хранителем (казначеем) своего царства, а Пророк вручил мне ключи от него. Когда узбеки возгорелись сильной враждой против меня, от Туклук Тимура вторично пришло приказание убить меня; они хотели убить меня исподтишка, и стали выжидать удобного момента, чтобы покончить со мной.

Опасаясь измены со стороны моей собственной свиты, и, под предлогом охоты, выехал из Самарканда и укрылся на одном кладбище. Склонив голову на камень, я уснул. Какая-то птица распростерла надо мной свои крылья и так прикрыла мою голову, что солнце несколько мне не мешало. Меня разбудил проходивший мимо гуртовщик баранов словами: «Без бека — ты бек». Эту фразу я принял за хорошее предзнаменование и отважился возвратиться в Самарканд.

Я получил следующую фетву от почетных лиц города: «От насилий узбеков мир пришел в разрушение; почтен-

¹ Сабуктакин — отец известного султана Махмуда Газневийского.

ные люди оскорблены, имущество мусульман разграблено. Мы, факиры, саиды и шейхи, единогласно приняли решение подчиниться тебе. Если предложишь усилия к истреблению узбеков, мы все встанем за тебя, если же не защитишь нас от насилий узбеков, то в день страшного суда мы обвиним тебя пред лицом Всевышнего».

Обо всем случившемся я написал письмо шейху Заинуддину Абубекру и вскоре получил от него ответ. Мой духовный наставник поздравил меня с честью, которую мне делают саиды и улемы, и писал: «Эта фетва — решающий довод; праведные халифы одобряют твоё назначение».

Я понемногу стал собирать войско и готовиться к выступлению в поход, чтобы наказать узбеков, но у меня не было друга, которому бы я открыл свою тайну; хотя население и подчинилось мне, но я не решился открыто поднять знамя восстания. Когда моя тайна распространилась среди народа, узбеки каким-то образом узнали об угрожающей им опасности и собрались все в одно место. В это время я получил письмо от шейха Заинуддина Абубекра, который извещал меня, что пророк окажет мне помощь в задуманном мною предприятии. Это известие успокоило меня.

В это время Туклук Тимур снова прислал приказание казнить меня; поэтому святой Амир Кулял посоветовал мне немедленно отправиться в Хорезм. «Всегда следует отступать пред превосходными силами и удаляться от врага, которого одолеть не можешь; так поступали пророки», говорил мне Амир Кулял.

Желая узнать, что ожидает меня в пути, я загадал по Корану, и мне открылось изречение: «Солнце течет к назначенному месту: таково распоряжение Сильного, Знающего» (гл. 36, ст. 38). Я понял из этих слов, что путешествие мое обещает быть вполне благополучным и потому окончательно решил отправиться в путь.

Перед отъездом я написал письмо шейху Заинуддину и в 864 году¹, с 60 всадниками, выехал из Самарканда в Хорезм. На пути я получил от шейха ответ следующего

¹ Вероятно, в 764 году.

содержания: «Тимур, усвой себе четыре качества: 1. Всякое путешествие совершай по примеру пророка, всякое дело начинай не иначе, как предварительно испросив благословения и помощи у Бога. 2. В своих делах руководствуйся всегда примером святого пророка Авраама, наблюдая, чтобы во время твоего правления, в подвластных тебе странах, не совершалось прелюбодеяния, или других тяжких преступления. По своему усердию и настойчивости не уступай аисту. Один аист в своем гнезде нашел маленького вороненка. В течение трех дней аист не обращал на вороненка никакого внимания, а на четвертый день слетелись четыреста аистов и умертвили хозяина гнезда за то, что нашли у него в гнезде вороненка. 3. Всякое дело, по примеру пророка, начинай не иначе, как посоветовавшись с другими людьми. Были цари, которые всякое дело делали по собственному усмотрению, ни с кем не советуясь, и могущество таких правителей не было продолжительно. 4. Подражай четверем правоверным халифам. Будь храбр, заботлив и щедр, всякое дело делай с особенным вниманием. Следуй примеру птиц, которые очень внимательно разбивают яйца, из которых надлежит выйти их маленьким цыплятам».

Во время моего пути, однажды, совершенно неожиданно ночью на меня напали 1000 всадников. Со своими шестьюдесятью телохранителями, я одолел врагов. Шестьсот человек сложили свои головы в этой кровопролитной битве, потом я, один на один, сразился с Тугульбогатырем и победил его; богатырь раскаялся том, что сразился со мной.

Я отправился далее в Хорасан, но меня захватил в плен хан Алибек. Два месяца мне пришлось томиться в тюрьме, изобиловавшей насекомыми. Однако мне удалось, наконец, выбрать удобное время и бежать из тюрьмы. Вооруженный саблей, я прошел мимо карауливших меня тюремщиков, и никто из них, из страха, не осмелился преградить мне дорогу. Прямо из тюрьмы, вооруженный саблей, я пошел к Алибек-хану. Как раз в это время, хан получил письмо от брата своего Мухаммад-бека, который предупреждал Али-бека, что в случае, если Тимур посетит подвластную Алибеку страну, то следует принять Тимура

с подобающим почетом. Прочитав письмо и увидев меня перед собой, хан просил меня простить ему, что, по неведению, он так жестоко обошелся со мной.

Случилось однажды мне встретиться с астрологом. Он, справившись с положением звезд, решил, что судьба моя находится под влиянием звезды Джадды¹. Это указывает на совершенство, долгую жизнь, славу и могущество, сказал мне звездочет. Когда твоя судьба станет в зависимость от положения звезды Зухаль², ты превзойдешь остальных султанов и одолеешь всех своих врагов. Когда солнце достигнет своего четвертого жилища — созвездия Овна, ты овладеешь царским престолом, ты придашь блеск своему царству и доставишь победу вере пророка. Когда звезда Муштари³ придет в 5-й дом, потомство твое умножится, слава о царствовании твоих потомков останется на земле. Звезда Муштари покровительствует соблюдающим Шариат. Если потомки твои будут руководствоваться в своих поступках указаниями Шариата, могущество их возрастет, если же они будут действовать против Шариата, то могущество их исчезнет.

В молодости я слышал от отца моего Амира Тарагая рассказ о виденном им сне: однажды, рассказал мне отец, я увидел во сне, что ко мне подошел красивый молодой человек, лицом похожий на араба, и вручил мне меч; я взял меч в руки и стал им размахивать по воздуху; блеском стального клинка осветился весь мир. Я просил святого амира Куляля объяснить мне это сновидение. Амир Куляль сказал мне, что сон этот имеет пророческое значение, что Бог пошлет мне сына, которому суждено овладеть всем миром, обратить всех в ислам, освободить землю от мрака новшества и заблуждения. Сон этот исполнился: в 733 году Бог дал мне тебя, мой сын. Как только ты появился на свет, я тотчас же отнес тебя к шейху Шамсуддину. Когда я пришел, шейх читал Коран и остановился на следующих словах: «Ужели не опасаетесь, что тот,

¹ Козленок — знак зодиака.

² Сатурн.

³ Юпитер.

кто на небе, может велеть земле поглотить вас, тогда как она уже колеблется?» (гл. 67, ст. 16). Так как в этом стихе Корана встречается слово «Тимур», то мы нарекли тебе имя Тимур.

Выслушав рассказ моего отца об обстоятельствах, при которых мне было дано имя, и узнав, что имя мое заимствовано из Корана, я возблагодарил Бога и прочел главу Корана «Табарак».

Однажды я видел во сне, будто бы я закинул невод в большую реку, сеть охватила всю реку, я ею одновременно вытащил на берег всех населяющих воды рыб и животных. Этот сон снотолкователи также объяснили мне как предвещающий мне великое и славное царствование, настолько славное, что все народы вселенной мне будут подвластны.

По совету святого шейха Камала, я отправился к святому саиду Кулялю; саид встретил меня поздравлением с восшествием на престол, который мне суждено преемственно передать моему потомству. Услышав такие слова от почтенного саида Куляля, я очень обрадовался и стал принимать меры к тому, чтобы овладеть всем миром. Все, что я задумывал, удавалось мне, во всяком предприятии я достигал с успехом поставленной себе цели.

Однажды я встретился с военачальником страны Чата¹, подчиненного амира саид Байгубару. Этот амир вскоре напал на меня с шестью тысячами всадников на берегу реки Балх. На этот раз в моем распоряжении было всего около 1000 всадников. На стороне моего противника виделось такое множество войска, что я заметил, что мои

¹ Область Чатта (Чете, Джете), или Могулистан — так назывался Восточный Туркестан, со включением Семиречья и Джунгарии. Судя по словам историка Мирза-Хайдара (XVI в.) слово Чете имело ругательное значение. Во французских переводах народ, населивший страну Джете, называется гетами, но так как такого наименования народа в той местности не было, а из последующих походов Тамерлана и войн его потомков видно, что этот народ, завоевавший потом Коканд, Бухару и Хиву, назывался узбеками, то генерал-лейтенант Иванин принял для них это название, хотя, вероятно, оно сделалось известным после Тимура. Буквально «Узбек» значит «сам-господин».

воины упали духом. К счастью, в это время амиры Джугуй Барлас, Инги Тимур, Муса и Сулейман прислали мне на помощь еще тысячу всадников. С этой поддержкой мне удалось разбить войско Байгубара.

Ильяс, сын Туклук-Тимур Хана с тридцатью тысячами всадников перешел каменный мост¹ и разбил царский шатер. У меня в это время было всего только 6000 всадников и те, видя значительный перевес в силах на стороне нашего врага, пришли в уныние. К нашему благополучию, как раз в это самое время, от хорасанских саидов, живших в Термеде, пришел отряд, который поспешил присоединиться к моему войску. Прибывшие хорасанцы подходящими увещаниями сумели ободрить и укрепить моих воинов и они освободились от овладевшего было ими страха пред сильнейшим неприятелем. Я дал сражение Ильясу, и мне удалось победить его. Еще перед сражением, когда мы расположились в виду войска Ильяса и приготовили военные орудия, пришло время молитвы, и я тоже стал молиться. Когда я сделал земной поклон, я услышал чей-то голос, который говорил мне: «Тимур, тебе дарована победа». Подняв голову, я осмотрелся и оказалось, что подле меня никого нет. Сообразив, что я слышал голос из мира тайн, я принес Богу благодарственную молитву.

Я предпринял поход в Персию. Совершенно неожиданно на меня напал шах Мансур с пятью тысячами всадников. Чтобы сразиться с врагом, я приказал возможно скорей собрать воинов, вооруженных пиками, но, к моему глубокому огорчению, таких воинов не оказалось налицо.

Совершенно неожиданно ко мне явилась помощь оттуда, откуда я и ждать не мог: всадник, лицом похожий на араба и вооруженный пикой, прискакал с одной стороны, с криком: «О Боже! дай победу Тимуру». Шах Мансур, услышав этот возглас незнакомца, так перепугался, что без чувств свалился с лошади. Шах Рух поднял его на свою лошадь и увез. Всадник, который так своевременно явился ко мне на помощь, исчез, и я овладел столицей

¹ Такой мост до сих пор существует в 2-х переходах от Самарканды по дороге в Ташкент.

Персии. Я потребовал от амира Хусайна сдачи крепостей Шадман, Балх и Бадахшан. В это время шейх Заинуддин Абубекр прислал мне письмо, в котором сообщал мне, что ключи Хорасана вручены мне. Получив такое радостное известие, я не сомневался больше в успехе предстоящего мне предприятия. В 837 году, перейдя Амударью, я овладел Гиасуддином и Кентом, со всем имуществом и казной, в них находившимся. Саид Мухаммад Гису-Дараз (длинношей) сообщил мне, что амир Саид Али приказал передать мне, что святой Хызр мне поможет. Когда святой Хызр являлся в Самарканде, мне суждено было увидеть его чудеса; он при этом сказал мне несколько неприятных слов, которые меня огорчили до глубины души.

Выехав из Самарканда, я был очень смущен, думая, что, обидевшись на слова, сказанные мне св. Хызром, я огорчил его самого. Когда пришло упомянутое известие, я успокоился и понял, что такого святого не может огорчить простой смертный.

После этого я разрушил до основания капища, в которых туземцы поклонялись своим идолам и распространил в этой стране мухаммаданскую веру. Самое большое капище принадлежало Тугуль-богадуру. Когда я вздумал его разрушить, ко мне обратились жрецы (брахманы), поднесли много золота и просили пощадить кумирню. Я не обратил внимания на их просьбы и велел прогнать их. В кумирне находилась между прочими идолами и статуя человека; когда я хотел уже сделать распоряжение, чтобы сломали это изображение, один из жрецов обратился ко мне с просьбой оставить неприкосновенной эту статую святого чудотворца, высокочтимого по их вере. По его словам, этот чудотворец был настолько силен, что в одну ночь мог иметь половое сношение с 1600 женщинами. На это я ответил жрецу, что дьявол еще сильнее их чудотворца, он может в одну ночь познать какое угодно число женщин.

Всякое предприятие свое я начинал с доверием к Богу, не справляясь, благоприятствует ли данный момент началу дела, мною задуманного. Тем не менее, звездочеты находили, что все, что я ни делал, я предпринимал как раз в то время. Какое соответствовало данному событию по расположению звезд.

Результат каждого предпринимаемого мною трудного дела был мне заранее известен: я узнавал то, что меня ожидает, по сновидениям. Так, когда Туклук Тимур впервые пришел в Мавераннагр, я увидел во сне, что будто бы ко мне подлетела птица шагин (сокол) и уселась ко мне на руку. В это время пришло много коров и я их подоил. Сновидение это, объяснили мне, предвещает мне счастье: птица, усевшаяся мне на руку, означает могущество, а множество коров предвещали мне многие выгоды. И действительно, сон мой исполнился: я присоединился к Туклуку Тимуру, и это принесло мне серьезные выгоды.

Амир Хусайн, внук амира Казгана, пришел из Кабула, чтобы отобрать земли, принадлежавшие его отцу. Я ему много помогал, но он решился убить меня, несмотря на то, что я был женат на его сестра. Чтобы примирить его с собой, я назначил его наместником в Балх, но это не только не подействовало на него так, как я ожидал, но он, напротив, почувствовав силу свою, остался моим врагом и задумал воевать со мной. Я тоже сделал необходимые приготовления к войне с амиром Хусайном.

Сбираясь на войну, я видел сон, будто бы амир Хусайн, на серебряном блюде, поднес мне меч, клинок которого весь сплошь был облеплен мухами. Этот сон мне истолковали так, что сновидение обещает мне помощь в моем предприятии Имама Хусайна, потомка пророка. По смыслу сна, могущества амира Хусайна должно было перейти ко мне, а самого его мне суждено было убить. Все это исполнилось, и я выразил свою благодарность оказавшему мне помощь потомку пророка тем, что совершил путешествие на могилу Имама Рузи.

Однажды я бежал из Самарканда и увидел во сне себя самого плачущим; черный ворон сел мне на плечо, а со всех сторон слетелся рой мух. Я отогнал мух и проснулся в дурном расположении духа. В это время Тугуль-богадур напал на меня с тысячью всадников. Я понял, что плач мой во сне и черный ворон означали предстоящее мне горе, а множество мух — войско Тугуль-богадура, которое мне суждено победить. Действительно, вскоре я сразился с Тугуль-богадуром и разбил его наголову.

Когда я отправился в Балх, я видел во сне, будто бы мне поднесли несколько бутылок вина, а я разбил их, ударя одной из бутылок по остальным. Меч свой я увидел иззубренным и счел это за дурное предзнаменование. Шах Мансур напал на меня с 5000 всадников. Я его победил, войско его рассеялось и скрылось в страну кипчаков.

Однажды Тохтамыш-хан, забыв все мои дружеские услуги, сделанные ему в разное время, с бесчисленным войском пришел, намереваясь воевать со мной. Рассчитывая усовестить его, я написал ему письмо, в котором советовал ему не платить мне злом за сделанное ему мною добром, иначе он будет жестоко наказан за неблагодарность. В это время мне приснилось, будто бы луч солнца, с востока, упал мне на голову, но как бы потух и исчез. Снотолкователи объяснили мне, что сон мой знаменует приход Тохтамыш-хана и полное его поражение в борьбе со мной.

Когда я отправился в сторону Ирака, я увидел во сне, что ко мне пришло множество львов и скорпионов. Через несколько дней эмиры явились ко мне с изъявлением покорности, и я овладел этой страной.

Собираясь в поход на Индустан, вижу себя во сне в роскошном саду, полном деревьев, обремененных плодами. Птицы в ветвях деревьев свили множество гнезд. Взяв пращу, я разорил эти гнезда. По мнению снотолкователей, сон этот предвещал, что поход мой в Индустан будет вполне удачен, что и исполнилось в действительности: я овладел Индустаном и разорил там множество городов.

Когда я двинулся с войском в Сирию, против меня соединились войска Сирии, Египта и Турции. Сопротивляться тройственному союзу казалось трудным. Я прочел «салават» и лег спать. Во сне я увидел себя восходящим на высокую гору. Над моей головой нависли свинцовые тучи, меня окутала мгла тумана. Вскоре однако тучи разразились сильнейшим ливнем и туман после дождя рассеялся. Этот сон, по словам толкователей, предвещал мне полную победу над собравшимися против меня врагами. Гора, объясняли мне, это столица Сирии, цель твоего похода; тучи и туманы — войска твоих врагов, а дождь это твое войско. Как виденный тобой дождь, выпав, рассеял тучи и

туманы, говорили мне, так и твое войско, обрушившись на вражьи полчища, рассеет их. Этот сон исполнился.

Однажды, в то время когда я располагал всего стотысячным войском, на меня напал царь Рума-Кайсар с войском в четыреста тысяч человек. Положившись вполне на заступничество семейства пророка, я прочел «салават» и лег спать. Мне приснилось, что я нахожусь в пустыне, вокруг меня множество народа, а вдали виднеется свет. Я поспешил по направлению видневшейся светлой точки. На дороге я обратил внимание на три кучки золы и поехал дальше. По дороге я догнал пять человек, которые от нас удалялись. Вдруг поднялась холодная буря и один из шедших по дороге людей объяснил, что эта буря указывает на то, что в это время пророк с большим трудом восходит на небо. Я подошел и удостоился счастья приветствовать пророка. У одного из встреченных нами людей в руках был батик¹. Пророк знаком руки повелел мне взять этот батик, и я взял его из рук виденного мною человека. Я проснулся, счастливый что видел во сне пророка и удостоился с его стороны такого внимания. В этот же день я рано утром сразился с Кайсаром, схватил белое знамя, разбил наголову и прогнал его войско. Во время битвы я очень устал и почувствовал себя нездоровым. Думая о смерти, я был очень озабочен, что станется с моим царством после моей смерти и кого из своих потомков мне следует назначить своим преемником, на случай моей смерти. Пророку угодно было успокоить меня: он открыл мне, что 70 поколений моего потомства будут царствовать.

В это время я увидел сон, будто я нахожусь под деревом, которое раскинуло надо мной свои развесистые ветви и защитило меня от солнечных лучей. В чаще ветвей шумели различные птицы и насекомые, которые все ели плоды тенистого дерева под сенью которого я отдыхал. Я сам попробовал плодов: одни из них оказались сладкими, другие кислыми. Во сне же я слышал голос, что виденное мною дерево представляет мое потомство. Когда я про-

¹ Батик — палка с металлическим шаром на конце, холодное оружие.

снулся, снотолкователи объяснили мне мой сон так: дерево — это ты, говорили они, ветви с листьями — твое потомство, плоды твое могущество и богатство, а животные, евшие плоды с дерева, это подвластные тебе народы, которые пользуются твоими щедрыми милостями.

В то время, когда я был озабочен своими делами, я вижу однажды во сне, что меня окружили различные ужасные призраки духов, свиней, некрасивых мужчин и женщин, диких зверей и птиц. Я в ужасе проснулся и поспешил написать письмо о виденном мною сне моему духовнику, наставнику и покровителю, шейху Заинуддину. Вскоре я получил от него ответ.

«Пугала, привидевшиеся тебе во сне, это дурные дела, тобою содеянные, — писал шейх, — поэтому тебе необходимо покаяться». Я чистосердечно раскаялся в своих прегрешениях и увидел сон, совершенно непохожий на прежде виденный мною страшный сон. В этот раз я увидел себя отдыхающим в великолепном саду, украшенном всевозможными цветами и наполненном фруктовыми деревьями. Посреди сада протекали большие реки и слух мой ласкали нежные звуки музыки. Я снова написал письмо шейху о виденном мною сне, и тот ответил, что я видел хороший сон и это означает, что раскаяние мое принято Богом и заслужило мне прощение всех совершенных мною прегрешений. «Пророк сказал, писал шейх, что к каждому человеку приставлен злой гений, наблюдающий за его поступками. Своим покаянием ты одолел своего злого гения и всякому мусульманину надлежит раскаянием и добрыми делами с Божьей помощью ослаблять влияние своего злого гения».

Когда я собирался в поход из Самарканда на Китай, я увидел во сне, будто бы я с ветвей большого дерева слез на землю; на голове у меня была чашка с водой, которая при этом упала и разлилась. В это время отец мой, амир Тарагай, взял у меня из рук лошадь и повел меня в сад. Оставив меня в саду, отец исчез. Снотолкователи дали мне объяснение виденного мною сна, но я не поверил им, а вполне положился на провидение.

В это же время я видел другой сон: будто бы я заблудился в пустыне, где были дикие звери. Пройдя степь, я

пришел в сад, где нашел множество плодов и музыкальных инструментов. В саду же находился громадный трон. Вблизи трона находилась высокая башня, а на вершине ее сидели какие-то люди. Пред каждым из них лежала книга, и они что-то вписывали в эти книги перьями. Я спросил их, что они пишут, и получил ответ, что на их обязанности лежит вести запись тому, что должно случиться в жизни с каждым человеком. Заинтересованный, я стал спрашивать, кто записывает обстоятельства моей будущей жизни, но в это время проснулся, встревоженный виденным мною сновидением.

В то время, когда я овладел Персией, жители провинции Шираз, с помощью шаха Мансура, убили поставленного мною наместника. За это я распорядился всех ширазцев предать избиению. Ко мне пришел саид-Джамиль-уль-Кадыр и просил помиловать ширазцев, но я не обратил внимания на заступничество саида. В следующую же ночь я увидел во сне пророка, который сурово сказал: «Тимур, ты не уважил просьбы моего потомка и не помиловал населения Ширази; разве ты сам не нуждаешься в моем ходатайстве?» Я, в страхе, что навлек на себя гнев пророка, проснулся. Я сейчас же отправился к саид-Джамиль-уль-Кадыру и просил у него прощения за то, что не исполнил его просьбы. Ширазцев я не только помиловал, но даже вознаградил этот народ, а Ходже Махмуду отдал страну Мегриджан. Я понял, что следует беспрекословно исполнять то, что скажут саиды, должно оказывать всевозможное почтение потомству пророка. Любовь к потомству пророка укрепилась в моем сердце. По поводу случившегося со мной и виденного мною сна, я написал письмо шейху Заинуддину, который вскоре прислал мне ответ следующего содержания: «Дай тебе Боже всего, что ты у него попросишь. Внуши своему потомству, что помилование пророка существенно необходимо для всех людей. Любовь и почтение к потомкам пророка есть залог спасения в этом и будущем мире. Каждый раз, как станешь на пятикратную молитву, воздай им благословение, чтоб намаз был угоден богу. Исполнив все это, ты можешь надеяться быть награжденным в будущей жизни. Оказывай как можно больше внимания потомству пророка».

Отец мой, амир Тарагай, рассказывал мне, что еще до моего рождения, однажды он видел во сне, что будто бы ему вручили меч, блеском которого озарился весь мир. Из руки его поднялись пары, в воздухе обратившиеся в капли, которые и упали на землю дождем. Сон этот объяснили отцу моему так, что его потомству предстоит царствовать и что между прочими детьми у него родится сын, которому суждено силой оружия подчинить себе весь мир, так что все народы будут ему подвластны. Вслед за этим сном я родился.

Когда мне исполнилось семь лет от роду, меня определили в школу, где мне вручили табличку слогов; я стал читать и очень обрадовался сделанным мною успехам.

Когда мне исполнилось 9 лет, я начал молиться и стал старшим учеником во всей школе. Во всех собраниях, где мне случалось быть, я старался выбирать место подле ученых людей, причем всегда сидел, поставивши колена на землю. Такое почтительное положение пред лицом старших я принял за правило. На улице я играл с детьми. В играх я всегда провозглашал себя амиром и управлял, играя в войну, примерными столкновениями двух партий моих сверстников между собой.

С 12-ти летнего возраста я уже стыдился детских игр и старался проводить время среди равных себе молодых людей.

С семи и до семидесяти лет, всю жизнь, я щедро помогал бедным. Одежду, раз надеванную, я уже не одевал вторично, а отдавал неимущим. Когда я достиг могущества, я возвеличил и всех товарищей моего детства. Ежедневно я приказывал заколоть одного барана для бедных. Тушу разрезали на 7 частей и раздавали нуждающимся мясо.

Когда мне было 14 лет, я любил одного мальчика, у которого был другой товарищ, по имени Муллача, с дурными наклонностями. Этот Муллача однажды сказал мальчику, с которым я был дружен: я у тебя прошу... Мальчик ответил: проси у меня поцелуй, а Муллача ответил: что мне пользы от твоего поцелуя? После этого случая я решил избегать быть в обществе таких товарищей.

Когда я достиг 15-летнего возраста, я очень полюбил охоту верхом и достиг в этом высокой степени искусства.

Однажды сидел я на берегу реки, отдыхал. К воде подошел турок с черезседельником в руках. Вскоре пришла к тому же месту неизвестная служанка, по-видимому, за водой. Турок, увидев женщину, вздумал ее изнасиловать. На крик женщины, к ней на помощь явился ее родственник и пытался защитить ее от турка, но тот связал избавителя черезседельником, а женщину поясом и осуществил свое гнусное намерение. Я смеялся виденному мною зрелищу, но вместе с тем, во мне явилось желание постараться уничтожить во всем мире таких преступных людей.

Мне исполнилось 16 лет. Отец мой, амир Тарагай, привел меня в мечеть и объявил, что право начальствования над войсками теперь перешло ко мне по наследству от моих предков. Но я уже в это время узнал, что мир подобен золотому сундуку, наполненному змеями и скорпионами, поэтому я стал презирать золото и могущество и остался жить в мечети.

Однажды отец сказал мне: выслушай и запомни те наставления, которые я тебе теперь дам. 1. Почитай и не забывай своих предков, помни, что ты, Тимур, сын Тарагая, Тарагай сын амира Баргуль, Баргуль сын амира Илынгыза, Илынгыз сын Богадура, Богадур сын Анджаль-нуяна. Анджаль-нуян сын Суюнчи, Суюнчи сын Ирдамчи-Барласа, Ирдамчи-Барлас сын Качули-Богадура, Качули-Богадур сын Тумене-хана, который был родственником сын Яфиса¹. Из наших дедов Караджар Нуян первый познал Бога посредством размышления о мире, вместе со свими подчиненными, которых рассудок убедил в истинности ислама. Признав Единого Бога царем, он признал визирем пророка Божия, потом познал праведных халифов. 2. Завещаю тебе, Тимур, поступай всегда и во всем по примеру отцов и дедов, согласно Шариата и потомство пророка почитай и уважай, к народу относись милостиво и снисходительно. 3. Помни, что все мы рабы Бога, заключенные в жизнь рукой судьбы под этим синим сводом; поэтому будь доволен всем, что Бог дает тебе, будь ему благодарен за все его милости к тебе. Повторяй имя Божие, признавай

¹ Иафет.

его единство, будь послушен велениям Бога и не делай того, что запрещено. 4. Не разрывай родственных уз и никому не делай вреда. Щедро награждай подарками тех, кто служит тебе и выработай в своем характере беспристрастие. С каждым созданием обращайся снисходительно. Выслушав мудрые наставления моего отца, я твердо решил исполнять их в моей жизни.

Когда мне исполнилось 17 лет, отец удалился в частную жизнь. Я собрал весь его скот и принадлежащее ему имущество, поставил отдельно каждую сотню баранов и отделил самцов от самок для приплода. На каждый десяток принадлежавших отцу рабов назначил одного старшим.

Я отправился к святому амиру Кулялю. Придя к нему, я сел среди почтенных людей, которых там застал. Амир Куляль тотчас же обратил на меня внимание и сказал присутствовавшим, что хотя с виду я и кажусь человеком бедным и низкого звания, но на самом деле я человек важный. Амир склонил голову и несколько времени сидел молча. Пред ним находились лепешки и халва. Подняв голову, амир передал мне 7 лепешек и часть халвы и сказал: съешь эти 7 хлебов и ты будешь властителем 7 частей света, будешь владеть всем миром. Я удивился, и все присутствовавшие пришли в изумление. Я послал полученные 7 хлебов отцу, но отец возвратил их мне и сказал при этом, что амир Куляль — святой, и то, что он мне предсказал, должно исполниться. Я спрятал хлебы. И это было для меня началом Божьего благословения.

Однажды отец мой, амир Тарагай, отправился к амиру Кулялю, и тот сказал ему: «поздравляю тебя с тем, что Бог послал тебе такого сына, как твой Тимур». Он передал отцу немного пшеницы и изюма и приказал сосчитать зерна и ягоды. Оказалось всего 370 штук. «Вот из этого числа можно узнать о численности твоего потомства», сказал отцу амир Куляль. Я спрятал зерна, данные амиром Кулялем моему отцу. Богатство мое все увеличивалось. Обо всем происшедшем со мной я сообщил матери. Мать, помолившись, в свою очередь отправилась к амиру Кулялю. Тот сказал ей: «Женщина! Сын твой будет царем всего света и 370 потомков его будут могущественны, а 70 по-

томков будут царствовать. В его потомстве может быть и больше царей, но это в том случае, если он будет следовать шариату пророка и не оскорбит его чистого духа». Мать рассказала мне все слышанное от амира Куляля, и я принял твердое решение во всех своих поступках в точности руководствоваться постановлениями Шариата.

Мне минуло 18 лет, я возмужал, стал силен и пристрастился к охоте. Однажды охотясь, я гнался верхом за козой. На пути мне встретился овраг в 5 аршин шириной и 4 аршина глубиной. Я не в силах был сдержать лошадь, конь мой напряг все силы и перепрыгнул овраг, но достал до противоположного берега лишь передними ногами, задние же повисли над пропастью. Я быстро вскарабкался на берег, а лошадь упала в овраг. Спутники мои возблагодарили Аллаха за чудесное спасение моей жизни, никто из сопровождавших меня не в состоянии был перескочить разделявший нас овраг; мне довелось пешком перебраться на тот берег, где я оставил свою свиту и там же сесть на коня. Мы двинулись далее, но вскоре пошел сильный дождь, превратившийся вслед затем в хлопья снега, поднялась буря с вьюгой. Мы потеряли всякую надежду благополучно добраться до цели нашего путешествия и приготовились к смерти. Однако, вскоре мы заметили вдали какие-то черные предметы. Спутники мои высказали предположение, что это холмы, но я быстро проскакал расстояние верст в восемь, отделявшее нас от видневшихся на горизонте предметов. Приблизившись, я увидел свет и различил в темноте сплетенную из камыша юрту, куда и поспешил укрыться от снега. Впоследствии, когда я сделался амиром, я, в благодарность за оказанное мне гостеприимство, освободил от уплаты податей приютившего меня хозяина юрты со всем его родом и наградил его за оказанную мне в критическую минуту услугу.

Когда мне исполнилось 19 лет, я заболел. Меня лечили всеми возможными средствами, но никакие лекарства не помогали: я семь суток не ел, не пил, а лежал весь в жару. В это время окружающие обратили мое внимание на рану, открывшуюся у меня на руке между пальцами. Придворные плакали, опасаясь за неблагоприятный исход болезни, я и сам плакал, но вскоре поел и поправился.

Однажды, когда я находился в комнате моего отца и был занят чтением главы Корана «Табарак», предо мною предстал саид с длинными волосами и предсказал мне, что я буду великим царем. Я не замедлил сообщить отцу о виденном мною. Отец обратился к звездочетом за разъяснением, какая судьба меня ожидает, и те предрекли, что я буду таким могущественным царем, равного которому нет во всем мире. Радуюсь, что мне в жизни предстоит великая будущность, я роздал бедным щедрую милостыню.

Достигши 20-летнего возраста, я полюбил верховую езду и часто, разделив своих сверстников на два отряда, устраивал примерные сражения между ними.

Однажды отец мой рассказал мне из истории наших предков следующее: предок наш, Абуль-Тур, сын Яфиса, был главным султаном у турков. Пятый сын его, Улиджи-хан, был тоже царем, и у него одновременно родились два сына, близнецы. Одного из них называли Татар, а другого Могул. Оба они стали султанами, но гордость увлекла их с пути ислама в долину неверия. От Татара произошло 8, а от Могула 9 сыновей, которые и стали родоначальниками отдельных родов. Потомки Татара — 8 родов и потомки Могула — 9 родов сражались в Туркестанской степи до тех пор, пока не вступил на престол Тумене-хан, который был мусульманином. у него родились близнецы, два сына: Качули и Кабыльхан. Качули в детстве видел сон, что из потомства Кабыльхана звезда засветила ярко, подобно солнцу, взошла на небо и озарила своим блеском весь мир. Качули тогда же рассказал своему отцу, Тумене-хану, виденный им сон, и толкователи объяснили сон так: в третьем поколении потомства Кабыльхана должен родиться великий завоеватель, который овладеет всем миром — Аламгир¹.

Братья устроили пышное торжество, во время которого заключили между собой условие и подписали договор, чтобы потомки обоих братьев вечно жили в мире между собой. Власть же решено было поделить так, чтобы потомки Ка-

¹ Джангангир, Аламгир то же, что Владимир, по буквальному смыслу.

быльхана царствовали, а потомки Качули занимали преемственно по наследству должность главнокомандующего всеми войсками. Этот договор вырезан был на стальной плите и заперт в казнохранилище.

В это время у внука Кабыльхана, сына Бурхан-Богадура-Камсагу-богадура, родился сын. Этот правнук Кабыльхана появился на свет с окровавленными руками. Назвали его Тимучиханом. После многих трудов и испытаний, Тимучихан, 40 лет от роду сделался правителем всего Туркестана. В день восшествия его на престол царский, к нему явился юродивый и объявил, что получил от Бога откровение относительно будущности Тимучихана. «Бог открыл мне, сказал юродивый, что весь мир он отдал во власть Тимучихана, поэтому я даю тебе имя «Чингиз-хан», что означает «царь царей». Чингиз-хан принялся за завоевания и овладел многими городами и областями, а также умертвил множество людей.

Наместником своим в Мавераннагр Чингиз-хан назначил Чагатайхана, а главнокомандующим войсками моего предка Караджар-Нуяна¹, сына Сиванчи, внука Барласа, правнука Качули.

Достав из казнохранилища договор, начертанный на стальной доске, Чингиз-хан вручил ее Караджар-нуяну, которого назвал своим братом, сочетав его браком с дочерью Чагатайхана. Чагатайхан назвал своего сына Инджильнуяном. Караджар-нуян не принадлежал к мусульманской вере, а в своем заблуждении верил, что каждому человеку присуще особое божество (упаси нас, Боже, от такого верования); но он всякого расспрашивал о божественных делах. Однажды он говорил с одним ученым саидом и тот сказал, что Бог един и при том вечен. Саид привел сказанному веские доказательства. Выслушав все это, Караджар-нуян, подумав, просветился верой и произнес формулу исповедания ислама: «ля иллага-илль-Аллагу, Мухаммад Рассуль Улла», т. е. «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк Бога» и признал Бога со всеми качествами. Он уверовал в пророка, в праведных халифов и в спутников

¹ По-монгольски «нойон» — князь.

пророка, стал следовать Шариату и заботиться об обращении народа своего в мусульманскую веру. Среди его народа произошли большие волнения; амир Баргуль, который был начальником всего войска, не в силах был как следует исполнять свои обязанности и не в состоянии был охранять спокойствие правителя страны, а потому счел за лучшее добровольно сложить с себя власть и подчинился Барласу. Барлас был очень щедр и награждал своих подданных. По смерти Барласа, я (отец Тимура Тарагай) получил его должность. В то время из Персии пришел в Мавераннагр один звездочет и пред собравшимися учеными предсказал, на основании положения планет, что в 730 году родится младенец, которому суждено в жизни совершить целый ряд завоеваний и возвеличить веру ислама. Услышав такое предсказание, я обратился к собравшимся улемам и просил их помолиться, чтобы Бог подарил мне сына, который обеспечил бы благосостояние Чагатайского улуса. Потом родился ты, сын мой, закончил отец свой рассказ.

Услышав из уст отца повествование об обстоятельствах, предшествовавших моему рождению, я понял, что мне суждено быть великим царем. Я заметил в своем характере царские черты; я щедро награждал саидов, улемов и шейхов, чтобы они молились об утверждении моего могущества.

Однажды я отправился к святому амиру Кулялю, взяв с собой 20 баранов, которых намеревался принести в дар святому. В пути меня настиг ужасный ливень, так что я принужден был оставить на дороге баранов и один отправился далее. Я пришел к амиру Кулялю через два дня и, к удивлению моему, нашел возле дома амира Куляля моих баранов. Я возблагодарил Аллаха за совершенное им чудо. Амир, посмотрев на меня, сказал: «Обладание Божьим миром суждено этому турку». Обрадовав меня таким предсказанием, амир стал молиться, а после молитвы вновь уверил меня, что я буду могущественным султаном и заповедал мне все мои силы посвятить распространению на земле веры ислама. С этой поры я совершенно отказался от игры в шахматы и тому подобных развлечений.

Подданным свои я никогда не причинял вреда; всякая неприятность, сделанная мною кому-либо, причиняла мне

самому нравственные страдания, поэтому я всеми силами остерегался причинить кому-либо неудовольствие и направлял всякое дело к общему благополучию.

Мне исполнился 21 год, я достиг совершеннолетия и почувствовал себя вполне зрелым мужчиной. В этой году, который был кратным семи (?), у отца моего амира Тарага и у его подданных все посевы дали богатый урожай, родилось также много скота. Я назначил старшего на каждый десяток рабов, каждые 20 лошадей соединил в отдельный косяк, а каждые 10 косяков поручил отдельному рабу. Для присмотра за каждым десятком верблюдов, за каждой тысячей баранов, я также приставил отдельного раба. Управление всем принадлежащим мне имуществом я вверил особому, заслуживающему полнейшего доверия рабу. Сделав все это, я сам сильно заболел. Один самаркандский лекарь посоветовал мне пить сок гранат. Напившись этого сока, я лишился чувств. Родные мои были очень огорчены моей опасной болезнью и плакали. Туркестанский врач вылечил меня, пустив мне кровь. Я дал в милостыню много лошадей и баранов, я обещал принести в жертву душе пророка 100 верблюдов, кроме того, много верблюдов душам праведных халифов; благодаря молитве и милости Божьей, я совершенно выздоровел.

В этом году султан Кран, сын Саура, причинил немало вреда и жестокостей в Чагатайском улусе. Бедные и богатые молились, чтобы он скорей умер. Я хотел наказать Крана и стал собирать для этого войско; хотя я многим делал добро, но в деле войны у меня нашлось так мало помощников, что я должен был ждать удобного случая. Амир Казган, глава Чагатайских амиров, сразился с Краном в долине Зенги. К удивлению все людей, справедливый был побежден жестоким, и Кран, вследствие этого, причинил еще больше вреда. К жестокостям, которые пришлось вынести населению, вскоре присоединилось еще новое бедствие: настал сильный холод и все предметы первой необходимости сильно вздорожали. Наконец, амир Казган собрал многочисленное войско, разбил наголову жестокого Крана, взял его в плен и вознаграждал обиженных им.

Я желал сделаться правителем одного лишь Мавераннахра, но так как амир Казган был милостивый и справедливый правитель своего народа, я удержался.

Достигши 22-летнего возраста, я решился поднять восстание в союзе с Барласом. Я собрал на совет 40 молодых людей, вместе со мной учившихся в школе и предложил на их обсуждение свое намерение собрать войско на гору Арафат. В это время скончалась мать моя, и я устроил по этому случаю поминки. Вскоре отец мой сосватал мне дочь амира Чагуй-Барласа.

Однажды по делам улуса я пришел в то место, где амир Казган заседал в совете. Здесь же был и отец мой. Придя в совет, я разговаривал с самим амиром Казганом, и он не только милостиво принял меня и выслушал, но даже отдал мне в жены свою внучку. Я был очень доволен такой честью. Я получил от амира Казгана много имущества и скота. Он не был особенно могущественным правителем и мне легко было бы завладеть его царством, но я не хотел платить злом за сделанное мне добро. В этом году мне исполнилось 23 года. Однажды на охоте я был застигнут ужасным ливнем и заблудился. В стороне виднелась какая-то гора и я поспешил проскакать пространство, меня от нее отделявшее. По сторонам большой горы стояли камышовые юрты, и я укрылся от холода в одной из них. Хозяева юрты отнеслись ко мне весьма радушно. Я рассказал им обстоятельства моей прежней жизни, и они попросили меня повторить благословения пророку, так как этого достаточно для достижения всякой цели. С Божьей помощью, я вторично устроил собрание. Они мне сказали: «За занавесью будущего тебе готовится помощь, амир; семейство пророка за тебя; наместник его сделается твоим помощником и спутником, но кто этот наместник ты узнаешь лишь перед смертью». Эти слова уничтожили во мне всякое волнение и горе; я ободрился, отказался от своего тайного намерения отправиться в Хорасан и двинулся по направлению к Герату. Во время отъезда, я получил письмо амира Хусайна, такого содержания: «начальники моего войска согласились убить меня и возвести на престол амира Бакры; я надеюсь, что вы скоро прибудете; может

быть мне удастся соединиться с вами, отправиться к амиру Казгану и добиться у него почестей».

Ни мало не медля, я выступил с войском и в тот же вечер отправился к Герату. Амир Хусайн вышел из города, сделав вид, что намерен вступить со мной в бой, я опасался с его стороны коварства и, положившись на Бога, приготовился к битве; тогда он пришел ко мне с большим количеством всякого имущества и между нами состоялось свидание на коне. Потом мы вместе пошли на соединение с амиром Казганом, который, узнав о нашем выступлении, выслал нам навстречу сына своего Абдуллу. Я отправил вперед амира Хусайна к амиру Казгану, с большими подарками. Амир Казган нежно заключил Хусайна в свои объятия и сказал ему: «Да будет лицо твое бело» и пригласил Хусайна остановиться в его шатре. Через несколько времени подданные амира Хусайна возмутились и хотели разграбить его казну. Хусайн не имел достаточно богатств, чтобы одарить бунтовщиков и таким образом успокоить волнение. Видя, что нет никакой надежды получить от Хусайна деньги, мятежники задумали убить его. К счастью, Хусайн своевременно узнал о преступных намерениях своих подданных и обратился ко мне за помощью. Я принял все меры, чтобы отвратить опасность и избавить амира Хусайна от смерти.

Однажды мы с амиром Хусайном отправились на охоту. Во время охоты к нам присоединился и амир Казган с 10-ю всадниками из своей ближайшей свиты. Казган был к нам очень внимателен, он очаровал нас своим обращением и мы стали друзьями. Амир Хусайн остановился на берегу реки, но амир Казган просил его передвинуться на место, называемое Армуган, и здесь отлично его устроил.

Амир Казган остался на этом месте, а мы с амиром Хусайном распростились с Казганом и отправились дальше без дороги, степью. После продолжительного движения, мы достигли берегов реки Мургаба. Здесь мы получили неприятные известия из Герата. Нам сообщали оттуда, что, воспользовавшись нашим отсутствием, амир Бакыр сумел подчинить себе население Герата и совершенно забрал в свои руки бразды правления. В виду таких известий,

амир Хусайн обратился ко мне за советом, что предпринять в таких затруднительных обстоятельствах. Я высказал, что, по моему мнению, следовало бы решительно напасть на Герат нам обоим вместе: в случае удачи, мы достигнем своей цели, в случае же неудачи, наша храбрость во всяком случае заслужит одобрение. Амир Хусайн согласился последовать моему совету. Я стал гадать; гадание укрепило нас в нашем намерении, наше предприятие обещало быть удачным. Амир Хусайн, в случае удачи, обещал разделить со мной обладание Хорасаном. Тогда, с 300 своих храбрых всадников, я направился вместе с ним к Хорасану. Подойдя к этому городу [Герату], мы нашли городские ворота отворенными. Это странное обстоятельство крайне встревожило амира Хусайна: из Того, что ворота остались отворенными, он вывел заключение, что должно быть враг нисколько нас не боится, если и ворота не считает нужным запереть при приближении наших войск. Я стал успокаивать амира Хусайна, а потом ударил плетью коня и поскакал к городу, увлекая за собой войско. Амир Хусайн с войском проскакал в середину города, а я остался у ворот, чтобы, в случае внезапного нападения извне, иметь возможность защитить вошедших в город. Между тем, амир Хусайн отправился к лагерю Бақыра, захватил его в то время, когда тот спал, взял его в плен и овладел престолом. Меня амир Хусайн через гонца тоже пригласил войти в город. В это время войска Бақыра, узнав, какая участь постигла их амира, задумали напасть на войска амира Хусайна, но прибытие моего войска заставило их отказаться от своего намерения и они выразили безусловную покорность амиру Хусайну.

Таким образом, хотя Хусайн достиг своей цели с моей помощью, но исполнить данное им раньше обещание он и не думал. Возмущенный такой неблагодарностью амира Хусайна, я решился наказать его и силой выгнать его, чтобы самому овладеть престолом. Это намерение не встретило сочувствия в среде моих войск и потому я принужден был отказаться от исполнения задуманного. Тут я понял, что один верный спутник дороже тысячи неверных. Я расстался с амиром Хусайном и отправился к амиру Казгану.

Когда я пришел, амир Казган мне очень обрадовался. В это время подданные амира Казгана возмутились против него. Узнав, что всем бунтом руководит некий Данышманча-углан, я сказал об этом Казгану и посоветовал от имени Данышманча-углана разослать во все стороны письма и подарки, а затем наградить тех, кто покорится и строго наказать мятежников.

Мне исполнилось 24 года, и в 700 (?) году я стал изучать военное искусство и хотел захватить власть.

В это время со мной подружались люди, составившие заговор против амира Казгана; они собирались, выбрав удобную минуту, убить Казгана и предложили мне тоже присоединиться к ним, войти в урду вместе с Данышманча-угланом и овладеть престолом. Я для виду согласился с ними, но остановил приведение в исполнение их преступных замыслов, а сам тем временем поспешил предупредить амира Казгана об угрожающей ему опасности. Мятежники, узнав об этом, тоже поспешили послать амиру Казгану письмо, в котором чистосердечно раскаивались в умысле на его жизнь. Амир Казган милостиво принял заявление злоумышленников, доверяясь мне.

Однажды вечером амир Казган пригласил меня к себе. Придя к амиру, я застал у него всех злоумышлявших ранее на его жизнь; все они были в кольчугах под верхним платьем. Я заметил это и сейчас же сообщил амиру. Убедившись из моих слов, что действительно он собрал к себе заговорщиков, амир Казган, сославшись на нездоровье, отпустил всех присутствовавших, а у меня просил совета, что надо делать в данном случае. Я посоветовал раздать подарки всем недовольным; амир исполнил мое предложение и раздал очень много подарков.

Когда люди эти стали делить между собой дары амира, они перессорились и всякое согласие их расстроилось. Амир был так доволен мною, что подарил мне, за оказанную ему услугу, город Ширганат.

В это время мне исполнилось 25 лет. Амир Казган, намереваясь овладеть Хорезмом, считал это дело чрезвычайно трудным и потому хотел поручить это мне. Я понял, что для меня было бы выгоднее сначала послать кого-либо дру-

гого сразиться с врагом, а потом уже самому пойти и окончательно овладеть Хорезмом. Самым близким человеком к амиру Казгану в то время был амир Хисрау-Биянкули. Я переговорил с ним и внушил ему, чтобы он убедил амира Казгана в том, что взять Хорезм — дело вовсе не трудное, а потому было бы очень хорошо, если бы амир поручил сделать это сыну своему Абдулле, который таким образом мог бы, совершив это завоевание, прославиться, чего ему не удастся, если дело это будет поручено мне, ибо тогда честь взятия Хорезма будет принадлежать мне.

Хисрау Баян-Кули доложил Амиру Казгану то, что я ему внушил, и амир согласился послать к Хорезму Абдулла с войском. Между тем жители Хорезма укрепились в городе, под защитой укреплений вышли из города и, сразившись с войском Абдуллы, одержали верх и не пустили его в крепость. Абдулла сообщил отцу о своем поражении и амир Казган высказал, что он и раньше находил необходимым, чтобы я сам шел брать Хорезм, а потому и приказал мне немедленно исполнить это поручение. Достигнув таким образом своей цели, я с большим войском двинулся к Хорезму и застал Абдулла очень смущенным своей неудачей. При моем приближении, жители Хорезма быстро отступили и скрылись за стенами города. Я тотчас же послал ко всем влиятельным лицам города письма с подарками и секретно просил помочь, чтобы население добровольно сдало мне город. Желание мое было исполнено, и я без боя занял Хорезм. Возвратившись вместе с Абдуллой к амиру Казгану, я удостоился от него благодарности, а в виде награды за успешное выполнение возложенного на меня поручения, я был назначен наместником в Хорезм.

Мне исполнилось 26 лет. Однажды мы с амиром Казганом поехали на охоту в местность Камар. Охота была очень удачна, и потому мы остались ночевать в этой местности. Туклук Тимур, зять амира Казгана, задумал убить тестя и завладеть престолом. Он сговорился с несколькими злыми людьми и в тот вечер, когда мы ночевали в Камаре, он, с семьей вооруженными саблями людьми, пришел, чтобы убить Казгана. Около него в это время не было других людей, кроме ловчих. Я, сев на лошадь, быстро бросился

на злоумышленников; амир тем временем, пользуясь темнотой, спрятался за большой камень. Услышав шум, собрались прочие охотники, и Туклук Тимур, опасаясь возмездия за покушение на жизнь амира Казгана, бежал в Мавераннагрские горы.

Желая выразить мне свою признательность за оказанную ему услугу, амир Казган отдал мне крепость Шадман. Владея Ховаразмом и Шадманом, я собрал много податей и богато одарил своих воинов. Хотя я делал много добра своим людям, однако мое желание — сделаться самостоятельным властелином — все еще не встречало среди них сочувствия. В это время амиру Казгану какие-то хитрые женщины донесли, что жена Туклук Тимура, дочь амира Казгана, огорченная бегством своего мужа, лишилась рассудка. Амир Казган, поддавшись на эту хитро придуманную уловку, простил Туклук Тимура и написал ему письмо, приглашая возвратиться. Я доложил амиру Казгану, что, по моему мнению, не следует верить женщинам, а следует поступать так, как повелевает шариат. Пророк сказал, что советоваться с женщиной следует, но только для того, чтобы поступить как раз противоположно тому, что посоветует женщина. Амир Казган согласился со мной, и я отправился на встречу Туклук Тимуру, решившись отомстить ему.

Мне исполнилось 27 лет. Однажды амир позвал меня и сказал мне, что он недоволен своей женой и потому предполагает с ней развестись. Однако, прошло после того несколько дней и мысли амира совершенно переменялись: он раздумал разводиться с женой, стал к ней хорошо относиться, вызвал туклук Тимура и простил ему его вину. В это же время амир отдал Мухаммад-ходж Андижан, которым правил сын его, Абдулла, и этим возбудил против себя неудовольствие со стороны Хисрау-Баян-Кули и он подружился с Туклук Тимуром. Хисрау-Баян-Кули был тесть Абдуллы и рассчитывал приобрести большое влияние и почет со вступлением на престол Абдуллы, потому, видя, что его мечтам не суждено сбыться, он, вместе с Туклук Тимуром, решил отделаться силой от амира Казгана. Я известил об этом Казгана, которому был предан,

как сын, и амир написал завещание в мою пользу, чтобы по смерти его я был султаном Туранской области.

Однажды амир Казган, с несколькими людьми, безоружный, отправился на охоту за реку Джайхун. Туклук Тимур и Баян-Кули нашли этот случай весьма удобным для осуществления своих преступных замыслов и, забыв благодеяния доброго амира, невзирая на родственные к нему отношения, убили его, обagrив его неповинной кровью ту землю, где они охотились. Получив сведения о совершившемся злодеянии, я очень опечалился, быстро отправился на место происшествия, взял тело убитого амира Казгана и похоронил его на берегу реки Джайхун. По смерти Казгана, Туклук Тимур и Баян-Кули возвели на престол Абдуллу Валихана, которому амир Казган при жизни выдал ханскую грамоту; они сначала его признали, потом коварно убили в окрестностях Самарканда. Абдулла отличался скупостью, а Туклук Тимур и Баян-Кули были очень жадны, а потому остались недовольны поставленным ими амиром. Они вскоре свергли Абдуллу и на его место возвели на престол Тимур Шах Углана, сына Ясур Тимурхана.

Одни собрали множество войска, чтобы погубить Абдуллу. Им удалось разбить войско Абдуллы и принудить его искать спасения в бегстве за реку Джайхун, где он и умер. Мне в это время исполнилось 28 лет.

Я был признателен покойному амиру Казгану, которого почитал, как родного отца, а потому счел своей священной обязанностью отомстить Баян-Кули и Туклук Тимуру за его смерть.

Собрав войско, я двинулся в Самарканд. По пути я встретил Баяна Сальдура, который, вместе с бывшим в его распоряжении войском, присоединился ко мне. Мы достигли границы Шаша. Кроме того, мне удалось уговорить и амира Барласа присоединиться к нам. А Хаджи Барлас был сын Барлу, внук Тамулла, правнук Сулькана, праправнук Караджар-Нуяна. Мы все, втроем, направились к Самарканду. Мавераннагром в это время правил Тимур Шах, который своим возвышением был всецело обязан Туклук Тимуру и Баян-Кули, которые его поддерживали. После

кровавопролитного сражения, на удалось выгнать из Самарканда Тимур Шаха и мы овладели Мавераннагром. Все мы встроим: я, — Тимур, Амир Хаджи Барлас и Баян-Сальдур заключили союз и мирно владели Самаркандом, пока Баян Сальдур, опившись вина, не умер. По смерти Баян Сальдура, его права на власть в нашем тройственном союзе перешли по наследству к его сыну, но амир Хаджи Барлас задумал хитростью отделаться от этого союзника и стал принимать к тому меры. Я несколько раз усовещевал его, но это на него не действовало, и он по-прежнему продолжал свои происки. Такие действия амира Хаджи Барласа развили в среде населения смуты и раздоры. Мне было тогда 28 лет. В этот год была дороговизна на все жизненные припасы; войску и населению стало невыносимо трудно жить, и жители Мавераннагра пришли в отчаяние; они все сообща подали мне заявление, что все население решилось покинуть совсем область Туран и не возвращаться сюда до тех пор, пока в Туране не воцарится справедливый правитель. Такое решение населения огорчило меня до глубины души; я хотел сделаться полноправным правителем. Однако было очень трудно что-нибудь сделать в этом направлении. В это время ханом в Балхе был Ильчи-Лугай Сальдур, Ходжентской областью правил амир Баязид-Джалаир, в Шибирганате был Мухаммад Ходжа. В городах Когистана правили Бадакшанские амиры, в Джилянской области, до местности Хазрет-Имам, был ханом Кай Хисрау, а амир Хызр Ясаури владел Самаркандской областью до самого Сарыпуля. Все эти правители были в своих областях полноправными властелинами, как цари, поэтому только храбростью нельзя было отнять царство у стольких сильных султанов. Я, виду полную невозможность добиться успеха при помощи открытой силы, решился применить хитрость. Каждому из правителей в отдельности и тайно от других я написал письмо, в которых предлагал каждому из них вступить со мной в союз, чтобы, общими силами, изгнать всех остальных правителей, а самим овладеть всей страной. Каждый из них, потихоньку от остальных, выразил свое согласие всту-

пить со мной в союз, и мне удалось перессорить их между собой. В это время я достиг 29-летнего возраста.

Я написал письмо Ильчи Лугай Сальдур и предложил, воспользовавшись тем, что жители Бадакшана принесли мне жалобу на несправедливость и притеснения своего хана, отправиться туда с войском и овладеть страной. Я предупредил Ильчи Лугай Сальдур, что, если он сам лично не пожелает взять Бадакшан, то я сам пойду и овладею Бадакшаном. Этим предостережением я закончил свое письмо. Ильчи Лугай Сальдур вскоре двинулся по направлению к Бадакшану, а я тем временем получил известие от Бадакшанских султанов, которые, услышав о грозящей им опасности, просили меня защитить их от нападения Ильчи Лугай Сальдур и обещали, в вознаграждение за помощь, отдать мне города: Хатан, Архат и Хазрет-Имам, взяв эти владения от Кай Хисрау, которому они принадлежали. Далее, я сообщил Мухаммад Ходже, что г. Балх, мать городов, теперь пустой, и я послал туда своего наместника. Я предложил Мухаммад Ходже тоже послать в Балх своего наместника, чтобы нам владеть этим городом сообща. Мухаммад Ходжа, желая предупредить меня, отправился в Балх лично. Сведение о движении Мухаммад Ходжи в Балх быстро дошло до Ильчи Лугай Сальдур. Не думая больше о расширении своих владений присоединением Бадакшана, Ильчи Лугай Сальдур быстро направился к крепости Шадман и Балху. По этой причине правители Бадакшана подчинились мне.

Придя в Балх, Ильчи Лугай Сальдур не только тотчас выгнал оттуда Мухаммад Ходжу, но пошел на него войной, чтобы наказать его за намерение овладеть Балхом. Тогда Мухаммад Ходжа обратился ко мне за помощью. Я спас Шибирганат от вторжения Ильчи Лугай Сальдур, отдал его Мухаммад Ходже, и этой услугой приобрел себе в нем преданного и верного союзника. В это время мне исполнилось 30 лет.

Внук амира Казгана, амир Хусайн, задумал занять престол своего отца и направился в Мавераннагр с войском и преданными ему людьми. Он написал мне письмо и про-

сил моего содействия к исполнению своего намерения. Амир Хусайн был мне родственник, я был женат на его сестре, и в силу родственных отношений, возбудил в нем желание взять Мавераннагр. Причиной этой ошибки было то, что я считал дружбу этого дурного человека искренней; я не знал, что в его характере соединены, подобно четырем стихиям, четыре дурных качества: 1) зависть, 2) скупость, 3) жадность и 4) высокомерие.

Чтобы исправить сделанную мною ошибку, я сообщил амиру Хусайну, что ему прежде надлежит овладеть Бадакшаном, который есть ключ к победе.

В этоу году, который, по приметам, был счастливый (мубарак), у меня родился старший сын. В честь пророка, я дал ему имя Мухаммад, а так как в этом году начались мои завоевания, то я к имени мухаммад присоединил еще имя Джагангир. Рождение сына принесло мне счастье — в этом году я приобрел не только много городов, но и много союзников: за исключением амира Баязид Джаллаира и Ходжи Барласа, все правители были со мной в союзе. От этих двух противников я думал избавиться хитростью. Тесть Ходжи Барласа вздумал избавиться от него и на его место посадить своего внука. Ходжи Барлас, узнав о намерении тестя, поспешил его казнить и обратился ко мне за советом, следует ли ему отделаться и от потомства казненного тестя. Я отклонил его от этого дурного намерения.

Амир Хусайн в том же году овладел Бадакшаном и без всякого повода казнил троих из числа тамошних правителей. За такое ничем не вызванное злодеяние он, конечно, получит возмездие в день страшного суда. Когда я взял Балх, мать городов, то наследники убитых им правителей убили самого амира Хусайна, чтобы отомстить за смерть своих отцов.

Мне исполнилось 31 год. Внук Чингисхана, Туклук Тимур был ханом в области Чете. Вскоре он вздумал овладеть Мавераннагром, пришел в местность Хак, на берегу реки Сырдарьи, вблизи Ходжента, и собрал здесь множество войска. Мне, Ходжи Барласу и амиру Баязиду Туклук Тимур прислал грамоты. В грамоте, между прочим, заключалось следующее, не допускающее возражений

приказание: «я Туклук Тимур хакан¹, сын хакана, приказываю тебе со всем народом и войском присоединиться ко мне». Ходжи Барлас, получив такое грозное повеление, испугался и обратился ко мне за советом, что делать. Я посоветовал не ссориться с великим царем, а явиться к нему с покорностью, чтобы послушанием заслужить его расположение. Ходжа Барлас не послушался и, переправившись через Дарью со всем народом и имуществом, ушел в Хорасан. Амир Баязид с подданными и дарами отправился на поклон к Туклук Тимуру. Я тоже стал готовить подарки, чтобы преподнести их с выражением покорности Туклук Тимуру, но в это время отец мой, амир Тарагай, опасно заболел, и мне пришлось остаться при больном и ухаживать за ним, пока он не умер. С большой пышностью похоронил я отца в Киш хат мазаре, неподалеку от могилы святого. Туклук Тимур прислал мне вторую грамоту, в которой звал меня к себе, но мои подданные заявили, что они не желают, чтобы я подчинился Туклук Тимуру, потому что под моим владычеством в стране водворилось полнейшее спокойствие и потому народ мой готов силой оружия отстаивать свою независимость. На все эти заявления, я отвечал, что, по моему мнению, ссориться и возмущаться против Туклук Тимура нельзя, что нет другого исхода, как безусловно подчиниться ему.

В это время до меня дошли слухи, что войско Туклук Тимура, под предводительством Ходжи Махмуд Шаха, движется на меня. Я поспешил отправиться к Туклук Тимуру с народом, войском и дарами, чтобы выразить ему покорность. По дороге я встретил Махзмуд Шаха, привлек его на свою сторону подарками, убедил его не грабить страны и заручился от него рекомендательным к хану письмом. Я пошел, и через два дня пути меня стали встречать на дороге начальники авангарда; им я также роздал богатые подарки и удержал от грабежа. Начальником амиров в то время был Кичик-бек; он тоже снабдил меня письмом к Туклук Тимуру, прося его быть ко мне милостивым.

В степи, близ Ходжента, я представил Туклук Тимуру свои дары и он остался чрезвычайно доволен моей покор-

¹ Царь царей.

ностью. Когда ему доложили, что начальники его авангарда силой отобрали много имущества у жителей Мавераннагра, Туклук Тимур приказал немедленно возвратить хозяевам награбленное имущество. Оскорбленные этим, все они, вместе с амирами области Чете, возмутились. Туклук Тимур, узнав об этом, обратился ко мне за советом, как поступить в таких затруднительных обстоятельствах, и я посоветовал ему удалиться в область Чете, откуда он пришел. Этот совет понравился Туклук Тимуру, и он, утвердив меня в Мавераннагре и дав мне грамоту, удалился в область Чете. С тех пор мое могущество возрастало с каждым днем, я овладел всеми городами Мавераннагра и отправился в Шахриябз.

Административные лица Шахриябза, шейхи, ученые и саиды, по прибытии моем, пришли меня поздравить, и при этом была прочтена о моем благополучии молитва, установленная для лиц, облеченных царским достоинством. В это время мне исполнилось 32 года.

В 761 году амир Хусайн, внук амира Казгана, с моей помощью, овладел городом Бадакшаном. Теперь амир Хусайн снова обратился ко мне с просьбой, чтобы я помог ему напасть на амира Баян-Сальдура и отнять у него принадлежащую ему крепость Шадман. Я согласился и выслал вперед мои войска под предводительством главнокомандующего амира Хызра. Я сам вскоре тоже отправился вслед за войсками. Амир Баян-Сальдур, как только узнал о вступлении моего войска, испугался и бежал в сторону Бадакшана. Амир Хызр и амир Хусайн преследовали амира Баян-Сальдура, так что он вынужден был скрыться в горах. Вместе с амиром бежали в горы многие влиятельные лица Бадакшана и таким образом вся область была завоевана. Я находился в крепости Шадман, когда получил от амира Хусайна письмо, в котором он сообщил, что благодаря моему содействию, ему удалось овладеть Бадакшаном, а потому, если я нахожу нужным, то могу возвратиться в свою столицу. Я отдал крепость Шадман моему главнокомандующему амиру, Хызру, утвердив за ним это владение особой грамотой, а сам возвратился в Шахриябз. Через 14 дней, амир Хусайн, с богатыми дарами, явил-

ся ко мне; я принял его очень радушно и разрешил ему идти в крепость Шадман, а сам остался в Шахрисябзе.

В это время мне исполнилось 33 года. В начале года прибыл гонец от амира Хусайна и привез мне весьма экстренное известие: амир Хусайн сообщал мне, что он вновь нуждается в поддержке с моей стороны, так как амир Туклук Тимур, соединившись с Баян-Сальдуром, двинулся на амира Хусайна с таким большим войском, что справиться с этим соединенными силами Хусайну нечего было и думать. Мне очень хотелось выручить амира Хусайна из беды и потому я тотчас же двинулся с войском из Шахрисябза и вместе с тем отправил письма амиру Хызру и амиру Баязиду. Я приглашал их также прийти на помощь амиру Хусайну. Амир Баязид замешкался, а амир Хызр выступил тотчас же по получении от меня известия. Когда я с войском приблизился к Бадакшану, амир туклук Тимур и Баян-Сальдур тотчас же обратились в бегство. Амир Хусайн вышел ко мне навстречу и принял меня с большим радушием и пышностью. Восстановив амира Хусайна во владении Бадакшаном, я возвратился в Шахрисябз.

Когда я подходил к железным воротам¹, я узнал, что амир Хаджи Барлас, с амиром Баязидом обменялись посольствами и заключили союз, чтобы общими силами убить меня. И это амир Хаджи Барлас, который был моим родственником!..

Я написал ему письмо, в котором напоминал о наших родственных отношениях и о тех услугах, какие я оказал ему, но амир Хаджи Барлас не обратил никакого внимания на мое письмо. Тогда я двинулся с войском на соединением с амиром Хусайном, но амир Хаджи Барлас преградил мне путь и на местности Аккаб Чагатай дал мне сражение. Я разделил свое войско на 7 частей, рассчитывая ежедневно вводить в бой лишь одну седьмую часть всех моих сил. Амира Хызра, с другими богадурами, я поместил на правом фланге, а амир Джагуй-Барлас с его войском составил мое левое крыло. Войска, пришедшие со мной из Шахрисябза, я разделил на 4 части. Я сам пред-

¹ Около Термеза, на правом берегу Амударьи.

водительствовал войсками и каждый день вводил в бой по одной из этих четырех частей. Сражаясь каждый день в продолжение трех дней, на четвертый день я, напутствуемый молитвами наших улемов и саидов, призвал на помощь Бога и бросился на вражий стан ночью, когда там все спали. Битва продолжалась без перерыва всю ночь, но зато, с рассветом, победа осталась решительно на моей стороне: все неприятельское войско рассеялось и амир Хаджи Барлас бежал в Самарканд, под защиту амира Баязид Джаллаира. Исправив военные доспехи, собрав войско и отправив вперед амира Хызра, я двинулся вслед за Хаджи Барласом по направлению к Самарканду. В это время один отряд моих воинов, изменив мне, перешел на сторону Хаджи Барласа. После этого амир Хызр, которому я доверял больше, чем родному, поддавшись искушению дьявола, сговорился с амиром Джагуй Барласом и оба они, с находившимися у них под командой войсками, тоже изменили мне и перешли на сторону Хаджи Барласа. Все эти изменники задумали сражаться со мной и пошли просить амира Баязида помочь им в этом. Соединившись с ним, они заподозрили его в вероломстве и бежали. Я послал амиру Хызру грамоту, в которой предлагал ему примириться со мной, но он не обратил внимания на мое предложение. Тогда я приготовил свои войска и двинулся на амира Хызра. Тем временем изменник, укрепившись с войском в местности Сыр-дин, приготовился сразиться со мною. Я вручил свое знамя моим шахрисябским войскам и ввел их в дело, сам же, с ближайшими богадурами, расположился позади боевого порядка — в резерве. Амир Хызр, увидя при войсках мое знамя, был введен в заблуждение — он думал, что я сам предводительствую передовыми войсками. То мы с одной стороны оттесняли врагов, то враги одолевали нас; это повторялось несколько раз и сильно утомило обе стороны. Тогда, улучив удобную минуту, я сам, с отборными воинами и богадурами, бросился на неприятельские войска и одним решительным натиском разбил их наголову.

После этого амир Баязид и Хаджи Барлас обменялись письмами и решили, что пока я жив, они не могут быть покойны; поэтому они решили при помощи хитрости убить

меня. Через несколько дней по окончании войны с амиром Хызром, амир Баязид выступил из Самарканда и, дойдя до степи вблизи Шаша, остановился. Амир Хаджи Барлас, действуя заодно с амиром Баязидом, написал мне письмо, в котором говорилось следующее: «Мы, друзья друзьям великого амира и враги его врагам, решили овладеть ходжендом. Если ты веришь в нашу дружбу и верность, присоединись к нам, это будет для всех выгодно». Целью их было хитростью заманить меня в свои руки, чтобы убить. Я, как правоверный, поверил им и пошел с войском на соединение с ними. Приближаясь к месту расположения их войск, я заметил, что посредине стана, состоявшего из юрт и шалашей, разбит громадный шатер. Я подумал, что это место, приготовленное для меня. Меня встретили с большим почетом и пригласили войти во внутренность большого шатра. По милости Божьей, я чутьем угадал злостные намерения моих врагов; когда я вошел в палатку и увидел справа амира Баязида, а слева амира Хаджи Барласа, я понял, что, очевидно, они сговорились покончить со мной тотчас же после приема и угощения. Я был очень встревожен грозящей мне неминуемой гибелью и мысленно молился Всевышнему, чтобы он спас меня от смерти. К моему благополучию, в это время у меня пошла кровь носом, и я не замедлил воспользоваться этим случаем, чтобы выйти из палатки. Тут я сейчас же дал знать моим воинам, что жизнь моя в опасности, и быстро вскочил на коня. Меня никто не решился остановить. Таким образом Бог спас меня от верной смерти. Призывая проклятия на головы моих врагов, я удалился с войском в Термед. Когда я приблизился к Термеду, то Шейх-Али-Джар-Джари, который приобрел власть с моей помощью, испугался, думая, что я иду воевать с ним, и, в свою очередь, стал собирать войско, чтобы отразить мое нападение. Я написал ему письмо, в котором напоминал о всех услугах, которые я оказал ему ранее, и убеждал, хотя бы из благодарности, не предпринимать против меня враждебных действий. Шейх-Али-Джар-Джари не послушался меня. Ему удалось собрать множество войска — больше, чем было у меня, и он понадеялся на свои силы. Он, оче-

видно, не знал текста Корана, в котором сказано: «сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения, по изволению Божию» (2,250).

Шейх-Али-Джар-Джари расположил свои войска в одну линию и начал бой, я же разделил своих воинов на три части и двинулся с ними на неприятеля. После первого же натиска, войска Шейх-Али-Джар-Джари бежали. Тюрки говорят, что «для тысячи ворон достаточно одного комка глины», и эта пословица в данном случае совершенно подтвердилась. Шейх-Али-Джар-Джари сначала бежал к амиру Баязиду, но и там он побоялся остаться, а вернулся ко мне, пристыженный и униженный, с изъявлением безусловной покорности. Чтобы показать ему пример великодушия, я простил его вину и богато одарил его, как будто бы между нами ничего не произошло.

В это время мне исполнилось 34 года. В 763 году население Мавераннагра и почетные лица явились ко мне с заявлением, что во всех городах и селениях этой области народ изнемогает под гнетом несправедливости и жестокости водворившихся там правителей. «Необходимо, говорили они, чтобы великий амир, благодаря своей распорядительности и храбрости, сделался единым полновластным правителем страны». Озадаченный такой просьбой народа, я отправил гонца к амиру Хусайну и предложил ему принять участие в освобождении Мавераннагра от жестоких правителей. Я высказал мнение, что если нам удастся избавить народ от жестоких тиранов, то мы этим подвигом заслужим доброе имя и славу в этом и будущем мире.

Амир Хусайн согласился, но я узнал, что он со мной не искренен, и потому, остерегаясь с его стороны вероломства, я написал письмо внуку Чингизхана, Туклук Тимуру. Я описал ему, в каком ужасном положении находится область Мавераннагр, как ее население терпит насилия несправедливых и жестоких правителей и в заключение добавил, что если он, Туклук Тимур, с помощью своего войска, сумеет водворить порядок в Мавераннагре, то тем совершит славный подвиг. Туклук Тимур, получив мое письмо, немедленно собрал войско Чете, расположился с ним в окрестностях Ходжента и прислал мне оттуда пись-

мо, в котором напоминал о наших родственных отношениях и просил прийти к нему, чтобы дать свой совет.

Амир Баязид, намереваясь выразить полную покорность амиру Туклук Тимуру и готовность служить ему, запер ворота Самарканда и двинулся сам к Туклук Тимуру. Туклук Тимур потребовал, чтобы Баязид передал ему ключи Самарканда, и когда заметил, что Баязид находится в раздумьи, исполнять или нет его требование, он приказал убить Баязида и голову его отослал в Самарканд. Амир Хаджи-Барлас, услышав о несчастии, постигшем амира Баязида, испугался, чтобы не случилось и с ним чего-нибудь подобного, и потому поспешно бежал со своим семейством и народом за реку Аму. Амир Туклук Тимур, узнав о бегстве Хаджи-Барласа, послал за ним вдогонку отряд войска. Один из приближенных Хаджи Барласа, Чуам Барлас-богадур, был убит, остальные благополучно добрались до города Харша-Джуси. Здесь пришельцы сразу стали во враждебные отношения к коренному населению этого города и, с течением времени, ненависть населения города Харша-Джуси к пришедшим с Хаджи Барласом возросла до такой степени, что дело дошло до битвы, в котором Хаджи Барлас и несколько его родственников были убиты. Оставшиеся в живых пришельцы поселились в этом городе навсегда, слились с населением его. Когда впоследствии я овладел Хорасаном, я отдал Харша-Джуси потомству Хаджи Барласа.

Туклук Тимур вторично прислал мне грамоту, в которой, как родственника, просил скорей прийти к нему. Тогда я разослал во все стороны гонцов и пригласил всех, кто желает избавиться от грабежей и насилий со стороны войска Чете, прислать мне подарки, которые я мог бы представить амиру Туклук Тимуру. Множество племен прислали мне свои дары и я, собрав все полученное, отправился к Туклук Тимуру в Ходжент. Здесь я поднес ему привезенные мною дары, он остался очень доволен и был ко мне очень милостив. Во всяком деле он предварительно спрашивал моего совета и всегда соглашался со мною. Между прочим, однажды я высказал мнение, что всякое правительство подобно палатке, крыша которой опирается на

столбы. Справедливость правителя, это те устои, на которых зиждется разумное управление, без этой опоры управление немислимо. Я советовал в Мавераннагре оказать содействие и поддержать всеми силами добрых людей, злых же представить самим себе, чтобы они пожали плоды содеянных ими злодеяний. Туклук Тимур был мне очень признателен за такой совет и этим я очень расположил его в свою пользу. Туклук Тимур отдал мне во владение Мавераннагр, Шахрисябз, Шибирганат, вплоть до Балха.

В это время внезапно получено было известие, что амир Хусайн, с большим войском, остановился на берегу реки Бакш, намереваясь напасть на Туклук Тимура. Услышав о таком намерении амира Хусайна, Туклук Тимур был очень удивлен его дерзостью и обратился ко мне за советом. Я ответил, что так как войскам амира Хусайна предводительствует его главнокомандующий, Кай Хисрау Джиляны, то следует написать этому военачальнику письмо, в котором постараться склонить его к измене амиру Хусайну, а в награду за это пообещать отдать ему во владение крепость Шадман и Хутлан¹. В этом смысле и было написано письмо Кай Хисрау. Наше заманчивое предложение прельстило военачальника и вскоре, когда сошлись авангард амира Туклук Тимура, под предводительством Мир Кичик-бека и авангард амиру Хусайна под предводительством Кай Хисрау, то последний со своими приверженцами перешел на сторону Туклук Тимура; войском амира Хусайна овладел такой страх, что оно разбежалось. Войска Туклук Тимура преследовали побежденных врагов до самых индийских гор и завладели большим количеством разного имущества.

Покончив с войском Хусайна, амир Туклук Тимур отправился в Самарканд и убил там Баян Сальдура. В городах Мавераннагра он водворил порядок и очистил их от злонамеренных людей. После этого мне пришло на мысль посоветовать Туклук Тимуру, чтобы он ушел из этой страны, а меня утвердил здесь, в Мавераннагре. Поэтому я сказал Туклук Тимуру, что теперь удобное время для того,

¹ Область на верховьях Амударьи.

чтобы овладеть Хорасаном. Стоит только перейти Амударью и будет очень легко завоевать Хорасан. Туклук Тимур готов был последовать моему совету, но как раз в это время дали знать, что амиры Чете возмутились и возвели на престол одного из потомков Чингизхана, Тамликихана. Туклук Тимур спросил моего совета, что делать. Я посоветовал с возможной поспешностью послать в область Чете войско, чтобы новый хан не успел там укрепиться. Я рассчитывал, что при таком способе действий удастся легко усмирить население Чете; если же замедлить, то потом станет трудно привести в исполнение задуманное. Послушавшись моего совета, Туклук Тимур выдал своему сыну, Ильясу Ходже, грамоту на ханское достоинство в Мавераннагре, а меня поставил после хана первым лицом. При этом Туклук Тимур показал мне стальную доску, на которой начертано было давнишнее условие наших предков, Качули-богадура и Кабыльхана, по которому в потомстве первого должно было преемственно передаваться звание главнокомандующего войсками, а в потомстве второго также преемственно переходит от отца к сыну достоинство ханов. Приказав амирам повиноваться мне, Туклук Тимур сам отправился против мятежников.

Ильяс Ходжа никогда раньше не был у власти и не обладал никакими административными способностями, а потому войско и амиры творили всевозможные несправедливости: напр., однажды увели из Самарканда силой 400 девушек, но и этим не удовольствовались: вскоре наглость их дошла до того, что они решились связать и заключить под стражу 70 саидов из потомства пророка. Тогда поклонники пророка, произнося символ веры, собрались большой толпой и пришли ко мне с просьбой помочь невиновным заключенным. «В таком деле безумство свойственно умному, и пожертвование жизнью есть источник жизни». Эти слова так воодушевили меня, что я немедленно, ни с кем не советуясь, начал войну. Прежде всего, я освободил из рук узбеков 70 заключенных саидов. В следующую же ночь мне приснился пророк, который сказал мне: «Ты освободил из неволи 70 моих потомков, за этот подвиг ты получишь награду: Бог сотворит чудо, и семьдесят колен

твоего потомства будут царствовать». Увидев этот сон, я написал письмо своему Пиру и просил его объяснить значение сна. Пир ответил мне: «в древности Сабуктекин спас от гибели козленка, и за это Бог наградил его потомство царским достоинством; ты же оказал такую услугу потомству пророка, что сон твой непременно должен исполниться. Знай, что всякое собрание народа, где не присутствуют потомки пророка, не приведет ни к каким благим результатам». С тех пор я всегда, во всякое собрание, прежде всего приглашал саидов и улемов. После освобождения по моему приказанию заключенных саидов, мои недоброжелатели послали Туклук Тимуру письмо, в котором говорилось, что я возмутился и овладел Мавераннагром; меня обвиняли в тайных кознях против сына Туклук Тимура, Ильяс Ходжи, которого я будто бы замышлял убить. Туклук Тимур, поверив наветам моих врагов, приказал людям, которые доставили ему письмо, убить меня. К счастью, приказ этот попал в мои руки, и я, будучи предварен о грозящей мне опасности, всячески остерегался. После этого амиры Чете получили еще три приказа, подтверждавшие волю Туклук Тимура, но убийцы, не зная, как удобнее исполнить задуманное, выжидали. В это время я получил от своего Пира письмо в котором он писал, что в случае невозможности сладить с врагом, обладающим превосходными силами, следует искать спасения в бегстве, что так завещано и самим пророком. Следуя совету моего духовного наставника, я удалился из Самарканда и скрывался в горах. В это время я гадал по Корану, что меня ожидает в будущем, и мне открылся стих: «Солнце течет к назначенному месту: таково распоряжение Сильного, знающего» (36, 38). Я не знал, какое место мне назначено, но вскоре я вновь получил письмо от Пира. Мой наставник советовал мне отправиться в сторону Хорезма и я поспешил исполнить его приказание. Подобно мне, скрывался в горах и амир Хусайн; он пригласил меня примириться и соединиться с ним. Я с удовольствием принял это предложение. Встретившись в местности Сачик Кудук, мы помирились с амиром Хусайном и заключили между собой союз. Я предложил правителю области Хайвак [Хива]

Тугуль-богадuru присоединиться к нашему союзу, но он не согласился и даже, из преданности к Ильяс-Ходже, велел схватить нас, но в темную ночь мы бежали из пределов Хайвака. С согласия амира Хусайна, мы поспешили в Хорезм. Придя в Фараб, мы стали раздумывать, как бы нам овладеть крепостью Хорезмшаха, но в это время наш слух поражен был звуками, свидетельствовавшими, что из степи по направлению к нашему лагерю движется войско. На это указывали и топот лошадиных копыт, и звон оружия. Я сам сейчас же вскочил на лошадь и въехал на возвышенность, а амира Тага Бугай Барласа послал вперед, чтобы разузнать, что нам угрожает. Вскоре мой посланный возвратился и привез известие, что амир Тугуль-Богадур с 1000 всадников идет на нас. Я приказал амиру Хызру собрать в одно место все наше войско и по счету оказалось, что мы располагаем всего-навсего 60 воинами. Эту ничтожную группу людей я разделил на 5 частей и к каждой части назначил особого начальника: Амир Хусайн, Тага-Буга, амир Сайфуддин, Даимчи и Садыр командовали частями, а я сам, с избранными богадурами (урдуича), стоял на вершине горы. В эту минуту к нам приблизился амир Тугуль-богадур с тысячью всадников. Амиры Тага Бугай Барлас и Сайфуддин были очень храбрые воины: они с такой стремительностью бросились на войско Тугуль-Богадура, что вскоре из тысячи его всадников осталось только 300. Все остальные его воины были убиты или ранены. Амир Сайфуддин и Тага Бугай Барлас в этом бою потеряли лошадей и принуждены были драться пешими. Я послал им двух лошадей, но при этом не достало лошади посланному и потому я должен был отдать свою лошадь. Амир Хусайн сел на лошадь Тугуль-богадура и устремился на его войско. Вскоре я заметил, что амир Хусайн окружен со всех сторон врагами и ему угрожает опасность. Я, с мечом в руках, поспешил броситься к нему на выручку и, убив нескольких воинов, спас Хусайна. Пришло время намаза «аср» и с обеих сторон богадуры стали на молитву. Еще намаз не был окончен, как вдруг со стороны неприятеля снова послышался шум: враги возобновили наступление. Мы с амиром Хусайном бросились на врагов и мно-

гих из них убили и ранили. Лошадь Хусайна при этом пала и ему пришлось воспользоваться лошадью жены Дальшат-ага, а последнего я посадил на лошадь своей жены, сестры амира Хусайна.

Затем мы, вдвоем с амиром Хусайном, продолжали действовать пращами и перебили много народу.

Тугуль-богадур, отчаявшись, остановился в степи, а мы продолжали путь. Потери в бою с обеих сторон были громадные: у нас осталось в живых всего лишь 7 человек, а у Тугуль-богадура — 50.

Во время движения нас нагнали оставшиеся в живых 50 воинов Тугуль-богадура, и нам пришлось двигаться далее, отстреливаясь от наседавшего на нас с тыла сильнейшего неприятеля. Медленно подвигаясь вперед, мы, наконец, достигли Хорезма. Когда мы пришли туда, враги наши исчезли. Вскоре по дороге попался нам колодезь, у одного пастуха нам удалось купить двух баранов и мы подкрепили пищей свои силы. В одном месте мы остановились отдохнуть на два дня. Тут с нами случилось несчастье. С некоторых пор к нашему маленькому отряду присоединились трое пеших попутчиков и они-то на одном из ночлегов украли у нас 3-х лошадей. Эта потеря для меня была крайне чувствительна: из-за покражи лошадей моя жена и сестра принуждены были продолжать муть пешком. Двигаясь по дороге, через несколько переходов, мы достигли страны туркменов. В одном уединенном месте нам повстречались туркмены, которые приняли нас за воров и напали на нас. Видя себя окруженными со всех сторон сильнейшим неприятелем, мы вынуждены были бывших с нами женщин поставить позади себя и защищаться силой нашего оружия. К нашему спасению, совершенно неожиданно, среди туркмен оказался некто Саид Мухаммад Хаджи, воспитанный при мне и в юности служивший у меня. Человек этот избавил нас от неминуемой гибели; он узнал меня, бросился к моим ногам и молил простить его сородичам причиненное нам по неведению беспокойство. Он объяснил своим товарищам, что они видел перед собой амира Тимура, владельца Мавераннагра, и туркмены, желая загладить свою невольную ошибку, в течение трех дней

угощали нас, затем снабдили нас на дорогу съестными припасами, дали нам десять провожатых, и мы двинулись дальше. Через три дня мы достигли местности Махмудиа, где и остановились на несколько дней, рассчитывая, что может быть некоторые отставшие наши спутники здесь к нам присоединятся. Между тем, до сведения туркменского амира Али-бека Джаны-Курбаны дошло, что будто бы я, с войском, пришел в землю туркменов и останвился в местности Махмудиа. По его распоряжению, отряд туркменов напал ночью на нас; они перевязали нас и в таком виде доставили нас к Али-беку Джаны Курбаны. Али-бек даже не нашел нужным нас спросить о чем-либо, а просто отдал свои людям приказание заключить всех нас в тюрьму. Я сам и моя жена, сестра Хусайна, провели в темнице пятьдесят мучительно долгих дней.

Сидя в тюрьме, я твердо решился и дал обещание Богу, что никогда не позволю себе посадить кого-либо в тюрьму, не разобрав наперед дела. Во время этой горести, я рассудил, что мне лучше посредство какого-нибудь безумного поступка освободиться из тюрьмы и вступить в сражение: если я достигну цели, то этим будет исполнено мое желание; если же попытка моя освободиться не увенчается успехом, то меня в таком случае наверно убьют и, хотя мертвый, я буду погребен вне стен места моего заключения, значит, другими словами, попытаться следует, чтобы так или иначе выбраться из ненавистой темницы на свет Божий. Обещанием щедрой награды за содействие к побегу мне удалось склонить на свою сторону нескольких тюремщиков, которые снабдили и меня мечом. С этим оружием в руках я бросился на тех сторожей, которые не согласились освободить меня, и обратил их в бегство. Я слышал кругом себя крики: «бежал, бежал», и мне стало стыдно за мой поступок. Я тотчас же отправился прямо к Али-беку Джаны Курбаны и тот, узнав, какие препятствия мне пришлось преодолеть, чтобы освободиться из тюрьмы, почувствовал уважение к моей доблести и был пристыжен. Как раз в это время Али-бек Джаны Курбаны получил письмо от своего брата Мухамед-бека Джаны-Курбаны, который писал ему: «Ты бесчеловечно и несправедли-

во поступил с амиром Тимуром и нанес ему тяжелое оскорбление. Я посылаю амиру Тимуру богатые подарки, прошу тебя передать ему их, затем советую тебе, чтобы хотя отчасти загладить твою вину, проси у Тимура прощения, посади его на свою лошадь и отпусти его. Али-бек исполнил в точности все, что было написано в письме его брата Мухаммед-бека и, благодаря этому, я вскоре выехал оттуда в сопровождении двенадцати всадников и отправился в Хорезмскую степь.

Через двенадцать дней пути я остановился. В этой местности кочевали туркмены, которые приняли меня за вора и напали на нас. Чтобы разогнать их, я вступил с ними в бой; среди туркменов, как и в прошлый раз, нашелся человек, по имени Ахмад, который во время моего могущества находился при мне и был мною облагодетельствован. Теперь этот Ахмад, в свою очередь, помог мне: он примирил со мною туркмен и из среды ко мне присоединилось 50 человек. В это же время ко мне присоединился Мубарак Ша-Юзбаши¹ с многими воинами и подарками, а из Хорасана ко мне пришли еще 200 всадников и отряд пехоты.

В это время амир Хорезма, Хусайн, и амир Себзеварский Зиауддин нашли, что место, на котором мы находимся — неудачно. На основании предсказаний о моей судьбе я надеялся овладеть Мавераннагром, поэтому я решил, что необходимо тотчас же послать в Кеш 200 всадников, а сам я рассчитывал отправиться к своему народу и собрать войско. Я двинул из Бухары в Кеш 200 всадников, а сам, надев платье странствующего монаха, «каляндар», пошел к своему народу. Курчи Тимургар, один из моих приверженцев, осведомившись о моем прибытии, сейчас же явился ко мне в сопровождении сорока людей. Посвятив его в мои планы и соображения, я и его с людьми послал в Кеш. Я приказал Тимургару, как только он получит известие о том, что я занял Самарканд, немедленно явиться ко мне. Из среды моего народа за мной двинулось 1000 человек. С ними я ночью вошел в Самарканд и приютился у своей сестры Туркан-ага. В ее доме, не выходя никуда в течение

¹ Сотник.

18 дней, я секретно советовался с нужными людьми и успел запастись необходимым оружием. В то время, когда мы готовились начать войну против войска Чете, сделалось известно, что они узнали от жителей Самарканда о нашем пребывании в городе. Находя небезопасным при таких обстоятельствах оставаться в Самарканде, я вышел оттуда и отправился в окрестности Кеша, где и остановился. И там мне нельзя было долго оставаться; я взял с собой 50 человек и с ними двинулся в сторону Хорезма.

По дороге мы встретили табун лошадей, и так как из расспросов выяснилось, что лошади принадлежат моим подданным, то мы очень легко пришли к соглашению с хозяевами об уступке нам лошадей, и я разделил их между пешими воинами моего отряда. Двигаясь вперед, мы переправились через реку Аму и в местности Ачигы прожили целый месяц, охотой добывая себе пропитание.

В это время Мубарак-ша Санджарский, Саид Хусайн Хорасанский и Зиауддин Себзеварский присоединились ко мне, и у меня таким образом собралось до 1000 всадников. С общего согласия, мы подошли ночью, при звуках труб (карнай), к Кандагар Карибызу, и я послал к тамошнему правителю, Мир Магды, посланника, которому поручил щедрыми обещаниями склонить Мир Магды к сдаче нам города. Мир Магды с приверженными к нему людьми вышел из города ко мне навстречу. Я торжественно принял его с подарками, предложил ему угощение, и он остался очень доволен.

В эту ночь, по воле Всевышнего, город этот подчинился мне. Вскоре амир Хусайн пришел ко мне униженно просить прощения и я, разделив пополам доходы с Карибыза, уступил половину амиру Хусайну. Несколько времени прожил я в Карибызе, как вдруг однажды прибыло ко мне с подарками посольство владетеля Сиистана¹, который просил меня заключить с ним союз и помочь ему в его предприятиях. Я выжидал удобного времени, чтобы отнять Кандагарскую область у гурийцев². В это время мне ис-

¹ Область на границе Афганистана и Персии.

² Народ в Афганистане.

полнилось 35 лет. Между тем, владетель Сиистана, враждующая со своими соседями, был побежден, бежал из страны и, предложив мне в подарок несколько своих крепостей, письменно просил меня помочь ему. Я сейчас же посоветовался с амиром Хусайном; он посоветовал мне отправить его с войском для занятия Сиистана; я согласился. Через день после выступления, амир Хусайн неожиданно прислал мне письмо, в котором сообщал, что Баграм Джалаир возмутился против него и поэтому, если я сам не поспею к моему войску, то трудно рассчитывать, чтобы нам удалось исполнить задуманное. Я немедленно двинулся на соединение с амиром Хусайном и близко подошел к области Сиистан. Амир Малик Махмуд Сиистанский с богатыми дарами вышел ко мне навстречу и оказал мне широкое, радушное гостеприимство. При этом амир Махмуд дал торжественное обещание служить мне верой и правдой до конца своей жизни. Я, видя его искренность и преданность, решил помочь ему. В это время семь крепостей, принадлежавших амиру Махмуду, перешли во владение его врагов. На одну из этих крепостей я напал ночью врасплох. Я повел приступ одновременно со всех четырех сторон и, после упорного боя в течение суток, овладел крепостью. Большое количество зернового хлеба, хранившегося в крепости, стало нашей добычей. Все добытое при взятии крепости имущество амир Хусайн, по собственному усмотрению, не спросившись меня, разделил между своими приближенными. Я не обратил на это внимания. Во взятую нами крепость я назначил коменданта и тотчас же двинулся далее, к другой крепости. Гарнизон и население крепости, выйдя из-за крепостных стен, упорно сопротивлялись, так что моим войскам пришлось употребить немало усилий, чтобы снова загнать их в крепость. Большая часть моих воинов быстро взобралась на крепостной вал, и тогда запертые в крепости жители, видя себя в безвыходном положении, сдались, крича при нашем приближении: «аль-аман, аль-аман!»¹. амир Хусайн вторично против правил вежливости разделил между своими прибли-

¹ Пощади! Пощади!

женными имуществом, добытое нами при взятии второй крепости, не испросив на то предварительно моего согласия. Я снисходительно простил амиру Хусайну и эту вторую вину его. Дальше мы двинулись к третьей крепости. На этот раз нам пришлось иметь дело с почти неприступными укреплениями; поэтому, спешив своих всадников, я ночью окружил со всех сторон крепость. В то время, когда гарнизон и население крепости спали, я приказал богадурам запастись «камандами»² и двинулся на штурм. Благодаря этому средству, богадуры легко взобрались на крепостную стену. С рассветом я приказал трубить в трубы и сам, призывая имя Божье, бросился с войском на крепость. Очень быстро все войско мое вошло в крепость, и мы овладели ею. Когда я оканчивал утреннюю молитву, ко мне привели связанных жителей крепости, взятых в плен при штурме. И в этой крепости нам досталась богатая добыча. Амир Хусайн, получив сведение о нашей удаче, пришел меня поздравить со взятием этой крепости. Слух о нашей победе прошел по всем окрестностям. В это время находившийся при мне амир Махмуд получил грамоту от четырех остальных крепостей: жители их выражали свое согласие сдать без сопротивления крепости амиру Махмуду. Они писали: «Если амир Тимур возьмет крепости, то он и тебя лишит владения Сиистаном, и нас истребит». Амир Махмуд согласился с этим и тайно, ночью, удалился от меня и ушел в свою область. Население крепостей и многие другие собрались вместе, чтобы общими силами напасть на меня. Когда я получил известие, что мне угрожает нападение, я все мое войско разделил на три части. Амир Хусайн с одной частью войска восставил мое правое крыло, другую часть я расположил слева, а сам, предводительствуя третьей частью, составил середину боевого порядка. В первый ряд я поставил стрелков, за стрелками расположились воины, вооруженные копьями. Произош-

¹ «Каманд» — приспособление вроде сети из веревок или цепочек, которым всадник в одиночном бою опутывал противника и стаскивал с лошади. При осаде крепостей, тот же «каманд» осаждающие забрасывали на зубцы крепостных стен и с помощью этого приспособления вскарабкивались на крепостную стену.

ло большое сражение. Я сам, с двенадцатью богадурами, очутился в самой середине сражавшихся; в это время две стрелы попали в меня: одна в ногу, другая в правый локоть. Разгоряченный сражением, я даже не обратил внимания на то, что был ранен, и опомнился лишь тогда, когда, с помощью Божьей, нам удалось победить и обратить в бегство наших врагов. После этого я отправился в сторону Гармира. Остановившись там на некоторое время, я принялся лечить свои раны. Амира Хусайна, дав ему своих двести всадников, я послал в сторону Бакланата. Амир Хусайн, придя в Бакланат, овладел им, но вслед за взятием, не обращая ни малейшего внимания на дела управления страной, он вооружил против себя всех служащих и все свои усилия направлял к тому, чтобы собрать как можно больше богатств. Ахунд-бек с войском Чете напал на амира Хусайна, и тот, разбитый в сражении, бежал с четырьмястами всадников в селение Шарку. Такие действия моего главнокомандующего возмущали меня до глубины души, но, хотя рана моя к этому времени совершенно зажила, я все-таки ничего не мог предпринять, потому что войско мое было в разных местах, и возле себя я мог собрать только 40 всадников.

Я призвал к себе Тимур-Ходжа-Углана и, взяв амира Магди-бека с сорока всадниками, которые все были высокого происхождения, я, даже не оставив телохранителей, собрал решительно всех воинов, какие могли за мной следовать, прошел с ними в горы Мызд и там остановился. Вскоре и Сиддык Барлас с отрядом войска явился ко мне на помощь. Он прежде служил у меня и совершал со мною походы, поэтому ему было очень приятно вновь свидеться со мной. Вместе с ними я двинулся в сторону Арсафа. Амир Хусайн прислал мне письмо, в котором выражал желание присоединиться ко мне, но просил для этого прислать ему войска. Я отрядил Сиддык Барласа с сорока всадниками и послал на помощь к амиру Хусайну, а сам двинулся дальше. По дороге я увидел на возвышенности черное пятно и, опасаясь, как бы неожиданно не наткнуться на неприятеля, я послал вперед разведчиков. Вскоре посланные возвратились и успокоили меня, сообщив, что это идет ко

мне на помощь старый мой сподвижник Кыранчи-богадур с сотней всадников. Я принес Богу благодарственную молитву за помоѡ, которую он посылал мне в такую критическую минуту. Мы достигли долины Арсаф. По дороге нам встретился тигр, и я мысленно загадал, что если мне удастся убить этого тигра, то меня, значит, ждет удача во всех моих предприятиях. Я пустил стрелу и наповал убил тигра. Мы остановились в этой долине, расположившись на возвышенности. Я занялся охотой, и это занятие обеспечивало нам пропитание в продолжение всей нашей стоянки в степи Арсаф. Мы поджидали амира Хусайна, который должен был соединиться с нами. Войско мое расположилось на берегу большой реки. Однажды вечером, при лунном сиянии, я сидел на горе один. Когда пришло время ложиться спать, я произнес славословие пророку и его семейству и заснул. Вскоре я услышал голос, который говорил мне: «терпение — ключ к радости». Я проснулся в хорошем расположении духа, счастливый виденным сном. Оглянувшись кругом, я заметил, что со стороны Балха к нам приближается какая-то толпа людей. Ни слова не говоря своим воинам, я выехал вперед, навстречу приближавшемуся войску, и, подъехав поближе, спросил, чьи это люди. Какова же была моя радость, когда я услышал в ответ, что приближающиеся к нам люди — амира Тимура, которого и разыскивают в степи. Меня отвели к военачальникам, и я увидел вновь давно мне хорошо знакомых начальников: Кутлук Ходжа Барласа, Амира Сайфиддина и Тунг Богадура. При моем появлении они спешили и, припав к моему стремени, плакали от радости, что меня видят. С ними вместе и с их войском я присоединился к своему отряду и устроил праздник. Вскоре, со стороны Мерва к нам подошел еще отряд. Мы опасались, что это двигаются на нас враги, но тревога оказалась напрасной: это Шир Баграм, который раньше бежал, теперь возвратился ко мне. Он устыдился своего поступка и теперь, придя с войском, присоединился к моему отряду, прося простить его и забыть старое. Я принял его радушно, угостил его на славу и примирился с ним, как будто между нами ничего не произошло. Напротив, вместо того, чтобы гне-

ваться на пристыженного Шир Баграма, я подарил ему золотой венец и шапку, украшенную драгоценными камнями, и этим привел его в восторг. Я даже опоясал его своим поясом. В долине Арсаф мы несколько дней пиروвали и веселились по этому случаю.

Четыре дня спустя, к нам прибыли Хаджи Барлас и амир Хусайн с двумястами воинов. Мы были очень довольны, что нам удалось собраться вместе. С общего согласия, мы решили произвести нападение на войско Чете, и я отрядил Шир Баграма с войском к Бугай Сальдуру — коменданту крепости Дулачун, с поручением пригласить и его присоединиться к нам. Шир-Баграм, явившись к Бугай Сальдуру, передал наше приглашение, но тот ответил, что хотя он и находится издавна в дружественных отношениях со мной, но, из чувства благодарности, не может изменить Ильясу-Ходже, который, доверившись ему, поручил управление крепостью таким образом, Бугай Сальдур не согласился действовать с нами заодно; 300 всадников отделились от него и присоединились к нам. Вскоре мы оставили место нашей стоянки и перешли на другое. Владетели Кундуза и Бадакшана, Али и Махмуд Ша Кабули присоединились ко мне с большими отрядами войск. Я их принял, щедро одарил и устроил им угощение. С общего согласия союзников, я отрядил 200 всадников, под предводительством Тикиш-богадура и отправил их в сторону Балха. Кроме того, я послал тамук богадура с поручением разведать и доставить мне точные сведения о положении дел в стране Чете, но отряд этот постигло большое несчастье: при переправе через реку Термед, решительно весь отряд, с оружием и имуществом, погиб в волнах реки; никто из воинов не возвратился к своим семьям. Каким-то чудом уцелел лишь сам Тамук богадур, который принес мне весть о случившемся и дал знать, что оказалось невозможным заставить отступить шеститысячное войско Чете и что хотя некоторых из этих воинов и были убиты, но остальные безнаказанно ограбили окрестности Термеда.

Получив такие известия, я немедленно двинулся со своими войсками и остановился на берегу реки Джайхун (Амударья). Тикиш богадур в это время возвратился ко мне, он

был счастливее Тамук богадура и привез богатую добычу. В это же время я получил грамоты от амира Сулеймана, Джагуй Барласа, амира Муса, амира Джалауддина и амира Хинду; они сообщали мне, что осведомившись о прибытии моем в долину Арсаф, где я стоял лагерем, они, недовольные Чете, задумали присоединиться ко мне с находившимися в их распоряжении тысячьо всадников. Придя к берегам реки Термед, они выслали вперед амира Тугуль-Буга, чтобы получить через него точные сведения о том, где я нахожусь. Как раз в это время амир Саид, сын Айгу, Менгли-Буга, владетель Дулачуна и Хайдор Андхойский, по приказанию Ильяса Ходжи и Туклук Тимура, с шестью тысячами всадников двинулись, чтобы напасть на меня. Им удалось овладеть окрестностями Термеда и Балха, так что население Балха вынуждено было перейти реку Джайхун и стать под мою защиту.

Спустя три дня, утром, поименованные выше три военачальника, с отрядом всадников численностью в шесть тысяч человек, остановились на противоположном берегу реки Джайхун, чтобы напасть на нас. Только река разделяла нас. Я снарядил Тимур ходжа Богадура послом к нашим врагам и поручил ему убеждать их отказаться от намерения вести против нас военные действия. В числе доводов, доказывающих, что не надо борьбы, я просил передать им, что все люди, живущие на земле, составляют как бы одно тело; поэтому, если кто нападает на другого, то это равносильно тому, как если бы человек вздумал рубить свое собственное тело и потому враждебные действия нельзя признать разумными. Эти слова мои, переданные моим послом, произвели на наших врагов сильное впечатление, и они отказались от своего намерения напасть на меня. Примирившись таким образом без всякого кровопролития с моими врагами, я двинулся обратно. Через день после моего ухода, враги мои послушались совета нескольких злонамеренных людей, которые сумели убедить их в том, что с их стороны было бы позорно возвратиться, не сразившись со мной. Враги совершенно неожиданно переправились через реку Джайхун и стали выстраиваться в боевой порядок, чтобы напасть на меня. Я огля-

нулся на свое войско. Правда, его было мало и противник численностью войска значительно превосходил на, но зато мое войско состояло из отборных храбрых богадуров, и я не смутился малочисленностью моих сил, а напротив, ободрился, вспомнив стих Корана: «сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения, по изволению Божью!» (2,250), смысл которого, что и немногие, с помощью Божьей, могут одолеть гораздо сильнее-шего врага.

До вечера сражение не начиналось. Вечером я собрал военный совет, и мы решили напасть врасплох на войско Чете ночью, но нас все-таки не оставляло опасение за малочисленность наших войск. Ночью, мы заметили, что к нам приближаются три отряда войск. Предполагая, что это враги наши перешли в наступление, мы приготовились встретить их, но вскоре опасения наши рассеялись — это подходили к нам амир Сулейман, Джагуй-Барлас и Муса, которые отложились от хана страны Чете и с 1500 всадниками двигались к нам на помощь, возмущившись против Чете. Мы приняли их с большой радостью и устроили им торжественную встречу. Я возблагодарил Всевышнего за спасение в такую критическую минуту. Вскоре Менгли Буга, амир Саид и Хайдар Андхайский, с тремя отрядами войска, стали наступать на нас. В моем распоряжении находилось в это время всего-навсего три тысячи воинов, и я разделил их на шесть частей. Располагая войска в боевом порядке, я поставил вперед ряд стрелков, а за ними ряд воинов, вооруженных пика и мечами. Эти две части моего войска с раннего утра вступили в бой и дрались до позднего вечера, но ни одна из сражавшихся сторон в этот день не имела решительного успеха: оба отряда одинаково выбились из сил. В моем распоряжении оставалось однако еще две трети моего войска, совершенно свежего, и вот с этими-то силами я ночью, врасплох, напал на утомленного боем в продолжение целого дня неприятеля. Мои воины быстро ринулись на врага с криками «Алла-яр»¹, при звуках труб, с барабанным боем. Три раза я

¹ Помогай Бог.

произвел наступление без решительного успеха, но четвертый натиск положил конец сражению — победа осталась за нами. Мы, обратив неприятеля в бегство, заняли его позицию и овладели множеством орудия и всякого имущества. Я вознес благодарственные молитвы Всевышнему, который даровал нам победу над сильнейшим врагом. Преданные мне люди пришли поздравить меня с победой, и весть о нашем успехе скоро достигла до Ильяса Ходжи. Он немедленно распорядился послать против меня Альхакк-богадура и Кичик-бека. Этого я никак не мог предвидеть, поэтому, узнав об угрожающей мне опасности, я выступил с места стоянки после боя, отправил амира Хусайна, назначив его в Балх, а сам переправился через Амударью и расположился в степи, на зеленой поляне. Поставленные мною сторожевые посты, не ожидавшие ни откуда нападения, уснули, как вдруг с неприятельской стороны к нам быстро приблизился большой отряд войска. Некоторые палатки моих воинов, расположенный поодаль от центра лагеря, были немедленно разграблены, а спавшие в палатках люди разбежались в степь. Я сам, с бывшими подле меня богадурами, энергично стал действовать стрелами, и нам удалось не допустить неприятеля близко к нам подойти. Видя, что со стороны реки неприятеля не было, я приказал переправить на противоположную сторону реки все наши палатки и имущество, что и было быстро исполнено. Вслед за переправой имущества, переправился и я на другой берег Аму, переехав в лодке. Здесь я выбрал удобное место для лагеря, укрепил его, и мы простояли здесь целый месяц. Войска неприятеля тоже с месяц простояли на противоположном берегу реки. Через месяц мы заметили, что неприятельский лагерь опустел, войска с места стоянки ушли, тогда я со своим войском победоносно двинулся в сторону Балха и быстро достиг местности Хульм¹. Амир Хусайн устроил нам здесь торжественную встречу, и я провел в этой местности 10 дней, среди пиров и развлечений. У меня явилась мысль отнять у Чете все города области Турана, и с согласия амира Ху-

¹ Город в северной части Афганистана, около Кундуза.

сайна мы двинулись в сторону Бадакшана и скоро пришли в местность Кундуз.

В это время от племени Юз ко мне присоединились два отряда войск, численностью всего до 1000 всадников. С этим войском я поспешил ночью подойти к Бадакшану, чтобы не дать возможности гарнизону крепостей, узнав о нашем приближении, укрепиться. Как только я подошел к местности Танаан¹, бадакшанские правители с подарками вышли ко мне навстречу. Взяв для усиления своего отряда от них две тысячи всадников, я отправился в Джилан, рассчитывая собрать как можно больше войска, а потом уже двинуться в сторону Чете. В это время мне исполнилось 36 лет. Придя в местность Джилан и взяв оттуда главнокомандующего с войском, я двинулся в местность Кульмак, где и остановился.

Амир Хусайн втайне желал мне зла, но не решался открыто выступить против меня. Чтобы повредить мне, ослабив мои силы, он поссорился с Пулад Бугаиром и добился этим, что Пулад Бугаир расстался со мной и ушел в свою сторону. Между тем из амиров Чете на меня двинулись: Кичик-бек, Тимурин Туклан, Сарык-богадур, Сангум-богадур Туклук-Ходжа и Куч Тимур. Вместе с тысячками и войском в 20 тысяч всадников, с ними же двигались теперь на меня служившие прежде у меня Туклук Сальдур и Кай-Хисрау. Из всего своего войска, мои противники выделили шесть тысяч всадников, которых и расположили в один ряд, чтобы начать бой. Я слышал в этот день, что общая численность неприятельских сил, сосредоточенных против меня, простирается до тридцати тысяч человек, у меня же, исключая войска Амир-Хусайна, на преданность которых я не мог вполне рассчитывать, было всего шесть тысяч человек; поэтому я был очень слаб, в сравнении с силами неприятеля.

Я загадал по Корану, и мне открылся стих: «сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения, по изволению Божью!» (2,250). Прочитав это, я успокоился. Шесть тысяч всадников начали наступле-

¹ Вероятно, Тальган.

ние, а я, не принимая здесь боя, отступил в сторону Джилана. Враги, предполагая, что отступление мое вызвано страхом перед ними, даже не преследовали меня, а остались на месте, не принимая никаких мер предосторожности против меня. Я прошел четыре фарсаха¹ вперед, потом возвратился обратно и, видя, что неприятель, никак не ожидая моего возвращения, отдыхает совершенно беспечно, я внезапно напал на моих врагов. Кай Хисрау и Туклук Сальдур перешли на мою сторону и мы, вместе, дважды сразились с врагом. Нам удалось обратить в бегство неприятеля; с криками «Альферар, Альферар»², они разбежались в разные стороны. Многих из бежавших нам удалось захватить в плен, а те, которые были на хороших лошадях — ускакали и присоединились к отряду Ильяс Ходжи. Настала ночь и амир Хусайн со своим войском двинулся от берега реки и пошел по направлению к Джилану. Враги наши успокоились и, хотя очень желали преследовать меня, но не решились, видя что я обладаю достаточной силой.

Из только что окончившегося эпизода борьбы с войском страны Чете, я пришел к такому заключению, что весьма трудно победить их, действуя открытой силой, а потому, сражаясь с ними следует сначала отступать, как будто бы я испугался численного перевеса неприятельских войск, а потом, когда таким образом удастся убедить врага в моей мнимой слабости и бдительность его будет усыплена, тогда следует решительно напасть на врага. Мое намерение я привел в исполнение следующим образом: амира Муайд Арлада, Кара Богадура и Ирак Богадура я поставил против неприятеля у каменного моста, сам же я со своим войском взошел на возвышенность и там, разбив палатки, остановился. Я приказал по вершинам гор разложить как можно больше костров. Войдя в свою палатку, я стал на молитву. Не знаю, во сне или наяву, я услышал голос, который говорил мне: «Тимур, поздравляю тебя

¹ Фарсах — мера длины от $6\frac{1}{2}$ до 7 верст. В Бухаре в фарсах считается 12 000 шагов, т. е. 8 верст.

² Аль-ферар *араб.* — бегство войска.

с победой». Я, услышав это, очень обрадовался. После утренней молитвы, Ильяс-Ходжа, под звуки барабанов, ушел. Некоторые военачальники советовали мне преследовать войско Ильяс-Ходжи, но я, догадываясь, что его движение не более, как демонстрация, чтобы заставить меня сойти с горы, где было расположено мое войско, приказал моему отряду оставаться на месте. Благодаря этому, врагам не удалось заставить нас сделать по-своему, а наоборот, им самим пришлось возвратиться и начать сражение у подошвы гор.

Поражая с возвышенности людей, стоявших ниже нас, мы своими пращами нанесли войску Ильяс-Ходжи серьезный вред, перебив и ранив многих воинов. С наступлением ночи сражение прекратилось. Ночью я собрал совет, и мы решили, что для нас невыгодно стоять неподвижно на горе, а гораздо лучше сойти вниз и сразиться с неприятелем у подошвы гор. Если нам посчастливится, думали мы, то мы этим достигнем цели, если же не удастся, то мы все-таки двинемся отсюда в другую сторону. Приказав войску двигаться молча и плотными рядами, я ночью напал на войско Ильяс-ходжи со всех четырех сторон. Произошло большое сражение, дело перешло в рукопашную. В самый разгар сражения я встретился с Ильяс-ходжой и иронически пожелал ему «счастливого пути». Не одержав над нами верха, войско Ильяс-ходжи, отстреливаясь, ушло в свой лагерь и там расположилось. Я также двинулся с поля сражения, последовал за войском Ильяс-ходжи и расположился вокруг города. В это время ко мне присоединился и амир Хусайн со своим отрядом. Военачальники, пристыженные поражением и бегством, собрались в унынии, со слезами на глазах. Они порешили на общем совете драться со мной до тех пор, пока не победят меня, или же сами не будут перебиты до последнего человека. В виду такого решения, Ильяс-ходжа приготовился к бою, как вдруг несколько человек прискакали с известием о смерти Туклук Тимура и сообщили Ильяс ходже, что ему следует вступить на престол его умершего отца Туклук Тимура. Поэтому Ильяс Ходжа поспешил отправиться к отцу. Остающимся в крепости военачальникам Ильяс-ходжа при-

казал держаться до его прихода, а сам обещал возвратиться тотчас же, как только покончит со своими делами. Намереваясь убить Ильяс-Ходжу, я, соединившись с амиром Хусайном, двинулся с войском за Ильяс-Ходжой. В это время я узнал, что в Кеш послан наместник Ильяс-Ходжи с войском. Каждые 2—3 дня от Ильяс-Ходжи уходило по отряду войска, которые и присоединялись ко мне. Пришедшие ко мне люди подтвердили известие, что к Кешу Ильяс Ходжа послал войско, а потому и я, со своей стороны, послал туда амира Сулеймана, амира Сайфиддина, амира Джагу, амира Баграма и амира Джалалиддина для противодействия отряду Ильяс-ходжи. Чтобы ввести неприятеля в заблуждение относительно численности моих войск, я приказал своему отряду как можно больше пылить, двигаясь по дороге. Приближаясь к Кешу, воины моего отряда привязали к хвостам своих лошадей деревянные ветви, чтобы произвести больше пыли и поскакали по направлению к городу. Это наступление произвело в среде гарнизона крепости настоящую панику: войско, без всякого сопротивления, обратилось в бегство. Мое войско, через неделю, возвратилось с богатой добычей. Вскоре Сулл Умар Баяни Сальдур присоединился ко мне с семью отрядами, а Шир Баргам тоже прибыл ко мне с извинениями и поздравлениями. Я устроил пир по случаю их прихода, но вскоре выступил со своим войском. Ильяс Ходжа стал собирать многочисленное войско. Для защиты от меня, он выставил Кичик-бека, Искандер Углана и Сафа. Я загадал по Корану, какая участь меня ожидает, и мне открылось, что мне суждено победить врагов. Это меня очень обрадовало и я возблагодарил Бога за помощь. Придя в местность Баш-арыги, я поставил там амира Хусайна, которому приказал все время быть настороже, чтобы враги, приблизившись к нам, в первую минуту не могли сглазить нашу силу. Войско свое я разделил на семь частей и расположил в таком порядке, как располагаются на перелете журавли, и дошел до местности Кий¹.

¹ Местность по Зеравшану, немного ниже Самарканда.

В это время Кичик-бек, производя рекогносцировку со своим многочисленным отрядом, встретился со мной. Я загадал по Корану, чтобы узнать, что меня ожидает, и мне открылся стих: «Мы украсили низшее небо светилами и поставили их для отражения дьяволов, которым приготовили муку в пламени»(67.5). Я обрадовался и двинул свои передовые войска навстречу войскам Кичик-бека. Отряд за отрядом, подходили мои резервы на помощь передовым. Сражение затянулось надолго, в моем войске произошло замешательство, и я поспешил присоединиться к войску с моими богадурами. Когда я присоединился, войско Кичик-бека обуял страх. Вслед за мной со стороны неприятеля вступили в бой: Искандар Углан, амир Юсуф и амир Хамид. Я, со своими богадурами, пролил немало крови: в рукопашном бою мы рубили врагов мечами. Во время сражения лошадь Кичик-бека упала под ним, и нам удалось взять его в плен. Для того, чтобы освободить из плена Кичик-бека, амир Хамид и амир Юсуф с ожесточением напали на нас. Один пеший воин с такой силой ударил лошадь амира Хамида, что лошадь упала и амир Хамид был тоже взят в плен. Амир Юсуф повернул лошадь и вскачь бросился назад, но по пути стремя его запуталось за стремя встречного всадника и амир упал и тоже попал в наши руки. Искандар Углан бежал и присоединился к Ильяс Ходже. Довольный только что одержанной победой, я взъехал на гору и стал собирать рассеянные толпы в одно место. Войско мое быстро собралось, и я снова бросился на отряд Ильяс-Ходжи. Я одержал верх, но в то время, когда я намеревался схватить самого Ильяс-Ходжу, на помощь к нему прискакал Искандер-Углан и сам попал в плен, а Ильяс-Ходже удалось бежать. Мы бросились в погоню за Ильяс-Ходжой. В моем войске почти не было ни одного воина с пустыми руками, так много мы захватили пленных, лошадей, оружия и имущества. Я приказал привести к себе всех пленных, чтобы переговорить с каждым из них сообразно его положению. Я принес Богу благодарственную молитву за дарованную мне победу и перешел с войском в местность Кар, где и остановился. Я разрешил своему войску праздновать победу, пировать и

веселиться, а сам через день приказал привести к себе взятых в плен военачальников Ильяса-Ходжи.

Прежде всего я обратился к Кичик-беку и, похвалив его за верность своему государю, старался разного рода обещаниями склонить его к переходу снова на мою сторону, но он не согласился подчиниться мне.

Такую же похвалу я воздал амиру Хамиду. После них я выразил свое горячее одобрение Искандар Углану за то, что он пожертвовал собой за Ильяса-Ходжу; я просил пленных военачальников объяснить мне, чему следует приписать, что они, обладая таким многочисленным войском, были тем не менее побеждены. Они ответили, что по их мнению это объясняется тем, что слава о моей необходимости внушает воинам моих врагов такой панический страх, что каждый мой удар по силе действия равен тысяче ударов.

Какому же наказанию должен я вас подвергнуть, спросил я. Они ответили, что заслужили казнь, но что в таком случае в стране Чете найдется много людей, которые сочтут своим долгом отомстить за своих соотечественников; если же я отпущу пленных, то слава о моем великодушии привлечет ко мне многих людей, которые подчинятся мне, узнав о милостивом отношении моем к пленным. «Ты сам знаешь, что лучше: мстить или прощать», говорили мне пленные. Я снова попробовал заманчивыми обещаниями склонить их к переходу на мою сторону, но они не согласились, и я убедился в непоколебимой преданности их своему повелителю. Щедро одарив их, я освободил их и других пленных и отправил всех к Ильясу-Ходже. Вскоре я получил известие, что Ильяс-Ходжа пришел на берег Сырдарьи у Ходжента. Я немедленно двинулся туда с войском, но не нашел Ильяса-Ходжи. Амира Сайфиддина и амира Джагу я послал, чтобы овладеть Самаркандом, а сам я стал охотиться и с охотой тоже приблизился к Самарканду. Много моих родных и знакомых вышли ко мне навстречу со словами: «Истинное дело исполнилось».

Я остановился в Самарканде и послал человека, чтобы собрать отставших по дороге воинов. В это время мне исполнилось 37 лет.

Племена страны Чете, без всякого постороннего влияния, начали враждовать между собой и возмутились против своего правительства. Желая быть полновластным правителем, я отправился для отражения их. В это время я получил сведения, что амир Хусайн, тайно действуя во вред мне, сговаривается с начальниками племени Тумны, что меня делать ханом не следует, а надо выбрать Караджуй Чагатая. Я написал амиру Хусайну письмо, в котором высказал мнение, что на царство годен лишь тот, кто много и счастливо воевал и кто уничтожил врагов. Амир Хусайн, сговорившись с начальниками племени Тумны, отыскал находившегося в бедности и неизвестности Кабуль-Шаха, внука Чагатай-хана и посадил его на престол. Я пришел в Кеш и там остановился. Когда наступила весна, распространился слух, что мятежники Чете с большим войском намерены напасть на Мавераннагр. Амир Хусайн, в страхе, поспешил собрать совет преданных ему военачальников, и они порешили, что война с войском Чете без моего участия — немыслима. Будучи в безвыходном положении, они написали мне прошение. Хусайн писал, что он — мой верный друг, что свою дружбу ко мне он докажет потом; что, не подражая обыкновенному приему — уверять в своей преданности, писать об этом, он просто догадывается о моем к нему расположении по симпатии, которую он сам чувствует ко мне. О поданном мне прошении узнал и воспитатель Кабуль-Шаха. Он сейчас же умертвил Кабуль-Шаха и поспешил придти ко мне, предлагая мне принять его к себе на службу. Я, находя, что он очень дурной человеке, если решился убить своего повелителя и, желая, чтобы он достойным образом был наказан за свое гнусное злодеяние, отослал его к наследникам убитого им Кабуль-Шаха, чтобы они могли убить злодея также, как он убил их родственника.

Потом я собрал много войска и сообщил амиру Хусайну, что я собираюсь идти войной на Чете и отправился для защиты пути через Дарью. Всего у меня собралось до семи тысяч войска, которое я и разделил на семь частей. Я послал гонца к амиру Хусайну, и он, присоединившись ко мне, расположился вблизи моего стана. Мои шпионы до-

несли мне о положении дел в войске Ильяс-Ходжи следующее: Ильяс-Ходжа со всем своим войском остановился в местности Бад. Правым и левым флангами командуют в его войске Сангин-богадур и Хаджи-бек, а сам Ильяс-Ходжа с богадурами находится в центре. Кипчак-богадура Ильяс-Ходжа выслал на разведки вперед. Я, в свою очередь, послал на рекогносцировку: Альджай-ту, Шир-Баграма, Пулат-буга, амира Пархат и Малик-богадура, под общим начальством кутлуш Саланчи Арлата. На фланге я назначил Саз Буга и Тимур-Ходжу, а остальных богадуров оставил при себе. Амир Хусайн перешел реку. Я высказал ему, что, по моему мнению, следует нам обоим с двух сторон одновременно напасть на войско Ильяса-Ходжи, но амир Хусайн не согласился со мной: он находил, что не следует разделять свои силы надвое; видя, что убедить его нет никакой возможности, я решился последовать его совету. Вскоре перед нами появилось войско Ильяс-Ходжи.

Видя многочисленность войск неприятеля, я смутился и, следуя усвоенному мною обычаю, загадал по Корану. Мне открылся стих: «Бог уже помогал вам во многих битвах» (9,25). Я получил уверенность в успехе, прочитав этот стих. В это время с обеих сторон передовые отряды вступили в бой. Со стороны неприятеля Хаджи-бек, смяв Саланчи-богадура, бросился на отряд амира Хусайна и, с первого же натиска, обратил его воинов в бегство: войско разбежалось в разные стороны. Я молился, чтобы Бог послал побольше твердости в бою остальным моим начальникам и войскам. В это время амир Шамсуддин, со своим отрядом, тоже направился в сторону отряда амира Хусайна. Я, с находившимися подле меня войсками, напал на ами-ра Шамсутдина, смял его и прогнал к отряду Ильяс-Ходжи. Удар был настолько силен, что произвел панику в войске Ильяс-Ходжи. Амиру Хусайну я послал приказание, чтобы он скорей двигался на соединение со мной, что неприятель испуган и потому следует теперь же напасть на него, так как расстроенного неприятеля легче победить и обратить в бегство. Амир Хусайн, без всякой уважительной причины не исполнил моего распоряжения и не при-

шел, хотя я посылал за ним 10 раз. Мне стало ясно, что амир Хусайн изменил мне. Видя это, я отступил и остановился. Войско неприятеля было также очень имучено и они тоже отступили. Всю эту ночь я не имел возможности ни на минуту слезать с лошади. Амир Хусайн, пропустив удобный момент, когда надобность в нем миновала — присоединился ко мне. Мы поставили с четырех сторон сторожевые посты и под их прикрытием провели ночь спокойно. Настало утро. После заклинаний «ядачи»¹, находившихся при войске неприятеля, пошел сильный дождь, что нам крайне повредило, затрудняя наше движение. Несмотря однако на это неудобство, я со своими богадурами начал сражение, приказав трубить в трубы. Вскоре нам удалось поймать и убить «ядачи», накликавшего дождь, и дождь тотчас же перестал. Я с войском бросился на неприятеля с такой силой и стремительностью, что враг не в состоянии был вынести натиск, и войско Ильяса-Ходжи разбежалось. Мои воины их преследовали, а я с двумя тысячами всадников остался на месте и приказал играть военной музыке.

Вдруг, совершенно нечаянно, на нас напал амир Шамсутдин, который был главнокомандующим, с несметными полчищами войска. Я тотчас же послал ему навстречу тысячу всадников. В этот день сражение продолжалось без перерыва до наступления темноты. Тысяча всадников, посланных мною, все погибли вследствие многочисленности врагов. Убедившись в этом, я решил, что невозможно продолжать бой, и в эту же ночь выступил по направлению к городу Кеш. Вот что случилось с нами из-за того, что амир Хусайн не захотел последовать моему совету — напасть на Ильяса-Ходжу сразу с двух сторон. Для меня стало ясно, что двоевластие в военном деле крайне пагубно отражается на успехе военных предприятий и потому немыслимо. Подтвердилась поговорка, что две головы рогатых баранов (кочкар) нельзя сварить в одном котле. Амир Хусаин, перейдя Амударью со своими родственниками и приближенными, остановился на берегу реки, рассчитывая бе-

¹ Призыватель дождя, от слова «яда» — призывание дождя.

жать в Индустан, если враги двинутся в его сторону. Амир Хусайн и меня приглашал последовать за ним, но я отказался и сказал, что рассчитываю предварительно собрать побольше войска и тогда надеюсь с успехом напасть на войско Ильяса-Ходжи. Вскоре я собрал два отряда. До моего сведения дошло, что военачальники Чете с войском пришли и расположились в Самаркандских горах. Поэтому я поспешил назначить три отряда войск под начальством Тимур-Ходжи Углана, Аббас-Богадура и Чадырчи Богадура, которым и приказал возможно скорее напасть на войско Чете. За первыми тремя отрядами я отправил еще два, под начальством Дауд-Ходжи и Инду-Шаха, которым приказал составить резерв для передовых отрядов. Эти два отряда скоро догнали передовых, но те своим малодушием уничтожили и в двух задних отрядах всякую уверенность в победе и потому Дауд-Ходжа и Инду-Шах повернули назад. Я вскоре узнал о случившемся. Бежавшие военачальники и сами были смущены своим поступком. По дороге они встретили только Кепек Тимур-богадура, главного военачальника Чете, дрались с ним, бежали и, по одиночке, возвратились ко мне. Собрав рассеянные войска, я двинулся с находившимися при мне отрядами в сторону Балха и остановился на берегу реки Аму. В этом месте ко мне присоединилось много народу. Кенек-хан, Туман и Ильчи-Бугай Сальдур с большим войском пришли ко мне. Мы получили известие, что войска Чете осадили и разграбили несколько городов. Встревоженный этим, я переправился через Амударью. В это время из Самарканда нам дали знать, что туда пришли враги. Жители, не имея крепости, баррикадировали улицы и рассчитывают, что я с войском приду к ним на выручку. Я немедленно двинулся к Самарканду с тысячью всадников.

По дороге до нас дошли еще более печальные сведения: в запертом неприятельским войском городе Самарканде был жестокий голод и свирепствовала моровая язва. Я пошел скорее и нашел жителей Самарканда в ужасном положении; я не обратил внимания на Самарканд, а, оставив для военных действий у Самарканда амиру Джагу, амиру Сайфуддина, Ак-Буга, Ильчи-богадура, а сам отправился

в сторону Баклана. Когда я пришел в область Баклан, ко мне явился и амир Хусайн. Выступив из Баклана, я перешел в Карши, чтобы провести там зиму. Я распустил все свое войско и приказал воинам вновь собраться ко мне к празднику Науруз, весной.

В это время мне исполнилось 38 лет. Город Карши также назывался Кепек хан магмурасы¹; я приказал сделать вокруг города крепостную стену и украсил внутренность города многими зданиями. Наступила весна. По совету амиру Хусайна, я отправился к Самарканду. Вблизи города мы разбили палатки свои и расположились лагерем.

Амир Хусайн находился при мне, но втайне он завидовал моим успехам на войне и потому, когда я собирался идти на Самарканд, амир Хусайн вздумал требовать отчета от моих амиров, хотя они все доходы тратили на войско. Такой поступок амира Хусайна до такой степени возмутил меня, что я хотел его убить, но в это время мне пришел на память стих Корана: «Рай приготовлен тем, которые укрощают гнев и прощают людям. Бог любит благотворительных» (3,128), и я отказался от своего намерения. Я послал письмо амиру Хусайну и высказал ему, что не нахожу ничего предосудительного с его стороны в том, что он добивается получения братской доли, и послал ему много верблюдов и лошадей. Сестра амира Хусайна, Аль-джой-Туркман-ага, послала своему брату в подарок много скота, имущества и драгоценностей; амир Хусайн все это взял с жадностью. Я послал ему много денег, он получил их, но не знал предела своим желаниям, он все был недоволен тем, что имеет. За такую жадность и скупость мои военачальники возненавидели амиру Хусайна.

Когда войска Чете нападали на города, военачальникам приходилось производить расходы на приведение крепостей в оборонительное положение. Амир Хусайн, из скупости, несправедливо обвинил нескольких военачальников, но эти военачальники, в доказательство своей правоты, представили ему мой приказ о возведении укреплений.

¹ Т. е. «построенный Кепекханом»; Кепек — джагатайский хан, царствовавший в XIV веке.

Вообще во время этой неурядицы амир Хусайн из корысти притеснял многих жителей Самарканда. За такие действия амира Хусайна население Самарканда было им крайне недовольно, и хотя я не нарушал правил дружбы к родственникам, жители старались настроить меня против него. В то время враги амира Хусайна возбудили против него некоторых из его приближенных и направили их ко мне.

Я несколько раз приказывал им возвратиться к амиру Хусайну и повиноваться ему, но они меня не послушались. Тогда я сообщил об этом амиру Хусайну и просил его простить вину этим изменникам, и взять их к себе, но амир Хусайн не согласился на мое предложение. После этого амир Муса и Али Дарвиш-Джалаир, зять, но враг амира Хусайна, утвердили во мне вражду к нему и написали мне письмо, что они намереваются убить амира Хусайна. Мои недоброжелатели, желая повредить мне, написали амиру Хусайну подложное письмо от имени моей жены, в котором сообщали, что будто бы я замышлял убить амиру Хусайна. Он прислал мне это письмо, и я ему тотчас же дал знать, что письмо подложно. Кроме того, желая еще более доказать амиру Хусайну, что я не желаю ему зла, я послал к нему амира Муса и Али Дарвиша, но они с дороги бежали в сторону Ходжента. Казалось бы, что самое бегство этих двух людей должно было бы окончательно убедить амиру Хусайна в подложности присланного ему от имени моей жены письма, но амир Хусайн и этому доказательству не придал значения, и я окончательно убедился, что он против меня восстановлен и желает мне зла. Продолжая относиться к амиру Хусайну дружески, я спросил Шир-Баграма, как он понимает отношение ко мне амира Хусайна, и тот откровенно ответил, что не подлежит сомнению, что амир Хусайн из зависти желает мне зла. Я просил Шир Баграма привести доказательства справедливости его заключения, и он высказал, что удостовериться в искренности амира Хусайна очень легко, так как, если он ко мне самому расположен, то он должен милостиво относиться и к служащим у меня, а потому посоветовал написать амиру Хусайну просьбу о помиловании от его имени и от имени других военачальников, которые преж-

де служили у амира Хусайна, а потом перешли ко мне; если амир Хусайн, прочтя их просьбу, отнесется к ним благосклонно, то значит он и ко мне расположен, если же не помилует всех обратившихся к нему с просьбой, то это послужит мне доказательством, что амир Хусайн и мне желает зла. Шир Баграм с несколькими военачальниками написали помянутую просьбу и отправили по назначению. Амир Хусайн, получив прошение, разорвал его и высказал при этом, что он не только не согласен простить просителям их вину, но от души был бы доволен, если бы ему удалось всех их убить. Услышав об этом, я решил покончить с амиром Хусайном и тотчас же послал Баграма с Адиль-богадуром в область Джилян, чтобы они собрали там и привели ко мне войско. Шир-Баграм собрал много людей и укрепился в Сатруни и Каите¹. В это время амир Хусайн стал лживыми обещаниями склонять Шир-Баграма изменить мне и вновь перейти к нему на службу. Это удалось ему. Когда я узнал об измене Шир-Баграма, я написал ему письмо следующего содержания: «Презренный! Ты сам поссорил меня с амиром Хусайном, ты зажег огонь, от которого сам сгоришь и будешь растоптан». Так в конце концов и случилось. После этого я послал к Ходженту Аббас-богадура и амира Джагу, но они, видя, что ссора между мной и амиром Хусайном не может окончиться примирением, заблагорассудили остаться там, и я об этом узнал.

В это время мне исполнилось 39 лет. Когда я двигался от Карши к Самарканду и сделал уже один переход, амир Сулейман и Чадырчи бежали от меня и присоединились к амиру Хусайну.

Вскоре умер амир Хызр Ясури. Тогда Али Дарвиш, Ильяс-ходжа, Махмуд бежали от амира Хусайна и присоединились ко мне. В то же время возвратились из Ходжента и пришли тоже ко мне амир Джагу, Аббас и Баграм Джаллаир. Я прибыл в Самарканд. Жители этого города обратились ко мне с просьбой, чтобы я, по своему усмотрению, поставил им правителя. Я назначил для этой цели Кара-Хинду. Когда я ушел из Самарканда, я узнал, что

¹ Каит — большой город в восточной Персии.

поставленный мною правитель, индеец душой, мне изменил и перешел на сторону амиру Хусайна.

В это время я был огорчен печальным известием: моя жена Альджой Туркман-ага, сестра амира Хусайна, скончалась. Я вспомнил при этом стих Корана: «Те, которых постигнет какое-либо бедствие, говорят: «Мы во власти Бога, и к нему возвратимся» (2, 151).

Амир Хусайн, услышав о смерти своей сестры, тоже был очень огорчен. Со смертью моей жены прекратилось и наше родство с амиром Хусайном: между нами не осталось ничего, кроме вражды и ненависти. Посоветовавшись со своими военачальниками, я стал собирать войско, чтобы напасть на амира Хусайна. Я молился Богу со словами: «Он лучший из защитников, и на него можно полагаться».

Выйдя из Карши, я прежде всего послал амира Сайфиддина с отрядом вперед, в Джаганы, чтобы разведать о намерениях амира Хусайна. Вскоре я получил от моего посланного письмо, в котором тот предупреждал меня, что враг мой втайне делает приготовления к войне со мной, но действует больше хитростью. Амир Сайфиддин советовал мне быть осторожным. Я двинулся в город Кахлака, и в это время получил от амира Хусайна письмо, в котором он высказывал желание заключить со мной ненарушимый союз, и не на словах, а вполне искренно. При этом амиры Ясура, которые опасались амира Хусайна, думая, что мы вскоре примиримся, задумали бежать. Узнав об этом, я разорвал в их присутствии письмо амира Хусайна и, убедив всех военачальников моих, что дело между нами может быть решено только мечом. Это мое решение произвело на всех весьма отрадное впечатление. Амир Хусайн, узнав, что я не намерен помириться с ним, отступил. Я возвратился в Карши.

Через несколько дней Амир Хусайн, выслав вперед Шир Баграма, двинулся с целью победить нас хитростью и, придя в Уч-Каны, остановился. Я находился в Хырасе. В это время ко мне явился казначей амиры Хызра и доставил мне Коран, на котором, по его словам, амир Хусайн дал клятву, что никогда не будет враждовать со мной и что если он еще позволит себе что-либо предпринять во вред

мне, то пусть он будет моим пленником. При этом посол добавил, что амир Хусайн желал бы принесенную им клятву повторить еще для вящего убеждения, в моем присутствии, а потом и просит меня придти для свидания с ним в долину, принадлежащую Кичик-беку. Между тем, в назначенном для предполагаемого свидания месте, амир Хусайн озаботился приготовить два отряда войск, чтобы взять меня в плен, если я туда приду. Я догадался, что и клятва, и приглашение — не больше как хитрость со стороны моего врага; поэтому, чтобы не дать возможности амиру Хусайну восторжествовать надо мною посредством предательства, я со своей стороны, тоже расставил в разных местах степи отряды своих богадуров. Между тем от амира Хусайна пришло известие, что он выступает в долину без войска, в сопровождении лишь свиты в числе 100 всадников и что меня он просит довериться ему и также идти в долину без войска. В середине долины, писал амир Хусайн, есть хорошее место, мы там встретимся. Зная о хитрости амира Хусайна я выступил в долину с тремястами всадников, а амир Хусайн взял с собой до тысячи всадников. Издали заметив двигавшегося ко мне навстречу амира Хусайна, я остановился. Тайно поставленные амиром Хусайном военачальники и отряды напали на меня; скрытые мной для моей защиты воины явились с двух сторон и начали сражение. Удар моих богадуров был так силен, что войско амира Хусайна не выдержало и первого натиска моих воинов и в страхе обратилось в бегство. Мои богадуры преследовали войска амира Хусайна и при этом многих убили и ранили. Беглецы направились к знамени своего властелина, который, в это время, будучи вполне уверен, что я буду взят в плен его войсками, спокойно поджидал, когда меня подведут к нему связанного. Но каково же было смущение, когда он увидел бегство своих воинов и полную неудачу в своих замыслах против меня! Гнев его обрушился на Шир Баграма.

Оставшись таким образом победителем, я двинулся обратно в Карши и там, довольный своим успехом, отдыхал. Находясь в Карши, я все-таки не терял из виду своего врага и прилагал все усилия к тому, чтобы иметь самые

точные сведения о том, что предпринимает амир Хусайн. Собрав своих военачальников, я высказал им, что всякий из них, кто будет служить мне верой и правдой, может рассчитывать, что я буду обращаться с ним как с братом, я всегда разделял между ними всю добычу и впредь буду поступать также. Всех же, кто не чувствует ко мне доверия и искренней преданности, я просил тотчас же удалиться от меня. Все собравшиеся уверили меня в своей преданности, поклялись на верность мне и собственноручно подписали договор следующего содержания: «Сим мы даем торжественное обещание никогда не покидать амира Тимура. Мы призываем в свидетели Бога и, если мы изменением своему слову, пусть Всевышний нас за это накажет». Таким образом я убедился в преданности мне моего войска. Я двинулся в Бахан, чтобы подчинить себе племя Санджар. До меня дошли сведения, что амир Хусайн 12 000 всадников, под предводительством амира Муса и амира Малик Богадура, отправил для завоевания гор. Карши и для следования за мной. Я, не зная, что предпринять, подкрепил обещаниями наград бодрость духа моих войск и продолжал двигаться к Санджарам, в перед послал дать знать этому племени, что я иду к ним. Санджары были раньше благодетельствованы мною, а потому из благодарности они поспешили выслать мне навстречу отряд в тысячу человек конницы и богатые подарки; некоторых из моих амиров они пригласили в свою столицу и угостили.

На некоторых из своих амиров я не мог вполне положиться и не был уверен в их преданности. Когда весть о моем недоверии дошла до этих амиров, они пришли ко мне с Кораном и с мечами и сказали: «Если ты веришь в нашу клятву, то вот Коран; если же ты хочешь убить нас, то вот меч». Я принял их очень милостиво и убедился в их верности. Это были: амир Джагу, Абгу Тимур, амир Сарыбугай, Джалаир, амир Муайид Барлас, амир Сайфуддин богадур, амир Аббас, Хасан богадур, Ак-Буга, амир Муайид Арлад, Ак Тиму богадур, Ильчи Буга богадур, Аббас богадур Кипчак и Махсуд Ша-Бухари. Так все они еще раз убедили меня в верности мне, и я спокойно двинулся к Санджарам. Я сделал уже четыре перехода, когда

военачальник амира Хусайна, Гинду-шах, занял Карши и сообщил об этом амиру Хусайну. До меня дошли об этом известия и это меня очень возмутило. Намереваясь убить злодея, я распустил слух, будто бы отправляюсь в Хорасан; на самом же деле я те войска, которые считал худшими, отправил к Санджарам, а сам с богадурами двинулся в другую сторону и остановился у колодца Исаака, где и пробыл некоторое время. Отставшие по дороге воины успели ко мне присоединиться. Оттуда, чтобы обмануть врагов, я отправился в Бахан. Я ненадолго остановился на берегу Амударьи, но затем перешел реку. Когда весть о моей переправе через реку дошла до Карши, то гарнизон и начальники его, амир Муса и Амир Хинду-шах успокоились. Я пробыл в Карши два дня, пока все мои войска переправились через реку. Отсюда я послал грамоты в Герат и Мухаммад Беку-Джаны-Курбаны. Я послал одного способного человека в Хорасан, чтобы он успокоил тамошнее население, а сам степной дорогой пришел в Шураб, где и остановился на два месяца. Я там занимался охотой, а в Герат и Мухаммад-джаны-беку послал богатые подарки. Вскоре я получил оттуда ответные грамоты, в которых выражалась безусловная покорность мне и вместе с тем мне было прислано очень много подарков. Все эти дары я поделил между своими воинами. В это время, мимо нас из Хорасана в Карши проходил большой караван. Когда караван приблизился к моему войску, то, опасаясь с нашей стороны грабежей и насилий, начальник каравана явился ко мне с богатыми дарами. Я стал расспрашивать его о Хорасане, и узнал, что население услышав о том, что я тудадвигаюсь, очень радовалось и благодарило Бога. Начальник каравана просил меня дать ему провожатого, который оградил бы караван от нападения со стороны моих воинов. Я приказал и караван прошел благополучно в Карши. Амир Муса и амир Гинду-шах расспросили начальника каравана о том, что я делаю, и решились идти в Хорасан. В Карши амир Муса оставил своего сына, а сам с семью тысячами войсками дошел до местности Ниммург, где и остановился. Отсюда амир Муса написал амиру Хусайну письмо, и те пять тысяч войска, которые амир Ху-

сайн послал к ним на помощь, нисколько не опасаясь меня, расположились в местности Гашун и пировали там, не принимая даже необходимых мер предосторожности. Узнав об этом, я для того, чтобы напасть на них, собрал 340 богадуров, лично мне известных своей храбростью. Перед выступлением я загадал по Корану и мне открылся стих: «В тот день верующие возвестятся о помощи Бога. Он дает свою помощь, кому хочет: он силен, милосерд» (30,4).

Выступление амира Тимура в Карши

С этими 340 богадурами я собрался в поход. Когда я вышел из своей палатки, мои амиры восторженно приветствовали меня. В числе военачальников, избранных мною, были: амир Муайяд и амир Дауд, которые были оба женаты на моих сестрах, Тугуль богадур, амир Джагу. Суюр Гитмиш, амир Сары-бугай Хусайн-богадур, амир Сайфуддин Никудерийский, Аббас богадур кипчакский, Ак-богадур и Махмуд-Ша. Прежде всех, ко мне обратился с приветствием амир Муайяд Архад¹, и я принял это за предзнаменование помощи Божьей. Потом высказал свое приветствие Тугуль-богадур и возложил свои упования на милость Божью². В это время я загадал по Корану, и мне открылось: «Кто уповает на Бога, тому он дает довольство: Бог совершит свое дело» (65,3). Прочтя это изречение, я ободрился и почувствовал в себе уверенность в том, что задуманное мною предприятие несомненно увенчается успехом. Переправившись через Амударью, я направился в местность Азсанат. По дороге в Карши я оставил сторожевой отряд, загородив дорогу таким образом, чтобы никто не мог пройти незамеченным. Сделав несколько переходов, я приблизился к городу Саркенду. Амир Джагу, придя ко мне, высказал, что по его мнению, следовало бы здесь приостановиться и подождать, пока соберутся отставшие по дороге воины. Я согласился и остановил движение моего отряда. Чтобы остановка не прошла без пользы для

¹ Муайяд — по-арабски значит «получивший помощь».

² Упование на Бога «тевакуль» (арабское слово); пишется так же как имя Тугуль.

дела, я приказал готовить крепкие штурмовые лестницы, а сам, ничего не говоря войску, с 40 воинами тихо, пользуясь темнотой ночи, пробрался к крепости Карши. Ров оказался полон водой, но нам удалось все-таки найти крепкий мост для перехода через ров. Здесь я остановил сопровождавших меня воинов, отдал свою лошадь верному моему конюху Абдулле, один пошел к крепостным воротам и постучал рукой; никто мне не ответил.

Я убедился, что не только все население и гарнизон крепости спит крепким сном, а даже привратник у крепостных ворот — и тот уснул. Благодаря такой беспечности, я имел полную возможность хорошо ознакомиться с расположением крепостных верков, узнал все входы и выходы и определил места, где всего удобнее поставить штурмовые лестницы. Узнав все, что мне было нужно, я сел на лошадь и возвратился в лагерь. Собрав всех амиров, я подробно ознакомил их с расположением крепости, которую нам предстояло взять. Все, узнав, что сообщенные мною сведения добыты мною личным осмотром и что я ночью один ходил для этого к крепости, дивились моей храбрости, а некоторые даже осуждали меня за мое ночное предприятие, сопряженное с такой опасностью для моей жизни.

Из состава моего отряда, я выделил 40 человек для присмотра за лошадьми, а сам, верхом, с 300 пешими храбрецами, вооружение которых состояло из мечей и пращей, двинулся к крепости, соблюдая необходимую в таких случаях тишину. Все мои богадуры перешли по мосту, мы быстро расставили штурмовые лестницы и по ним влезли в крепость. К моему удивлению, никто в крепости не проснулся. Я послал нескольких богадуров, чтобы занять крепостные ворота. Каждого из привратников, которые просыпались при их приближении, они убивали, но все-таки крики сторожей разбудили население крепости. Тогда я приказал сразу затрубить во все трубы и бить во все барабаны; этот шум произвел на сонных жителей такое впечатление, как будто бы случилось землетрясение, и все пришли в неописанный ужас, а воины, составлявшие гарнизон крепости, попрятались в дрова и солому. Комендант крепости, сын амира Муса, Мухаммед-бек взобрался на крышу и до самого утра распоряжался сражением. На-

конец, настал день, и Мухаммед-бек, видя, что перевес на нашей стороне, сошел с крыши во внутренность дома и там заперся. Дом этот мы зажгли, все бежавшие были взяты в плен и доставлены ко мне. Наконец, привели и Мухаммед-бека, сына амира Муса. Предо мною предстал очень молодой юноша, почти мальчик, и я, удивляясь его храбрости, обошелся с ним, как со своим сыном. Я пощадил население, а добычу разделил поровну между своими воинами. Я расположил свои войска по крепостным веркам, причем к воротам Хызар я поставил амира Сар, ами-ра Сайфуддина, Дауда и Муайяда, а Суюр Гитмин-Углана, амира Аббаса, Хасан-богадура и Ак-Буга я расположил у других ворот по сторонам крепости. Остальных своих воинов я расположил по башням крепости. Семейству амира Муса я оказал милость и отправил всех членов его семьи к нему. Между тем, амир Муса, когда до него дошли слухи о взятии нами крепости Карши, тотчас же, сообщая с Малик-богадуром, собрал до двенадцати тысяч войска, состоявшего из храбрых всадников, и двинулся по направлению к Карши, чтобы отобрать у нас крепость. Это случилось таким образом: амир Муса с двенадцатитысячным войском осадил меня в крепости Карши. Я тотчас же отрядил амира Муайяд Арлада с 40 всадниками и Ильчи-Буга с таким же конным отрядом из 40 человек и послал их вечером в субботу напасть на амира Муса. Они произвели такую панику в войске амира Муса, как будто волки напали на стадо баранов. Хотя из посланных мною воинов некоторые были избиты и ранены, но зато в войске неприятеля они очень многих перебили, ранили и, захватив в плен, привели ко мне. В числе пленных, между прочим, оказался и Шадраван-богадур. Я решился оказать этому пленнику гостеприимство, принял его с почетом, устроил ему угощение, а затем представил его усмотрению: возвратиться к амиру Муса, или же остаться у меня. Шадраван-богадур высказал желание служить мне.

Через три дня я послал Ак-Тимура к амиру Муса в Шадраван. Он быстро двинулся и храбро напал на войско амира Муса. Ему удалось отбить у врага и привести ко мне сто лошадей. Кенджи-богадур, с 200 всадниками, заняв одни ворота, находился за стеной. Ильчи-Буга и Ак-

Тимур-богадур с шестьюдесятью всадниками, положив через ров дощатый мост, вышли из крепости и перебили пращами и изрубили до тысячи двухсот неприятельских воинов. В это время на помощь неприятельскому отряду прибыл Тага-Буга-богадур, а я, со своей стороны выслал на помощь моим воинам Биргучи-богадура. Оба отряда с такой отвагой бросились в бой, что все видевшие сражение не могли удержаться от удивления и одобрения. Во время боя был такой случай: со стороны неприятеля приблизился известный своей храбростью и физической силой Узбек и замахнулся, намереваясь ударить тяжелой палицей по голове Газа-Буган-богадура, но Газа-богадур сам схватил руки Узбека вместе с палицей, сложил их ему за спину и привел его в крепость, как птицу, которую держать за оба крыла. Бывшие свидетели этого случая говорили, что Газа-богадуром совершен был подвиг, напоминающий деяния древних богатырей Рустана и Исфандиара. Поэтому все неприятельские воины испугались и скрылись за ров, но и там их преследовали мои богадуры и прогнали их. Амир-Муса и Малик-богадур с испугу спрятались в садах. Тугуль-богадур, с двумя стали всадников напал на отряд моих богадуров и потеснил их. Заметив, что мои богадуры отступают, я приказал трубить все трубы и бросился к ним на помощь; увидя меня, оробевшие было богадуры снова вступили в бой и перебили много врагов между стенами. На Ильчи-Буга и Тугуль-богадура мои воины бросились с мечами через пролом в стене. Оба со своими отрядами бежали. В погоню за ними кинулись Амир Баграм и Маджур Хорасанский, но первый из них почему-то принял Маджура за моего врага и убил его.

Амир Муса, не зная что предпринять, послал на ворота Хызар отряд в пять тысяч человек. Четыре тысячи воинов, под личным предводительством амира Мусы, напали на меня. Я первоначально противопоставил нападающим лишь 100 всадников, но они не могли справиться со значительно сильнееим неприятелем; поэтому, чтобы помочь моему войску, я сам открыл стрельбу. Один из брошенных снарядов весьма удачно поразил самого амира Муса, который так испугался, что сейчас же бежал в свою сторону с семитысячным войском. Те же пять тысяч чело-

век, которые под предводительством Малик-богадура воевали у ворот Хызар с амиром Сайфуддином и амиром Сарыбуга, после нескольких нападаний моих богадуров, тоже бежали и Малик-Дауд их преследовал. Эти пять тысяч человек, спасшись бегством, присоединились к амиру Муса. Они до того перепугались, что оставили в степи Арзу-Малик-ага — дочь Баязид-Джалаира, жену амира Муса. Я обрадовал ее милостью и отослал к одной шейху.

Мы преследовали неприятеля до Кизыл-таг. После этого мы, с общего согласия, решили зимовать, и бухарские военачальники находили это выгодным; я возвратился в Кеш, так как город был обильно снабжен продовольствием и хорошо укреплен. В сторону Бухары я отправил отряд под предводительством Махсуд-Ша и приказал овладеть городом. Бежавшие от Карши войска амира Хусайна услышали, что амир Хусайн их проклял, устыдились и, выбрав себе предводителем амира Муса, в числе десяти тысяч человек, под начальством десяти амиров, двинулись, чтобы взять Бухару. Я послал против них бывшего в то время правителя Герата. Малик-Хусайна, который раньше испытал мое великодушие. Сам я, снисходя к настойчивым просьбам жителей области Мавераннагр, отправился туда. Я вместо себя оставил при войске старшего своего сына. Мухаммад-Джагангира, а регентом (аталыком) к нему назначил Мубарак-Ша.

Я загадал по Корану и мне открылся стих: «Кто уповает на Бога, тому Он доволство: Бог совершит свое дело». Я очень обрадовался. Переправившись через Амударью, я был в нерешительности, куда мне следует направиться: в Самарканд или Бухару. В это время пришло известие, что большая часть войска из отряда амира Муса сосредоточена близ Карши; поэтому я туда и направился. Быстро напал я на врагов, обратил их в бегство и взял в плен амиров Кайсара и Урдышаха и овладел богатой добычей, которую и разделил между своими воинами. Услышав об этом, Гинду-шах и амир Сулейман с пятью тысячами всадников бежали и стали собираться в заранее условленном месте, чтобы приготовиться к военным действиям. Я узнал об их приготовлениях и решился внезапно напасть на них. Все свое войско я разделил на семь частей. Шейх-

Али-богадура и амира Джагу я выслал на разведки, начальниками частей войска я назначил: Дауд Барласа, Сару-Джо-богадура, Хинду-Ша, Ильчи-богадура, Али-Яссури и Махмуд-Ша. В это время я получил известие, что враги, собравшись вместе, сами намерены сделать на меня нападение. Я сам тоже стал собирать свое войско и готовить его к бою в степи Кузы. Наконец, мы увидели издали приближавшееся к нам неприятельское войско. Заметив, что они идут несколькими отрядами, я приказал начать сражение передовым отрядам, которые находились на правом и левом флангах, и на поддержку им я выслал еще много войска. Сражение было кровопролитное и продолжалось с утра до вечера. Я сам, с несколькими богадурами, без страха бросился в бой. С помощью Божьей мне удалось рассеять моих врагов, как дым. Я взял многих в плен и овладеть большим количеством оружия. Я вознес к Богу благодарственную молитву за дарованную мне победу. Мое войско преследовало бежавших, и многие из врагов были захвачены в плен. В числе пленных между прочими оказался Альджай-Ту-Султан Толканский. Увидев меня, он сказал, что, из благодарности, он был предан амиру Хусайну и служил ему, а теперь он готов служить мне с такой же преданностью, если только я того пожелаю. «Если же ты не желаешь принять меня к себе на службу, добавил он, и находишь нужным казнить, то пусть так и будет». Я поспешил ободрить Альджай-Ту и хвалил его храбрость. Некоторые из моих военачальников советовали мне убить Альджай Ту, но я не согласился, а напротив, обласкал его и назначил начальником отдельной части, снабдив его грамотой. Он был в восторге от моего великодушия. Впоследствии этот Альдай-Ту оказал мне столько важных услуг, что и описать невозможно. Таким образом я прогнал войско амиру Хусайна.

Чакыр-богадур занял Самарканд; чтобы задержать его там, я выступил по направлению к Самарканду. Я написал письмо Чакыр-богадуре и приглашал его добровольно подчиниться мне. Я обещал ему в награду за преданность мне назначить его амиром, но Чакыр ответил мне, что он предан амиру Хусайну и считает его своим благодетелем. «Если я изменю амиру Хусайну, писал Чакыр, то кто же

мне после этого поверит?» Я не мог не похвалить такую преданность Чакыр-богадура своему повелителю. Я подошел к Самарканду, и оттуда вышел в войском Чакыр-богадур и вступил в бой с моими войсками.

С первого же удара мне удалось обратить в бегство войска неприятеля. Ак-Тимур преследовал их до ворот города и даже отнял у Чакыр-богадура его пояс. Возвратившись, я приостановился некоторое время на одном месте. Мне дали знать, что преданные амиру Хусайну люди приходили из области Киш, заняли Мачук, и сам он двигается сзади. Я собрал совет и обсудить со своими военачальниками план действий. Перейдя реку Ям, я в четвер перехода достиг Ходжента.

Амир Хусайн не любил двух своих военачальников, и оба они знали об этом. Это были Кай-Хисрау и Баграм-Джалаир, которые раньше бежали от меня и перешли на службу к амиру Хусайну. Оба они, зная нерасположение к ним амира Хусайна, прислали мне письмо, в котором сообщили мне, что обратившись к хану Чете, они получили от него в помощь семь тысяч всадников, с которыми и прибыли в Ташкент, чтобы служить мне и ожидают меня в Ташкенте. Я поспешил двинуться туда. Амир Кай-Хисрау устроил мне торжественную встречу и богатое угощение. Я прожил в Ташкенте целый месяц. Амир Кай-Хисрау был женат на дочери амира Туклук-Тимура и у него была дочь, которую я сговорил за своего сына, Мухаммад Джагангира. Амиру Баграму я дал высокое назначение. В это время до меня дошли сведения, что амир Хусайн остановился в Гираке и Яйлаке.

Описание пятой битвы с амиром Хусайном

Я узнал из достоверных источников, что амир Хусайн разрешил двенадцатитысячному войску напасть на меня, и немедленно выслал вперед Малик-богадура с тремя тысячами всадников. Я прибыл с войском в Джаган-шах и рассеял в разные стороны направленное против меня войско. Все добытое во время сражения неприятельское имущество и оружие я разделил между своими воинами. Кай-Хисрау вскоре тоже присоединился ко мне.

С общего согласия, мы остановились в местности Варака и оттуда тремя отрядами двинулись дальше. Чтобы устроить врага, мы распустили слух, что пришли монголы и распустили монгольское знамя. Так мы догнали Малик-богадура. Увидя монгольское знамя, войска Малик-богадура в страхе бежали и присоединились к амиру Хусайну. Оставшись таким образом победителем, я отправился в местность Рабат-Малик. Там амир Кай-Хисрау торжественно встретил меня и поздравил с победой.

Мы было расположились на отдых, предполагая достойным образом отпраздновать успех нашего оружия, но вскоре пришла весть, что, по слухам, амир Хусайн, устыдившись, приближается ко мне. Я тоже двинулся к нему навстречу в местность Барсын. Был сильный холод и выпало много снега; я узнал, что амир Хусайн возвратился назад, поэтому и я возвратился и провел зиму в Ташкенте.

Наступило лето; посоветовавшись со своими приближенными, я решил послать хану Чете богатые подарки и просить у него помощи. Хан прислал мне десять тысяч человек конницы.

До сведения амира дошло, что ко мне прибыло подкрепление. Он написал мне письмо, в котором снова клялся Кораном, что не предпримет впредь против меня ничего и просит с ним помириться. Муллы из Ташкента, Андижана и Ходжента принесли ко мне и Коран, на котором амир Хусайн клялся искренно примириться со мной. Они, со своей стороны, просили меня не отвергать склонного к примирению амира Хусайна и помириться с ним.

Я подробно рассказал муллам все, что было раньше между мной и амиром Хусайном, ссылаясь на то, что амир Хусайн изменил уже однажды данной им клятве на Коране. Тогда муллы дали совет: не предвещая вопроса о примирении, самим погадать об этом по Корану и поступить сообразно тому, что откроется. Вышло, что примириться следует; я согласился и двинулся по направлению к Самарканду со всеми амирами, чтобы увидиться там с амиром Хусайном.

Чтобы убедиться, насколько искренно желает амир Хусайн со мной примириться, я послал к нему амиру Муса, а

сам отправился в крепость шадман. Турак-Ша явился ко мне и доложил, что амир Хусайн очень рад, что я ушел в Шадман и снова передал мне от имени амира Хусайна просьбу примириться с ним. Я ответил, что я послал уже Аббас-богадура и просил передать от меня амиру Хусайну, что я прошу его вместе с этим богадуром прити к священному мазару Али-ата. Я, со своей стороны, обещал придти туда же, и там торжественно мы примиримся с амиром Хусайном.

Амир Муса и Альджай-ту, придя к амиру Хусайну, передали ему мое приглашение и привели амира Хусайна, в сопровождении сотни всадников, к указанному мною кладбищу. Я подъехал к кладбищу с пятьюдесятью всадниками, и мы встретились.

Амир Хусайн, обращаясь ко мне, сказал: «Забудем старую вражду». — «Пусть не будет впредь между нами таких отношений, какие были раньше», — ответил я амиру Хусайну.

После этого я дал торжественное обещание, что я не преступило нашего мирного договора до тех пор, пока амир Хусайн не изменит своей клятве, данной на Коране. То же самое обещался в точности исполнить по отношению ко мне и амир Хусайн.

После примирения мы оба сели на лошадей и разъехались в разные стороны: амир Хусайн и разъехались в разные стороны: амир Хусайн отправился в Сали-сарай, а я прибыл в Кеш и там отдохнул. Сыну своему, Мухаммад-Джагангиру, я написал письмо, чтобы он из Мерва явился ко мне с войском и оружием.

В это время я получил от амира Хусайна письмо, в котором он сообщал мне, что бадакшанские правители возмутились и что он отправился их усмирять. Я ответил амиру хусайну, что желаю ему счастливого пути.

В то время, когда я расположился на отдых вокруг Кеша, я получил известие, что Малик-Хусайн, правитель Герата, грабит жителей владений амира Хусайна. Я сейчас же двинулся туда с войском, перешел реку Термед, отнял у Малик-Хусайна все награбленное им и возвратил по принадлежности подданным амира Хусайна. Сам же я, чтобы помочь амиру Хусайну, отправился к столице Бадакшана.

* * *

Закончив на этом эпизоде автобиографию амира Тимура, переводчик с персидского Наби-джан-Хатыф не преминул по восточному обычаю украсить свой труд небольшим заключением следующего содержания:

С помощью Божьей я окончил эту книгу. Бог прощает всем людям их прегрешения, поэтому и я прошу благосклонных читателей не ставить мне в вину сделанные мною промахи в словах тюркского и уйгурского наречий и не сердиться на меня за эти невольные ошибки.

В 1251 году¹ я написал эту книгу, придерживаясь в точности того, что было написано со слов самого «сахибуль-кыран»² Тимура. Я остановился на описании примирения Тимура с Хусайном, во-первых, потому что на этом оканчивалась и персидская рукопись, с которой я переводил, а, во-вторых, и потому, что «мир лучше войны». Согласно этого изречения я и закончил свой труд описанием примирения, чтобы в конце было хорошее.

Все, что я сделал, достойно порицания,

Но мне и этот стыд — заслуга.

Я молю Бога послать мне хороший конец.

Да простит Он мне грехи мои и милостиво наградит меня!

Поэтому не вини неразумного, чтобы не заслужить самому осуждения.

Каждому суждено самому сознать свои ошибки».

Окончено с радостью в 1252 году.

4 Декабря 1892 г.

*Печатается по изданию: Автобиография
Тамерлана. Ташкент, 1894*

¹ 1835 г. христианского летосчисления.

² Рожденный под счастливым сочетанием планет — титул, данный в первый раз Тимуру.

В. ГАТЦУК

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ

I

Так именуется в наших летописях конца четырнадцатого века монгольский властитель Тамерлан (правильнее Тимур-ленг), ворвавшийся в 1395 году с юго-востока в пределы Руси и разгромивший пограничный тогда ее город Елец. Он гнался со своими полчищами за ханом Золотой Орды — Тохтамышем, которого перед тем разбил наголову где-то вблизи устьев Терека на северном Кавказе. Повидимому, не догнал и вернулся назад, к низовьям Волги.

Только Московская Русь и видела этого «счастливого завоевателя» («сахиб-и-крани» называли его по-арабски современники), сумевшего стать владыкой всей Средней Азии, Закавказья, Персии и Индии до Ганга...

Но от татар-золотоордынцев, не раз уже испытывавших тяжесть тимуровой руки, а также от беглецов из единоверной Грузии, которую перед тем Тимур дважды предал огню и мечу, русские люди, конечно, слышали немало страшного о непобедимом владыке «бесчисленных народов и беспредельных земель, что по ту сторону Хвалынского (Каспийского) моря», и упомянули о нем в своих летописях под грозным именем «Железного Хромца»... Тимур, Темир, или Дымр, на разных языках монгольского корня значит «железо», а ленг — «хромой».

Почти четыреста миллионов людей, исповедующих мусульманство (двадцать миллионов из них — наши соотечественники) почитают Тимура одним из величайших героев-завоевателей и правителей минувших веков, сопоставляя его, а подчас и смешивая в своих преданиях и сказаниях с Искендером Зюльгарнейном (Александром Македонским), которого, — надо заметить, — мусульмане ставят едва ли не на первое место среди людей после Магомета и других

пророков, ими признаваемых... Что касается до европейских ученых-историков, то, не решаясь прямо приобщить полудикаря азиата Тимура к числу «великих людей», они единогласно признают, что деятельность его «оставила чрезвычайно глубокий след на почве всемирной истории».

Особенно глубок этот след в исторической жизни России.

Тимур — уроженец теперешней Самаркандской области, и наибольшая часть его деятельности отразилась на тех местностях и племенах, которые входят в состав наших Среднеазиатских и Закавказских владений и их населения.

Особо же важно для нас при оценке Тимура следующее: ему Русь в значительной мере обязана тем, что тяжелое татарское иго ей удалось сбросить с себя в конце XV века, — через 75 лет по смерти Тимура, — а не гораздо, быть может, позже. Трижды жестоко разгромив Золотую Орду, державшую тогда Московскую Русь под своей властью, Тимур надолго и глубоко обессилил ее, чем русские великие князья — от Дмитрия Ивановича Донского до Ивана III — сумели воспользоваться.

По уму, энергии, силе воли Тимур показал себя человеком исключительным; но он жил в жестокое по нравам средневековье, он весь принадлежал своей эпохе, более того, — он был азиат-монгол, полу-кочевник, полу-дикарь, поэтому даже крайне низкая мерка тогдашних европейцев в отношении духовном — ему далеко не по плечу. О христианстве, так много способствовавшем смягчению нравов, он не знал почти ничего; считал его враждебным мусульманству, которое он исповедовал... Он был непросвещен, — и ставить ему это в вину было бы несправедливо.

II

История отмечает три главнейших движения племен желтой расы с востока на запад. Первое, — в IV веке по Рождестве Христове, так называемое нашествие гуннов, — не оставило после себя особо заметных и прочных следов на почве истории Европы и западной Азии. Разбитые при Каталауне монголо-гунны быстро отхлынули вновь к востоку и скрылись в неведомой тогда Центральной Азии.

Прошло после этого семь веков, в течение которых это стремление монгольских племен на запад, очевидно, не успокоилось, не остыло, и собирательная мысль народов обнаружилась, претворившись в мысль и волю одного, особенно одаренного человека-вождя.

Таким явился Темучин, более известный под именем Чингиз-хана. Монгол из мелкого княжеского рода, он в 1206 году объединил под своей властью всю Монголию, затем завоевал Китай, и в 1216 году утвердился в Средней Азии. Отсюда через Персию и Кавказ полчища монголов-татар проникли на Русь, которая и приняла на себя всю их разрушительно-страшную силу. В 1224 году соединенное ополчение южно-русских князей было разгромлено при реке Калке, и монгольская волна разлилась по южной Руси. Несколько ранее этого, орды монголов-турок (горцев Центральной Азии) проникли в малоазиатские владения Византии и захватили их.

Средняя, московская, Русь была покорена татарами уже после смерти Чингиз-хана (умер в 1227 году). Один из его военачальников, Батый, напал на нее в 1238 году с востока, двигаясь вдоль Волги. На реке Сити, недалеко от теперешнего Рыбинска, погибло соединенное русское войско, затем были разорены и выжжены Владимир, Москва и другие города... К 1243 г. вся Русь уже подпала под иго монголов.

Вскоре после смерти Чингиз-хана его огромное царство стало распадаться на отдельные части, самостоятельными владыками которых (ханами) были сыновья и внуки завоеватели, так называемые Чингизиды. Таких частей в первое время появилось четыре: 1) Персия с восточной Индией, где утвердилась династия чингизханова сына Тулии, 2) Монголия, Манчжурия и северный Китай, находившиеся под властью династии Чингизиды Октая, 3) теперешние среднеазиатские владения России, принадлежавшие династии Чингизиды Джагатай, от которого эта область и получила у европейцев название Джагатайского царства, и 4) Великая Татария, или Кыпчак, включавшая в себя всю западную Сибирь, юг и восток Европейской России; Кыпчаком владели Чингизиды, ханы Золотой Орды из ди-

настии сына Чингиз-хана Джучи; центр ее, — где жили, кочуя, ее ханы, — был на нижнем течении Волги, примерно между Царицыным (Сары-сын по-татарски «желтые пески»), Царевым (Сарай — «дворец» или «столица») и Астраханью (Астар-ханэ — «дом звезды»).

Начало второго столетия по смерти Чингиза, совпавшее со временем рождения Тимура (род. В 1336 году), застало чингизово царство в состоянии дальнейшего распада. Одни из Чингизидов наследовали предприимчивый и беспокойный характер своего предка, но без его ума и чуткости; другие всецело погрузились в потехи и удовольствия. Начальники отдельных областей и потомки их прежних, немонгольских, князей, пользуясь слабостью воли одних ханов и умственной неуравновешенностью других, стали делать попытки к образованию, под своей властью, самостоятельных политических единиц... Закипели междоусобные войны, настало безначалие, так как на один престол являлось несколько претендентов...

Третий порыв монголо-татарского племени на запад связан со временем жизни Тимура-ленга.

III

Тимур, прозванный впоследствии «Хромым», был сын незначительного князька Тарагая, служившего «офицером» (эмиром) в войске Казана, двадцать первого хана Джагатайского царства из династии Чингизидов... Из того обстоятельства, что в течение ста десяти лет, протекших со смерти Чингиз-хана на престоле Джагатая сменилось двадцать ханов, можно понять, какое бурное время переживала тогда Средняя Азия...

Родился Тимур в городе Кеше, недалеко от Самарканда, 7 мая 1336 г.

О детстве его и ранней юности сколько-нибудь достоверных сведений не сохранилось; он выступил на историческое поприще на двадцать пятом году жизни. К этому времени, к 1360 году, родина Тимура, Джагатай, после убийства четырех ее ханов, одного за другим, — подпала под власть другой ветви Чингизидов, владевшей Монголией, и Тимур является в Джагатае чем-то вроде наместника

Туглука, хана Монголистанского. Когда затем Туглук прислал в Джагатай своего сына Ильяса-ходжу в качестве своего действительного заместителя, Тимур изменил ему и перешел на сторону князя Гусейна, родственника бывших джагатайских ханов, пытавшегося отбить страну у Туглука Монголистанского. Соединившись, Тимур и Гусейн, через несколько лет и после многих кровопролитных битв, изгнали из Джагатай Ильяса-ходжу (отец его Туглук к тому времени уже умер). В одной из битв этого времени Тимур был ранен в правую руку и правую ногу настолько тяжело, что и рука и нога его остались парализованными навсегда. Отсюда его прозвище — «Хромой»... Затем, как водится, последовала ссора между двумя совладельцами Джагатай, Тимуром и Гусейном; за ссорой — война, и в 1370 году Гусейн, осажденный войсками Тимура в городе Балхе, был убит.

Так на тридцать пятом году своей жизни Тимур стал единовластным повелителем Джагатайского царства. Однако, память о великом Чингиз-хане была еще свежа в Средней Азии, и, очевидно, только за Чингизидами считалось законное право на титул верховных владык, ханов, потому что Тимур, «воссев на трон, опоясавшись ханским поясом и возложив себе на голову ханскую шапку, — как говорит его историк и современник Шерефэддин-Али, — тем не менее, не назвал и никогда не называл себя ханом, а всегда придавал этот титул какому-нибудь князю-Чингизиду, которого содержал при себе и наместником которого именовался». В сохранившихся письменных памятниках того времени Тимур титуловался «беком» (т. е. князем), или к имени его присоединялось почетное прозвище «сахиб-и-крани», т. е., «счастливый завоеватель», либо, наконец, его называли «гуруган», т. е., «царский зять», так как одна из его жен (именно, родная сестра бывшего его соправителя Гусейна) была из рода Чингизидов.

IV

Первые шесть лет единовластного правления Тимура прошли в упорядочении внутреннего управления страной и в успешной для него борьбе с поместными князьями,

пытавшимися стать самостоятельными. Он покорил Джет (область на правом берегу Сырдарьи), Хиву, называвшуюся тогда Хоразмом, Бухару, вновь совершил поход в отложившийся было вторично Джет... И в 1375 году, возвращаясь из этого похода, встретился с Тохтамышем, потомком Чингиз-хана, ханом Великой Татарии (Кыпчака). «Тохтамыш, — говорит историк Шерифэддин, — просил у Тимура помощи против князя Уруса, который завладел его престолом, а самого его, Тохтамыша, выгнал из пределов Золотой Орды». Тимур согласился, и в следующем 1376 году, совершив поход на низовье Волги, в центр Золотой Орды, утвердил Тохтамыша на прародительском престоле.

Урус по-татарски значит «русский». Ни в наших летописях, ни в мусульманских хрониках ровно ничего не говорится, кроме сказанного Шерифэдином, об русском хане Золотой Орды. Возможно предположить, что «Урус-бег» — это просто какой-нибудь татарин-князь, бывший перед тем на Руси наместником золотоордынского хана и потому получивший название «русского князя»; но несомненно, что перед этим временем в Золотой Орде были сильные междоусобия и волнения, которыми пользовались князья Руси, чтобы, если не совсем сбросить с себя, то хотя бы облегчить давившее их татарское иго.

Вернувши себе престол и несколько оглядевшись, хан Тохтамыш не замедлил, как известно, послать на Русь своего полководца Мамай для ее наказания. Экспедиция не удалась: войско Мамай было разбито 8 сентября 1380 года на Куликовом поле соединенным ополчением русских князей. Но Золотая Орда была еще очень сильна в то время, и через два года после Куликовской битвы, в 1382 году, когда сам хан Тохтамыш со своими главными силами вторгся в пределы Московской Руси, — он почти без труда и потерь разгромил ее так, как ей не приходилось страдать со времен Батые, то есть целые полтора столетия. И великий князь Дмитрий Иванович, прозванный Донским, вынужден был просить пощады у победителя и вновь покориться ордынцу. Для своего освобождения Руси пришлось ждать, когда Золотая Орда ослабеет. И Русь скоро этого дождалась: помог ей, — сам того, разумеется, не ведая и отнюдь не желая, — Тимур.

Неизвестно, считал ли себя Тохтамыш-хан чем-нибудь обиженным со стороны Тимура, или легко давшийся ему поход на Русь возбудил в нем воинственный задор и зависть к тимуровым успехам (между 1380 и 1386 годами этот последний завоевал всю Персию до Месопотамии, Армению, Грузию, кабул, Герат, Афганистан и Белуджистан), только в 1387 году Тохтамыш напал на своего недавнего благодетеля. Тимур наголову разбил его где-то близ северного берега Аральского моря. Там, как рассказывает другой описатель жизни Тимура, Ахмед Арабшах, — легко костью все двухсоттысячное войско Тохтамыша, и сам он едва успел убежать в приволжские степи. Впрочем, победитель на этот раз его не преследовал, торопясь вторичным походом в неуспокоившуюся еще Персию... После недавних тяжелых потерь на Куликовом поле, эта новая огромная убыль воинов была, конечно, весьма чувствительна Золотой Орде.

Но Тохтамыш не унялся: через два года опять напал на владения Тимура, и вновь был разбит (в 1389 году). Тогда Тимур, по-видимому, решил покончить с этим назойливым врагом: в 1390 году им был предпринят большой поход вглубь Кыпчака с огромными силами. Историк Шерифэддин рассказывает, что, гоняясь за врагом, войска Тимура доходили тогда (идя, вероятно, вдоль Уральского хребта) до северных пределов Великой Татарии, где «день летом длится непрерывно полтора месяца»... Но решительная битва произошла в июне 1391 года где-то на юге, вероятно, в степях теперешнего Предкавказья, потому что еще раз наголову разбитый Тохтамыш скрылся с ничтожными остатками своего войска в Кавказских горах. Победитель отвел свою армию к берегам Волги, и здесь в сердце вражеских владений, отдыхал некоторое время, проводя его в пирах и всяких удовольствиях, которые Шерифэддин описывает яркими красками. Этот второй разгром Золотой Орды был, по-видимому, жесток, — три года о Тохтамыше не было слуха.

На четвертый год он однако объявился и вновь чем-то возбудил месть Тимура. На этот раз последний, разбивши его 22 апреля 1395 года, — как мы уже говорили внача-

ле, — близ устьев Терека, погнался за ним вглубь Кыпчака, причем доходил до тогдашнего рязанского княжества, где сжег город Елец. Отсюда Тимур пошел назад, на нижнее течение Волги, истребил здесь, сколько мог найти, золотоордынцев, забрал у них все, какое нашлось имущество (главным образом, как у кочевников, — рогатый скот и лошадей), и с несчетными толпами пленных вернулся по западному берегу Каспийского моря и через Закавказье в свою столицу Самарканд. Золотая Орда была теперь до крайности обессилена. Тохтамыш исчез бесследно, на его место Тимур посадил другого хана из Чингизидов же... К этому времени относится также поход тимуровых военачальников с частью его полчищ в Крым, Бессарабию и Венгрию и заселение Крыма татарами, на место попеременно владевших им греков и генуэзцев.

В крайне сжатом очерке жизни Тимура-ленга мы сочли необходимым несколько подробнее сказать о его столкновениях с Золотой Ордой, потому что именно эти войны имели огромное значение в истории нашего отечества.

V

Глубокие следы оставило время Тимура и на почве истории русского Кавказа. Кавказ был для Тимура проходной дорогой, опорным пунктом в его походах на запад, на юго-запад и частью на север. Впервые он попал в Закавказье после завоевания Персии, в 1386 году, идучи домой из только что разгромленного им Азербайджана. Три года перед тем он со своими полчищами опустошал персидские провинции, причем им было перебито несчетное множество туземцев, — его единоверцев, мусульман-шиитов. При Тимуре всегда находился его любимый друг и советник, имам (духовное лицо) Береке, который некогда предсказал ему восшествие на престол. Этот имам Береке, — как говорят мусульманские историки, — и надоумил тут Тимура «загладить грех убийства единоверцев священной войной с неверными», — благо христианская Грузия оказалась под рукой. Тимур свернул с дороги и предал несчастную Иверию огню и мечом. Природа этой страны ему понравилась; под предлогом непрямого обращения в

веру пророка Магомета, он еще семь раз в течение последующих тринадцати лет исходил ее вдоль и поперек и по долгу проживал в ней, всякий раз внося в нее жестокий разгром и опустошение, — в 1390, 1394, 1396, 1399—1400, 1401, 1402 и 1403—1404 годах... И эти полтора десятка лет были, кажется, самым страшным временем во всей долгой и многострадальной жизни грузинских (иверских) царств и Армении. Грузинские летописцы с великой скорбью удостоверяют, что после Тимура на их родине осталась в живых едва лишь пятая часть ее прежнего населения.

Из других последствий походов Тимура в Грузию надо отметить, во-первых, заселение всей восточной половины Закавказья татарами и отатаренными персами, которых Тимур вывел из-за Каспия и главным образом из персидской области Азербайджана, а также — широкое распространение мусульманской религии среди разных племен, населяющих Кавказский край.

VI

Но и борьба с Тохтамышем, и разгромы Закавказья, и походы на запад до Венгрии были, в сущности, второстепенными эпизодами в жизни Тимура-ленга. Все это вошло в ее течение как случайное, в крайнем случае — лишь как привходящее. Главные цели и главные арены его завоевательной деятельности были южнее... Здесь с Джагатаем, владыкой которого прежде всего стал Тимур, граничила Персия, страна древней, высокой культуры, полная, — по мнению дикарей-монголов, — таинственных сокровищ. В свое время Чингиз-хан ее завоевал, и царями-шахами ее считались его потомки. Но ко времени Тимура она была раздроблена на бесчисленное множество мелких, самостоятельных областей, властители которых непрерывно воевали между собой. Тимур задался целью объединить все древнее Персидское царство под своей властью и приступил к этому, как только управился с делами в своем Джагатае. С 1380 года в течение одиннадцати лет он совершил в Персию шесть больших походов, исколесив неоднократно все страну от Месопотамии на западе до Индии на востоке и от своего Джагатая на севере до Персидского моря

и залива на юге. К 1391 году страшно опустошенная Персия была уже вполне в его власти, и он поставил править ею своих сыновей, мирз (царевичей) Омра и Мирана.

В 1393 и 1394 годах Тимур подчинил себе Месопотамию (Ирак-Араби) и разграбил богатства ее столицы, Багдада. Мусульманские (арабские) жизнеописатели Тимура с особенной похвалой и большими подробностями повествуют о разгромах им городов и о повальных казнях, которым он тысячами предавал попавших в его руки горожан...

Жестокое было время, жестокие нравы!.. И, надо заметить, — не только дикари монголы были тогда беспощадны к взятым в плен врагам; не блистали человеколюбием и христиане-европейцы: в 1396 году, например, французы, бывшие под начальством императора Восточной Империи Сигизмунда¹, перерезали несколько тысяч пленных турок перед битвой с турецким султаном Баязетом.

VII

Покончив с завоеванием Персии и вернувшись затем, в 1395 году, из похода в пределы Руси, Тимур около трех лет провел в своей столице Самарканде. Из Персии и Месопотамии им и его войсками были вывезены огромные богатства. В числе пленных Тимур пригнал в Самарканд множество ремесленников и искусных мастеров по строительной части, которыми славилась Персия и особенно Багдад. Руками этих искусников, по приказанию Тимура, было выстроено тогда в Самарканде много великолепных общественных зданий, превосходно украшенных изразцами, резьбой по камню и живописью. И работы по украшению города продолжались до самой смерти Тимура. Некоторые из построек той поры сохранились до сих пор.

¹ Автор допустил неточность. Восточной называли Византийскую империю, а Сигизмунд Люксембургский являлся императором Священной Римской империи германской нации, в состав которой входили, помимо Германии, Чехия (королем которой тоже был Сигизмунд), нынешние Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Швейцария, северная Италия (последние две — чисто формально), а также ряд территорий, ныне входящих в состав Франции: Прованс, Франш-Конте, Лотарингия, Артуа, Фландрия (*прим. ред.*).

Глубокий мир царил в Джагатае. Но кипучий характер Тимура не мог удовлетвориться этим. Из соседних стран богатая Индия была еще вне власти Тимура, и в 1398 году он, под предлогом обращения язычников-индийцев в ислам, выступил в дальний поход туда. От берегов Инда до самого Ганга прошли татары, оставляя повсюду кровавые следы своего фанатизма. Был взят Дели, столица Индостана, и подвергся всем ужасам грабежа, в продолжение трех дней. Довольный истреблением идолопоклонников и подвигами в священной войне, Тимур в мае 1399 года возвратился в Самарканд с несчетными сокровищами, приведя с собой, как утверждают его жизнеописатели, до миллиона пленных, а в сентябре того же года предпринял уже новый поход, продолжавшийся непрерывно пять лет.

VIII

Далеко выдвинувшейся в сторону Европы Малой Азией, вместе с Анатолией на востоке и Сирией с Палестиной на юге, владели в то время турки-сельджуки — племя, близко родственное монголам-татарам. Горцы-турки передвинулись туда из центральной Азии незадолго до движения на запад степняков-татар с Чингиз-ханом, и во время Тимура завоевывали одну за другой провинции Византии, захватывая в то же время острова Архипелага. Их султаном был в ту пору Баязет, по прозванию «Ильдрим», то есть «Громовержец».

Вторжение Тимура в месопотамию и взятие им, в 1394 году Багдада, Баязет принял за нарушение своих интересов, так как считал эту область своей. И в отместку, когда Тимур воевал в Индии, послал корпус турецких войск в подвластный последнему Азербайджан, который те и разгромили... Конечно, Тимур по характеру своему не мог оставить такого вызова без отмщения. Но столкнуться, — он это знал, — предстояло на этот раз с очень опасным врагом: сильные численностью турецкие войска были закалены в победоносных войнах с европейцами и переняли многое из их тактики и вооружения; при том же на службе Баязета были целые корпуса европейцев-наемников с новым тогда огнестрельным оружием... Поэтому Ти-

мур пробыл до весны 1400 года в Грузии, собирая войска и устраивая их, и только затем, с 800-тысячными силами, вторгся в пределы Анатолии, пограничной с Грузией турецкой области. Ее он опустошил, разграбил ее столицу Себастию и перешел в Сирию, где взял богатейшие города Алеппо и Дамаск, — последний он сжег дотла... Потом, обходом на север, перешел к восставшему против него Багдаду и, уничтожив его, с торжеством и огромной добычей вернулся осенью 1401 г. в Грузию, пробывши на этот раз в турецких владениях полтора года.

Баязет Ильдери́м не выступил тогда против Тимура для решительного боя. Он был занят осадой Константинополя, участь которого, а с ним и все Византии, висела, как говорится, на волоске... Сохранилась переписка того времени между Тимуром и Баязетом. Из этих писем, — в которых, кстати, монгольские монархи перемешивают утонченнейшую восточную вежливость, доходящую о лъстивости, с самыми отборными ругательствами и дикими угрозами друг другу, — видно, что Баязету очень хотелось, чтобы татарский владыка отвязался, хоть на время, от него и дал бы ему добраться до византийцев но это, очевидно, не входило в намерения сильно раздраженного против него Тимура.

Весной 1402 года он вновь вторгся из Грузии во владения турок и с почти миллионной армией двинулся вдоль Малой Азии к западному краю ее. В области Ангоре, близ города Анкиры произошла 16 июня 1402 г. знаменитая в истории Анирская битва между двумя величайшими монархами Азии. Баязет, как известно, был разбит наголову и, попав в плен к Тимуру, умер после нескольких месяцев душевных и телесных страданий... Свидетелями-очевидцами великого Анкирского боя были многие европейцы, — между прочим, послы Кастильского короля Генриха, отправленные им к Тимуру с богатыми подарками; из дошедших до нас записок этих европейцев видно, что войска Тимура в это время вовсе не представляли из себя, как можно бы думать, диких орд, внезапно налетающих на врага и так же быстро дающих тыл при отпоре. Гениальный полководец сумел дисциплинировать своих монгольских воинов: они

шли в бой стройными полками, однообразно одетыми и хорошо вооруженными, и бились крепко, презирая раны и смерть. При войске были благоустроенные обозы продовольствия и много искусных военных инженеров.

Ненавидевшая и боявшаяся турок Европа возлагала большие надежды на результат Анкирского боя, но надежда эта оправдалась лишь в самой малой степени. Тимур, правда, прошел к западу до самой Бруссы, где захватил богатства и семью пленного Баязета, ограбил, насколько мог, Малую Азию; но, не дойдя всего 2—3 дневных переходов до Босфора, где сосредоточились остатки турецких войск под предводительством нового султана, повернул назад и отвел свои войска на отдых в столь любимую и столь жестоко и многократно опустошенную им Грузию. Здесь он отдыхал весь 1403 год... Оставленные им в покое турки мало-помалу оправились; разгром их Тимуров при Анкире лишь отсрочил на пятьдесят лет падение Византии.

IX

В середине 1404 года Тимур, после почти пятилетнего отсутствия, вернулся, наконец, в свой стольный город Самарканд, который и без него отстраивался и великолепно украшался руками пленных мастеров, выведенных им из Персии, Месопотамии, Индии и Дамаска. В многочисленных медресе (высших школах), выстроенных по повелению Тимура, лучшие ученые Востока (тоже приведенные в качестве пленников) преподавали науки, входящие в круг знаний, желательных для высокообразованного мусульманина. Ставший богатейшим торговым городом Азии Самарканд имел в то время, — как говорят, — свыше 200 тысяч жителей.

Тимуру исполнилось уже 68 лет, и казалось бы, что подвигами в Малой Азии он мог считать труды своей жизни завершенными. Монеты всей Азии и Египта (признавшего себя данником Тимура) чеканились с его именем; в мечетях всего мусульманского мира совершались молитвы за его здоровье и успехи... Но энергия и честолюбие Тимура не знали пределов, — вне его власти оставался еще отдаленный Чин-Мачин (Китай), и он задумал его завоева-

ние «ради насаждения там правой веры», — как он объявил свои военачальникам. — «В конце жизни надлежит нам очиститься кровью неверных, ибо, по словам пророка, священная война искупает все грехи»...

Выступил он в этот поход, не дождавшись даже весны, — 28 декабря 1404 года. Перешел через Яскарт (Сырдарью), достиг границы Китая и здесь, внезапно заболев, — умер 19 марта 1405 года. Пробыв на престоле без малого 35 лет, из которых не менее тридцати провел в трудных и опасных походах.

Х

Обойдем осторожно те озера крови, которые были пролиты по воле Тимура или, помимо его воли, его воинами... Тимур, повторяем, был в нравственном отношении истый сын своего жестокого, беспощадного к врагам, века «Милости к падшим» тогда не знали, в особенности люди его племени; более того, милосердие, человеколюбие на войне, — а вся жизнь Тимура прошла в войнах, — считались признаками душевной слабости, недостойной правителя, позорящей его и осуществляемую им идею власти. «Чем больше власть, чем шире пределы ее, — тем глубже в крови человеческой ступает ее представитель», — утверждали средневековые люди. А кто же в те времена на земле обладал большей властью, чем Тимур-ленг, неограниченный повелитель всей Азии?.. Повальная жестокость погребена вместе со своим временем, — посмотрим в Тимуре общечеловеческое.

Тимур не был человеком кровожадным исключительно, — этого не решается утверждать даже его злейший враг, Арабшах, приписывающий ему множество и таких дурных черт и действий, которые другими историками отрицаются. При опустошении взятых штурмом городов, — тогда, вообще, было в обычае отдавать взятые города войску на «поток и разграбление», — Тимур строго приказывал щадить жизнь ученых, художников, искусных мастеров, а также лиц духовных, особенно же сейдов (потомков Магомета), хотя бы они принадлежали к числу его заклятых врагов. Тимур надеялся, что своими знаниями и бла-

гочестием они могут принести впоследствии пользу ему и его народу, и ради этого побеждал в себе чувство мести. Что он ценил дружбу и мог быть преданным другом, — это, между прочим, доказывает его отношение к упомянутому уже нами имаму Береке, неразлучно с которым до его смерти он прожил большую часть своего долгого правления и в могилу которого даже приказал опустить свое тело. А каким искренно любящим отцом, дедом, мужем умел быть Тимур, — можно видеть чуть ли не на каждой странице его жизнеописаний. В горести об умерших сыновьях или внуках он забывал и свои честолюбивые планы и насущные дела и личные свои потребности. Эту черту в нем высоко ценит и сам Арабшах.

Он провел почти всю жизнь свою среди военных опасностей и тяжелых трудов, в боевой обстановке... Чего ради? — спросят, быть может. — Ведь в его власти было жить в покое и наслаждениях... Да, он был честолюбив; честь, которую доставляют человеку его энергия, ум, проницательность, сила воли, — он ценил выше всего на свете и стремился обладать ею в самой высшей мере. Выше чести, как стать властителем всей известной ему земли, он не знал, и этого всемерно домогался. «Это было, по его мнению, единственным способом сделать людей счастливыми. И зрелище раздоров, которые терзали Азию, плачевное положение народов, притесняемых бесчисленными мелкими тиранами, укрепляли его в этой идее», — говорит историк его Шерифэддин.

Об его исключительном уме, проницательности и чуткости, энергии и силе воли говорит лучше слов история его жизни. «Бич своих врагов. Идол своих солдат, отец своих народов», — называют Тимура его жизнеописатели.

В его полудиком, все же, сердце крепко держалось какое-то мистическое уважение к науке. Сам совершенно необразованный, он находил величайшим удовольствием слушать споры ученых людей, которых высоко чтит и щедро вознаграждал в своем Самарканде, хотя многие из них были его пленниками.

Насколько искренно был религиозен Тимур, — разумеется, трудно сказать. Но обряды ислама по шиитскому

толку он исполнял в точности и, в большинстве случаев, свои войны объяснял желанием распространить веру Магомета и искоренить еретиков-неверных, — что повелевается Кораном. Нападение на турок, мусульман-суннитов, не чтущих святых имамов шиитского толка, Гусейна и Гассана, было вполне естественно и даже похвально с точки зрения фанатичных шиитов, подданных Тимура.

* * *

В связи с действительно героической, полной подвигов и удачи, деятельностью Тимура-ленга эта внешняя его религиозность создала ему впоследствии между мусульманами неувядающую славу «великого борца за веру». До сих пор Тимур — любимейший легендарный герой непосредственного литературного творчества народов, исповедующих ислам, особенно по шиитскому его толку, который распространен в нашем Закавказье, в Персии, в Закаспийском крае и в Индии. Сказаний о Тимуре (Темире или Дымре) ходит среди этих народов бесчисленное множество, причем подвиги Искандера Зюльгарнейна, Рустема с Зорабом и других древнейших героев охотно приписываются излюбленному «шаху-пэхлевану» (царю-богатырю) Дымуру. В следующей главе мы дадим, — в последовательном по времени своде, — наиболее любимые и распространенные среди закавказских татар рассказы о Тимуре-ленге, сахиб-и-крани.

*Печатается по изданию:
В. Гатицук. Железный хромец. М., 1914*

ТЕМИР ХРОМОЙ

(Свод татарских преданий о Темир-Лэнге)

Раз, ехал шах большой дорогой. Впереди шаха тысяча всадников, все на лихих конях, все в шелковых кафтанах, все с серебряным оружием, — его телохранители. Позади шаха тысяча всадников, все на конях еще лучше, все в парчовых одеждах, с золотым оружием, — его визьяри-назиры¹. А посреди их сам шах, печальный и задумчивый, хоть весь он с головы до ног осыпан бесценными, самоцветными камнями...

Сегодня утром, когда брил цирюльник голову шаху, поглядел шах на себя в зеркало, — и грустно ему стало: половины бороды седая, а сына нет! Кому после него его царство достанется? Для кого он его берег, хлопотал о славе его и могуществе?..

Ехал так шах, печально задумавшись, вдруг, впереди трубы затрубили, стража закричала... — «Женщина какая-то лежит посреди дороги»...

Шах ударил коня плетью, проскакал вперед и видит: лежит женщина — мертвая, а у ее груди — ребенок, мальчик маленький, в тряпки завернутый. И по всему видать, что бедная эта женщина, совсем нищая.

— Возьми дитя, — сказал шах своему старшему назиру. — Пусть мальчик во дворцу воспитается... Неисповедимы пути Всемогущего!

Назир взял мальчишку, развернул грязные тряпки и говорит:

— Куда тебе, светлый шах, этот щенок?.. у него, вон, нога переломлена, калекой весь век будет, и не довезти его живьем до дворца: гляди, совсем уж посинел, точно железо.

¹ Вязир (визирь) — сановник, заведующий какой-либо частью государственных дел (министр); назир — управляющий частью личного хозяйства шаха (гофмейстер).

Это потом назир говорил, что ему больно не хотелось держать в руках и везти отродье нищей.

А шах молвил:

— Ну, вези, вези! Нечего меня учить... У меня лекарей много, пусть похлопочут над мальчиком. Да смотри: живым доведи, если тебе самому жизнь дорога. Я хочу взрастить найденыша. Эта находка, — по всему видно, не даром.

И привезли мальчика во дворец живым, и ножку ему переломленную там кое-как срастили.

— Какой крепкий мальчик! — докладывают шаху. — Тело твердое, точно железо!..

— То синий был, как железо; то теперь как железо крепкий, — говорит шах. — Пусть же и имя ему будет «Темир».

* * *

Вскоре после того заглянул Аллах в великую книгу Иллиун, де записана судьба всех людей, от первого шаха до последнего холопа; заглянул Аллах в нее и увидал, что срок жизни доброго шаха кончится. И умер шах, взявший Темира на воспитание. По смерти его пошли смуты в его государстве, — всякому лестно шахскую власть в руки взять, — не до найденыша стало придворным, и отдали они Темира табунщику, что шахских коней пас: «Воспитывай его, — говорят, — как знаешь. Может, когда вырастет, будет тебе помощником... А то, так хоть выброси его зверям на съеденье!»

Табунщик — простой человек, жалостливый: у него сердце не грязью облеплено, не камнями обложено. Он принял к себе мальчика и стал его воспитывать наравне со своими детьми...

Растет Темир у табунщика, словно камыш из воды поднимается; крепнет, как деревце на ветру. По шестому году не боялся он скакать верхом без седла на самом лютном из всего табуна жеребце; по восьмому году сбивал из пращи камнем с кабака¹ голубиное яйцо; а по двенадцатому — не

¹ Высокий шест, вкопанный в землю; под вершиной его привязан пук травы, а на верхушку кладется цель, которую на состязании сбивают стрелами или пулями.

стало ему равного в молодецких играх со стрелой ли, с копьем ли, с острой ли шашкой.

— Ненасытного малого послала нам судьба, — говорила о нем мать табунщика, старая ворожея. — Есть, сытости не знает; пьет, напиться не может; пляшет, пока камни под ногами в песок не раздробит; скакать ему — степи мало... Далеко он пробьется!

* * *

Приехал однажды новый шах свои табуны поглядеть.

— Мир тебе, старый табунщик!

— И тебе мир, светлый шах, солнце вселенной!

— Ну-ка, прогони передо мной лучших моих коней: хочу себе под седло аргамака выбрать по нраву.

Отобрал коня.

— Пусть проедет кто-нибудь на этом коне передо мною: хочу посмотреть его бег, — приказал шах.

Попытались, было, сесть на жеребца лучшие ездоки из шахской дружины, — куда! Самый счастливый руку вывихнул, упавши; иные насмерть убились.

Разгневался шах: — «Вам на осле, в бабьем платье ездить, в не служить мне телохранителями!.. Кто объездит жеребца, будет тому у меня первая честь».

Никто вперед не выходит, — боятся.

Еще больше шах рассердился: «Такого коня, — говорит, — надо было учить, как был он жеребеночком! Это, табунщик, твоя вина, и за нее велю я казнить тебя лютой казнью».

— погоди, светлый шах, гневаться, — отозвался табунщиков мальчик Темир-хромой. — Конь не видал многолюдства, испугался для первого раза цветных кафтанов и блеска оружия. Позволь мне сесть на него в стороне; я проеду и покажу тебе его бег.

— Дело говоришь, мальчик! — промолвил шах, любитель коней. — Садись. Коли послушается тебя конь, — возьму я тебя вместе с ним во дворец, будешь ты моим любимым стремянным.

Вскочил на коня Темир, обласкал его и поехал... Рысью идет конь, — как в колыбели качает; скачет конь, —

орлу не догнать... Как угли, горят его глаза; словно барс, сживается он на прыжке. А под нажимом колена, на месте, как вкопанный останавливается.

— Вот, это конь! — закричал в радости шах. — Клянись бородой пророка, не лучше его Гиацун, конь вождя ангельских сил, сын вихря и бури, любимец Аллаха!..

* * *

Так вновь был взят Темир во дворец. Теперь, — стреманный шаха, любителя коней, — стал он его приближенным. А милости шахские на кого посыплются, — успевай только их подхватывать да благодарить за них.

Как-то дошло до шаха, что Темир раньше уже, еще при старом шахе, жил во дворце, был взят шахом на воспитание. Надо бы новому шаху лишить Темира своих милостей, — потому что правители не любят держать при себе тех, кто был в милости у их предместников. А вышло еще к лучшему: «Значит, судьба ведет его на широкую дорогу почестей: против судьбы не пойдешь!» — сказал шах, и выдал за Темира свою дочь-красавицу.

И с той поры стало прозвание ему Темир, шахский зять — Темир-Гурган.

Темир своей удаче радуется... Да как и не радоваться? Сын нищей, умершей в пыли большой дороги, попал в зятя шаху! А сам, ненасытный, думает: «Не остановлюсь на этом, пойду выше: умею только, человек, пользоваться милостью судьбы!».

* * *

Умер и этот шах; одни говорят, — от болезни, другие, злоязычные, — от яда. И так, и этак, все равно, — не без воли Аллаха вынул из шахского тела душу ангел Смерти. Остались после шаха сыновья малолетние. Кому, как не шахскому зятю, царством править?

И стал Темир Хромой, бывший подручный табунщика, правителем государства, «оберегателем шахского престола». Это ли не высота! А Темиру мало: «Не успокоюсь, пока не буду настоящим шахом, чтобы и дети мои наследовали мой престол!»

И стал Темир шахом, повелителем стран и владыкой народов, потому что сыновей прежнего шаха призвал к себе Аллах, — творящий волю свою неисповедимо...

* * *

Вставив на шахский престол и надев на себя шахские пояс и шапку, выбрал Темир двенадцать слуг своих, верных слуг и разумных, и так повелел им: «Идите с этого места во все двенадцать сторон света. Пусть каждый дойдет до края земли. Смотрите, какие где люди живут, — хорошие или худые, где чтут единого Бога, имя ему Адн, пророка его Магомета и святых имамов Али, Гуссейна и Гассана, и где не веруют в них. Всемогуший открыл мне в видении свою волю, повелев пройти от края до края земли, везде наказывать злых и обращать неверных к признанию истинной веры».

Так говорил Темир своим слугам, рассылая их во все концы земли. Сам же, ненасытный, вечно стремящийся и никогда не достигающий конца желаний своих, думал: «Не великая мне честь быть шахом, владеть государством, если есть на земле более сильные владыки и есть государства более обширные, чем мое!»

Через год вернулись к Темиру те трое слуг, которых послал он осмотреть южные страны земли.

— Дошли мы, светлый шах, — они говорили, — вплоть до дальнего южного моря. Все люди в той стороне чтут единого Бога и пророка его Магомета. Святых же имамов Али, Гусейна, Гассана и Эйнал-Абдина, Гуссейнова сына, не все уважают.

— Неуважающие имамов — самые зловредные люди, — сказал мудрый Темир-шах, — потому что Аллах, по благодости своей, готов простить людям грех против него самого. А святые имамы, всегда ему предстоящие, хулы на себя не простят. И по неотступной просьбе их будут ниспосланы на землю тяжкие кары, — голод, мор и трясение, и с виновными пострадают невинные... Прежде всего пойдем в южную сторону земли!

За первыми посланцами вскоре возвратились трое, ходившие на запад. «Мы прошли всю западную землю, —

доложили они. — И глаза наши видели море, в которое солнце опускается на ночь. По всей той земле живущие люди чтут единого Бога, но отрицают посланника его и старшего над пророками Магомета, — да будет Аллах к нему милостив».

— Эти также достойны осуждения, — сказал Темир-шах, — потому что не признающие пророка не только сами лишаются райского блаженства, — это их дело, — но лишают его и своих невинных детей. На этих пойдем во вторую очередь, чтобы наказать их, а детей их привести к правой вере.

Вернувшиеся затем с северной стороны посланные говорили: «В страшных местах шли мы, светлый шах. Не дойдя до северного моря, достигли мы страны вечного мрака, где живут народы Яджудж и Меджудж. Они не знают Бога совсем и не хотят его знать...»

После всех вернулись посланные в дальние восточные страны. «Перешедши через ледяные заоблачные горы, — рассказали они, — мы пришли в страну людей, цветом кожи подобных гнедым коням. Живут эти люди в несказанном богатстве; самые бедные не знают посуды хуже серебряной, а богатые строят дома себе из серебряных кирпичей. Рабами им служат огромные звери странного вида, а птицы-великаны носят их на себе, как у нас кони и верблюды. Есть там, говорят, город, где и дома золотые, и люди, давно уже умершие, обращены в золотые фигуры... потом достигли мы царства Чин-Мачин, где женщины властвуют над мужчинами, а мужчины ходят в женской одежде... Все эти люди не знают единого Бога, — поклоняются многим идолам. За царством же Чин-Мачин великое восточное море; оно, — мы видели сами, — вдали сливается с небом, и там на небесных островах стоит Божий рай, где блаженствуют праведные после смерти».

— Туда мы пойдем после всего, упрочив правую веру на остальной земле, — молвил Темир. — С язычниками же по пути поступим по примеру пророка, разбившего в прах идолов жезлом своим.

* * *

По всему Темирову царству ездят глашатаи и так объявляют народу в селеньях и городах: «Шах над шахами, государь земель и владыка народов повелевает: собирайтесь, вооруженные люди, к его столице. Все, не утратившие силы, крепкие, собирайтесь! Шах готовит великий поход в южную сторону земли, чтобы наказать оскорбителей святых имамов наших Али, Гуссейна и Гассана. Непобедимый меч веры, раб Аллаха и верный слуга пророка его, он идет на пролитие крови с сердечным сокрушением. Выступайте посему в поход в голубых одеждах, в одеянии печали; не садитесь на белых и серых коней, и не будет при войске в походе ни труб, ни рогов, ни барабанов. Земли врагов приобщит шах к своему государству, имущество же их будет наградой воинам».

Так говорил Темир; сам же думал: «Земля должна иметь одного господина, как небо — единого Бога».

Пришел к Темиру старый дервиш — мулла Берек: «Селям алейкюм, шах, светлое солнце вселенной». — «И тебе мир, почтенный мулла, светило учености». — «Вступаешь ты, шах, на широкий путь славы; хочешь ты, шах, покорить себе всю землю от края ее и до края; а того ты, шах, не ведаешь, что только тот может совершить это, кто владеет мечом святого имама нашего Али, — да будет почтен он от всех племен и народов!.. Слушай, светлый шах, что прочел я в древнем писании: «Пред кончиной своей великий Магомет вручил зятю своему Али меч, сказавши: «Этим ты покоришь вселенную». Но имам Али был ранен изменником; умирая, он боялся, чтоб не попал дивный меч в руки врагов его, и потому приказал своему верному рабу Суаиру бросить тот меч в глубь морскую. Так было сделано; и с тех пор Гиркан¹ бережет на дне своем меч пророка». Узнал я, как можно достать его, и научу тебя, светлый шах, если ты позволишь мне быть при тебе в походе».

— Пусть будет по твоему желанию, отче, — сказал Темир шах. — Великую услугу окажешь ты мне, а еще боль-

¹ Каспийское море.

шую святой нашей вере: ради ее прославления я и выступаю в поход.

Подошел Темир-шах со своим бесчисленным войском к берегу Гиркана и стал лагерем. «Прикажи, светлый шах, сносить к морю сухую траву и деревья, — все горючее, что можно найти на месяц пути отсюда, — сказал шаху мулла-Берек. — Я же буду заклинать Гиркан: не покорится ли он воле моей и твоей, не отдаст ли добром меч святого имама».

Семь дней, семь ночей, не смыкая глаз ни на миг, заклинал он древний Гиркан. Но не хотело море расстаться с сокровищем, не согласился Гиркан отдать добром меч великого пророка: отдать меч — самому надо подчиниться воле человека! И, закрывшись серой мглой, взметнул Гиркан кипучие волны, грозным ревом ответил на заклятия... Тогда повелел Темир-шах, по совету Берека, своему бесчисленному войску бросать в море горящую траву, и солому, и дерево; лить на грудь Гиркана нефть — черное масло, данное землею... И запылал древний Гиркан от края до края... запылал, томясь в огненных берегах. Ключом закипели глубокие воды, погибли в них рыбы, погибли птицы, над ними летающие... И, признавши себя побежденным, отдало море меч святого имама: тихо вынесли его волны со дна и смиренно сложили у ног Темир-шаха.

Отсюда, берегом моря, пошел Темир-шах, с той поры названный Сагид-и-крани (Счастливым победитель), в южные страны. Все их прошел, разоряя огнем, истребляя мечом неверных суннитов, оскорбителей святых имамов. Много городов разрушил до земли, много высоких башен сложил из отрубленных голов... Зато незыблемо твердо стала в тех странах истинная, правая, шиитская, вера!

* * *

С великой добычей вернулся Темир-шах в свою столицу, и воины его принесли домой несчастные богатства. «Не для долгого отдыха мы сложили оружие, — объявил шах народу своему. — Погребем убитых друзей в родной земле, справим поминки, и перед нами новый поход в страны запада, где святое имя пророка в унижении».

— Что земля и все ее люди для великого государя, алчущего вечной славы? — думал Темир-шах. И послал слуг к царице запада, приказавшим сказать ей так: «Весь мир склоняет головой предо мною, все народы земли покорны мановению руки моей. Подчинись мне и, отдавши мне твое царство, будь моей женой».

Та царица, молодая вдова, сияла красотой меж всеми женщинами, как луна меж звездами.

— Приди, шах, если смеешь, и возьми меня, если сможешь! — отвечала ему гордая красавица.

Тогда поднял оружие Темир-шах и с войском своим, которому не было счета, как песчинкам на морском побережье, двинулся походом на запад земли. Труден был путь: пришел он в страшную степь, полную змей; в одну ночь погибло десять тысяч людей и вдвое больше коней от змеиного яда. Но не даром был при шахе мудрый советник мулла-Берек: научил он наха, и шах повелел обвертывать овечьей шерстью ноги коням и людям, — ненавистна та шерсть змеям, бежит от запаха ее и смертоносная кизил-иллям, красная змейка, и ужасная гюрза, на прыжке бьющая ядовитым зубом.

С тех пор и знают люди эту защиту.

Навстречу шаху выступила царица запада. Велико было и ее войско: на привалах, где счищали ее воины налипшую грязь с сапог, и теперь еще видны высокие холмы... Но не могло оно устоять перед силой Темир-шаха, перед мечом святого имама Али: озеро крови, горы мертвых тел остались на месте боя, — спаслись бегством из войска царицы лишь немногие.

И обложил Темир-шах кругом крепкий замок царицы, где заперлась она с мальчиком-сыном и остатками войска. Птице не пролететь в замок, мыши не ускользнуть оттуда. Взять же его силой нельзя, — построен он на самой вершине скалы, уходящей за облака; а бока той скалы, как гладкие стены... Стоит шах перед замком не день и не два. Вся земля царицы давно ему покорилась, все люди западной стороны, — кто жив остался — едиными устами славят Аллаха и пророка его Магомета и святых имамов Али, Гуссейна и Гассана. Не покорилась шаху только гор-

дая красавица царица. Слышно, — голод у ей, в ее замке, томятся ее люди и сама она с сыном палящей жаждой... Послал к ней шах кувшин лучшего вина, приказал передать ей с насмешкой: «быть может, царице будет приятно отведать напитка, которого для нее давно уже нет в ее государстве». Она же в ответ прислала ему только что пойманную рыбу: «не пожелает ли шах вкусить своей любимой еды, которой давно он не ел...»

В горе и ярости шах: «Неужели вернуться, не овладевши царицей?..» Он видел царицу на стен замка, и дивная красота ее покорила его железное сердце. «Куда поставит она ногу, — туда рад буду я голову положить. Жертвой праха ног красавицы буду... когда она покорится!» — говорил себе шах, томясь бессонной ночью на ложе своем, богато украшенном.

— Пусть пошлет тебе Аллах сладкий сон, — молвил ему советник его, мудрый старый мулла-Берек, войдя к нему. — Вижу я твою печаль и в ней тебе помогу...

На утро, к воротам замка приполз несчастный старик: все тело его было в кровавых рубцах, отрезаны были его уши. Введенный к царице, он со слезами говорил ей: «Был я дядькой сыновей Темир-шаха, на руках своих носил их от их рождения, не раз жертвовал жизнью за них... И вот смотри, прекрасная царица, что сделал со мной шах в припадке бешеной ярости... Я знаю, царица, ты в своем замке устоишь против его сил, не покоришься ему, — и к тебе прибегаю, моля об убежище»...

Так хитро говорил царице мулла-Берек, не задумавшийся искалечить себя из любви к своему шаху и господину. Царица, пожалев, поверила ему и приставила его дядькой к своему сыну. Он же, разведав подземный выход из замка, ушел оттуда темной ночью и принес Темир-шаху сына царицы: «Теперь она будет твоей, — сказал он. — Твоя радость сделает счастьем мне мое уродство».

— Я сдаюсь тебе, шах, и согласна стать твоей женой, — прислала сказать шаху царица. — Принеси мне сына, ворота замка открыты тебе с твоим войском.

На стене замка встретила шаха царица, взяла из рук его сына — и кинулась в пропасть вместе с малюткой... О, Аллах милосердный! Как короток ум женщины, хотя бы

она была и царицей! Предпочесть жалкую смерть счастьем стать супругой великого шаха, отдать душу свою сатане, — ибо он владеет самоубийцами, — чтобы избегнуть рая, уготованного тем, кто уверует в пророка и святых имамов Али, Гуссейна и Гассана — не последняя ли то степень неразумия!

В сильной ярости шах жестоко опустошил огнем и мечом страны запада. Всех людей, от мала до велика, приказал он предать лютой смерти; города разрушил до основания, до корня вырубил леса и сады... Голая пустыня осталась на месте цветущего Гурджистана¹.

И с богатой добычей, но с грустью в душе возвратился в свою столицу победоносный шах Темир.

* * *

Печальный, запершись в дальних покоях дворца, лежит Темир-шах на ложе своем, богато украшенном. Отросли волосы на голове, давно не касался гребень до бороды; разорвана одежда на груди. Ни воды не пьет шах, ни хлеба не ест; в тоске о желанной, навек потерянной...

— Встань, шах! — молвил ему друг его и советник мулла-Берек, смело войдя в шахскую опочивальню. — Тебе ли, покорителю половины земли, падать духом из-за утраты женщины? Встань и воздвигни свое непобедимое войско, чтоб прославить имя Аллаха до полночного края земли, чтобы третья четверть ее признала тебя своим господином!

И встал со своего печального ложа Темир-шах; поднялся страшный и грозный, как голодный лев выходит из пещеры... Молча сел на коня, — и за ним двинулось его верное войско.

В дальней полуночной стороне, где три месяца длится мрак ночи, встретил Темир-шах людей, добывающих дорогой камень якинт. Над краем темной пропасти стояли они, бросая в глубину ее куски сырого мяса. Другие следили за полетом орлов, выносивших из пропасти мясо с прилипшим к нему якинтом, и искали камень на том месте, где орлы мясо съедали. Трудное дело, малая добыча, — оттого

¹ Грузии.

и столь дорог якинт, лучшее украшение шахского скипетра, камень, целящий тяжкие недуги.

Пришли к Темир-шаху послы от государя тех людей; просил тот государь у шаха помощи: одолевают его страшные народы Яджудж и Меджудж, не подверженные смерти, не признающие Бога. Из-за северных гор, с берега ледяного моря, где вечная ночь, выходят они, бьют, разоряют его подданных, отнимают у них дорогой камень якинт, с трудом ими добываемый... И нет ему, государю, от своих обнищавших людей никакой корысти... За помощь отдавал тот государь себя и народ свой под сильную руку Темира и обещал исповедать единого Бога, пророка его Магомета и святых имамов его Али, Гуссейна и Гассана, — по доброй воле и от чистого сердца.

Ради милосердия Божьего, двинулся Темир-шах в землю вечного мрака, за ледяные горы в страну Яджуджа и Меджуджа. Зачувяв его приближенье, скрылись Яджудж и Меджудж в недра высокой горы, в ее великие пещеры, глубокие пропасти. И там остались навеки, потому что вход в ту гору загородил Темир несокрушимой медной стеной, а мудрый мулла-Берек заклил Яджуджа с Меджуджем, запретив им именем Божьим искать себе выхода из недр высокой горы.

Там и пребудут они до скончания мира.

Много дивного видел Темир-шах со своим войском в этом походе. Идучи обратно страной вечного мрака, собирали воины камни, попадавшие им на пути, и взяли некоторые с собой на память. Когда же вышли они в край, озаряемый солнцем, — те камни оказались слитками чистого золота. И жалели взявшие, что мало захватили; а не взявшие горевали, что пренебрегли вовсе...

Встретились им люди, быстро бегавшие по глубокому снегу и имевшие песьи головы. Их всех велел истребить Темир-шах, потому что и видом своим, и голосом, подобным собачьему лаю, оскверняли они род Адама, сотворенного по подобию Божьему.

* * *

— Вот я теперь стал владыкой трех частей света, — сказал себе Темир-шах, возвратившись в столицу. — А счаст-

ливей не стал от того... Лишь востока земли не видели глаза моих воинов, не топтали копыта коней моих... Труден, говорят, туда путь... Но, чем труднее, тем слаще победа... Быть может, успокоится дух мой, когда я буду господином всей земли.

И повел он свое несметное войско к горам, что стояли заоблачной стеной на восточном краю его царства. Девять лет пробивало себе войско дорогу через эти страшные горы, девять воинов из каждого десятка усеяли своими костями те ледяные склоны.

Тогда стал свободен Темиру путь в землю темнокожих людей, обладавших несметными сокровищами. Города их разрушил Темир, сжег их сады и посевы... Ста тысячам пленных повелел он отрубить головы в один день под стенами их взятой столицы: не хотели они исповедать пророка!

Каждый солдат из войска победителя вел за собой вьючного быка, нагруженного серебром... И мало им того было; искали они красного золота: в пятьдесят раз дороже оно серебра.

— Да, золото сильнее могучих богатырей; владеющему им все доступно, неведома нужда, — сказал Темир-шах слуге своему и другу мулле Береку. — И потому, пусть насытятся мои воины золотом. Узнаем, где в этой стороне древний золотой город, о котором мне говорили мои посланные, и пойдем туда.

Приказал он привести к себе ученых людей той страны и магов, и гадателей, и спросил их.

— Знаете ли вы путь к этому древнему золотому городу, что был когда-то столицей вашего царя Азара, Амарова сына?

Они же, поклонившись ему до земли, отвечали:

— Нет, шах Темир, солнце, озаряющее все четыре края земли, мы не можем указать тебе пути к той древней столице: они нам не ведомы.

— Что же знаете вы, называющиеся учеными и хвалящиеся искусством гадания и волшебства?

Отвечают Темир-шаху ученые люди, и маги, и гадатели:

— Землю, которую всею ты теперь владеешь, о, шах, держит золотой бык на спине своей.

— Это я знаю и без вас, — сказал им с гневом шах.

— Страшный золотой овод вьется всегда над быком, держащим землю...

— И это я слышал давно.

— Но, шах, науки, которые мы учили, и гадания, которые мы совершали, открыли нам тайну будущего: через шесть лун и шесть дней от настоящего часа страшный овод вонзит свое жало в хребет быка, и вздрогнет бык от боли раз и два, и три — даже до семи раз, и сотрясется земля великим трясением, и рушатся горы, моря выйдут из берегов своих, падут вековые леса, будет разрушение городам и гибель множеству людей.

— Не об этом я желал узнать от вас, — сказал им шах. — Но говорите, что еще знаете?

— Еще знаем мы, светлый шах, что злой дух, исконный враг человека, готовит великую беду роду людскому. Через семь лун и семь дней от сего часа он закроет черным крылом своим солнце¹, и оттого поразят людей тяжкие болезни, и мор истребит коней, быков и овец их.

— Знания ваши мне не нужны теперь, — молвил Темир-шах стоявшим пред ним, и приказал прогнать их, хотя и с бесчестием, но без побоев (да будет прославлено их милосердие), — разослал по всей земле своих глашатаев, чтобы они в городах и селениях, при звуках труб и бое барабанов объявили:

— Пусть тот, кто знает путь в золотой город, в древнюю северную столицу царя Азара, укажет его Темир-шаху. Если указавший — старый человек, ему будет честь при шахе, как отцу шахскому; если он муж в среднем возрасте, — как брату шаха; если юноша — как шахскому сыну.

* * *

Пришла женщина — не молодая и не старая, не красавица и не безобразная, и так говорили пред лицом Темир-шаха:

— Я вдова. С мужем моим, — он был охотник, — ходила я далеко вглубь северных гор. Там он показывал мне с

¹ Так в поверьях татар объясняются солнечные затмения.

высокой снежной вершины, как бы отблеск пламени вда-ли. «Там, гляди, золотой город, столица древнего мертвого царства, — говорил он. — Но нельзя пройти туда: в долинах по пути к нему живет страшное племя людей-упырей с красными, как кровь, глазами и с белыми волосами; в их земле нет ни коней, ни быков, ни овец, не водятся и дикие звери в их горах. Всех, входящих в их землю, они убивают, выпивая их кровь». Так говорил мне мой муж. И до того места, где я была с ним, я могу довести тебя, шах; пройдет за тобой туда и твое войско.

* * *

На вершине покрытой снегом горы стоит Темир-шах с другом своим, муллою Береком, и с женщиной, вдовой охотника.

— Там, гляди, светлый шах, — говорит он, — там на севере, видишь, над дальней горной цепью, точно отблеск красной зари. Туда показывал мне мой муж, говоря, что это — сияние золотого города, блещущего под лучами солнца. А здесь ближе, в этих темных, глубоких долинах, гнездятся злые люди-вампиры; миновать их долины невозможно тому, кто идет к золотому городу.

Повелел Темир-шах, и бесчисленные воины его бурным потоком помчались в долины. Как снопы соломы по жнивью, раскиданы по земле трупы злых, кровожадных людей-вампиров; избиты старые и малые; преданы смерти все мужи и жены, — не осталось племени ни одной живой души...

Высоки стены золотой столицы, крепки они, — нельзя перебраться через них, трудно и долго пробить их. Под ними остановился Темир-шах: как войти в город?.. Юноша-воин из его рати пришел к нему и сказал:

— Позволь мне, светлый шах, послать моего прирученного ворона на стену; он закрепит там веревку, и я влезу по ней, с помощью Аллаха.

Было сделано так, и юноша, проникнув в город, обошел его и вновь стал пред лицом шаха.

— Я нашел городские ворота, — сказал он, — они с северной стороны, но открыть их нельзя изнутри.

Тогда обошло войско вокруг города, и была отброшена земля, завалившая ворота снаружи, и вошел Темир-шах в золотой город, древнюю столицу царя Азара, Амарова сына.

По золотым плитам, которыми замощены улицы между домами, из золотых камней сложенными, идет Темир-шах к городскому майдану, где стоит царский дворец. Мертвый город. Унылый, безмолвный город. Не слышно речи человеческой, ни голоса птичьего, ни лая собачьего. Не видно живой твари, — сухие кости людей раскиданы в домах и по улицам...

Вступает Темир-шах в золотой царский дворец. Пусто, тихо и в чертогах, несравненных по богатству убранства... В царской опочивальне, на ложе, роскошно украшенном, — иссохшее мертвое тело. То — тело древнего царя Азара, Амарова сына. И золотая грамота с письменами лежит на груди его... Вот, что прочел мулла Берек:

«Я — Азар, сын Амара, царь царей, царь великий, царь земель и народов. Много было у меня золота и драгоценных камней, бессчетны были сокровища казны моей. И я гордился ими. Что недоступно мне с моими богатствами?.. Так говорил я и думал... И вот, настал голод в земле моей, и нельзя было привезти хлеба из других стран. Съедено зерно, съедены плоды и травы. Нет уже чистых животных, съедены нечистые... Люди мои умирали и грудями лежали трупы их на улицах... Золото же мое и дорогие камни остались. И приказал я тогда сделать желтую пшеницу из золота и белый ячмень — из жемчуга, повелел я молоть муку из них и печь хлебы... Но люди, евшие тот хлеб, умирали скорой смертью... И я съел кусок того хлеба — и вот умираю... Кто бы ни был ты, читающий это, знай: все золото земли не стоит горсти пшеницы, и все драгоценные камни на свете дешевле пригоршни воды для человека, застигнутого голодом!»

— Но у нас пищи довольно, — молвил Темир-шах. — Пусть же воины мои нагружают вьючных быков и коней сокровищами и берут драгоценностей, сколько каждый сможет сам унести. Время мне вернуться в страну, мною покинутую для похода сюда.

Лишь успел выйти Темир-шах из мертвого золотого города, только что последние из его воинов покинули древ-

нюю столицу Азара, — дрогнула и сотряслась твердь земная, с громом рухнули горы в пропасти, бедны разверзлись на месте равнины... Шесть лун и шесть дней прошли с того часа, как было предречено это шаху... И древний золотой город со всеми сокровищами поглотила земля...

Через бесплодные, холодные горы ведет свое войско Темир-шах обратно; идут за войском караваны быков и коней, нагруженных бесценными сокровищами. Вот миновал один месяц пути их, и вдруг, среди дня, померкло солнце, затемненное крылом сатаны, тьма объяла небо, мраком покрылась земля... Исполнилось предречение. И стали гибнуть тысячами вьючные быки и кони, стада овец, шедшие за войском, таяли, как снег под горячим весенним солнцем. Груды взятых сокровищ оставались на пути, некому стало нести их; золото и драгоценные камни выбрасывали воины из своих сум, чтоб запасом пищи спасти себя от голодной смерти.

Когда истомленные голодом они вышли из страны бесплодных гор, — ни зерна золота, ни одной жемчужины не вынесли они из сокровищ древней столицы, — все было брошено на пути...

— Да, правда была в писании царя Азара, — сказал Темир-шах другу своему: — все золото земли не стоит горсти пшеницы для человека, застигнутого голодом.

* * *

Влечет меня к себе дальний восточный край земли. Туда я стремлюсь, где море сближается с небом, где на зеленых островах — вечно цветущий Дженнат, обитель блаженных. Во всех четырех краях земли утвердил я веру в единого Бога, в пророка его и в святых его имамов Али, Гуссейна, Гассана и Зейман-Абдина, Гуссейнова сына; не исповедует ее только дальний народ Чин-Мачин, живущий у восточного моря. Туда я пойду, чтоб завершить дело, Аллахом на меня возложенное!

Так говорил Темир-шах своим приближенным.

Вот к берегу дальнего восточного моря приближается покоритель земли; в пену набегающего прибоя ставит он ноги коня своего... Нет дальше пути. Но вдали, где небо

сходится с морем, там зеленые острова задернуты облачной дымкой. Там вечно цветущий Дженнат!..

— Пусть будут собраны мастера, могущие выстроить корабли для моего войска, — повелел владыка четырех краев земли. — Не успокоится дух мой, пока ногой, окованной сталью, я не вступлю на те острова, пока не напою коня моего водой небесных источников!

Тогда изрек Аллах свое слово... И по слову его, Израфил сошел с той красной звезды, где всегда пребывает, ожидая веления Божьего, на стреле молнии ринулся ангел смерти вниз, к берегу восточного моря, и вынул душу из непобедимого Темир-шаха...

Горсть земли успокоила дух, вечно стремившийся и никогда недовольный; только девять локтей полотна — свой саван взял с собой в могилу обладатель всех сокровищ земли...

Печатается по изданию:

В. Гатицук. Железный хромец. М., 1914.

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ ВЕЛИКОГО ТАМЕРЛАНА
с описанием земель под его владением и
господством, написанные Рюи Гонзалесом де
Клавихо, камерьером великого и
могущественного государя дона Энрико третьего
этого имени, короля Кастилии и Леона вместе с
записками о том, что случилось во время
посольства, которое от этого короля совершил
он к этому государю, называвшемуся иначе
Тамурбек, года от рождества Христова 1403

Рассказывают, что когда Тамурбек напал на город Сабастрию, Турецкий город, и разрушил его, то Турок напал на этот город Арсингу и вошел в него; а когда Тамурбек победил Турка, он воротился в этот город и опять взял его себе, как было прежде. Говорят, что когда он был там, жители Мавры поссорились с Христианами, приходившими туда, говоря, что князь их Заратан дает Христианам больше почету чем им, что им лучше, и что у них церкви лучше чем их мечети; тогда, говорят, Тамурбек должен был послать за Заратаном, и рассказать ему, что говорили Мавры. Заратан отвечал, что он позволяет Христианам быть в его земле для того, чтоб пользоваться ими в случае нужды. Тогда Тамурбек послал за Греческим священником, тем который был у них самый главный; и когда он явился к нему, то он по сильной ненависти, которую питал к жителям Константинополя и Генуэзцам города Перы, приказал ему отречься от своей веры; когда же тот не захотел этого сделать, то он велел убить всех Христиан в городе. Заратан стал просить им помилованья у Тамурбека, и Тамурбек освободил их за девять тысяч еспер, а каждая еспера равняется половине серебряного реала; эти есперы ссудил им князь их Заратан. А Тамурбек приказал разрушить все Христианския церкви, взял себе один замок, принадлежавший этому городу, который называется Камаг и дал его одному своему Чакатаю, чтоб он владел вмес-

то него. Сделал он это потому, что этот замок очень укрепленный и в таком месте, которое приносит много доходу; он охраняет всю эту землю и через него проходит много товаров в разные места, как в Сирию так и в Турцию.

А причина, по которой Турок и Тамурбек узнали друг друга и по которой Тамурбек стал воевать с Баязетом, вот какая: У Заратана, владельца этого города Арсинги, земля была смежная с владениями Турка. Турку очень хотелось завладеть землею Заратана, а особенно этим замком Камагом, и он послал ему сказать, что он требует с него дани и сдачи этого замка Камага. Заратан отвечал, что он согласен признать его власть и платить ему дань, но что не отдаст ему замка. Турок велел сказать, что он должен сдать его, а если не сдаст, то из-за него потеряет всю свою землю. Тогда Заратан, слыхавши о Тамурбеке и об его огромном могуществе, и зная, что он в то время находился в Персии, где вел войну, и уже победил Персидского султана, отправил к нему посла с письмом и подарками, прося, чтоб он защитил его от Турка, и говоря, что сам он и его земля в его власти, и что он может поступать с ним, как со своим пленником. Тогда Тамурбек послал к Турку посла с письмом, в котором объявлял ему, что этот Заратан его подданный, и чтоб из уважений к нему Турок не делал ему никакой обиды, потому что тогда он готов отплатить ему тем же. Турок, никогда до тех пор не слыхавши о Тамурбеке и думая, что нет на свете человека сильнее чем он сам, удивительно как разгневался и сейчас же послал Тамурбеку письмо, в котором было сказано, что он удивляется, как это Тамурбек до такой степени безумен, что осмелился написать ему такую бессмыслицу, чтоб он не делал того, что ему вздумается против Заратана или против кого бы то ни было в целом мире; чтоб не оставить этого безумия без наказания, он обещает и клянется, что пойдет и отыщет его, где бы он ни был, что Тамурбек от него не уйдет, а будет пленен, и на зло ему, он клянется взять себе его главную жену. Тамурбек, будучи в таком большом возбуждении, пожелал показать при этом случае всю свою силу и пошел с войском оттуда, где он был в Персии, из прекрасных полей, который называются

Катарабаке, и где он зимовал в тот год, и пошел прямо в этот вышеупомянутый город Арсингу, а оттуда сейчас же отправился и вступил в Турецкия владения, подошел к одному городу, который называется Сабастрия, окружил его и начал теснить его очень сильно. Жители Сабастрии послали к Турку своему государю просить помощи; когда он узнал, что Тамурбек находится уже в его земле и осадил город Сабастрию, он сильно разгневался на него, послал собрать войско, и с первым отрядом, какой был собран в двести тысяч конных, послал своего старшего сына, по имени Мусульмана Челеби на помощь городу, а сам хотел идти вслед за ним с другим большим отрядом. Но Турки не могли держаться, и прежде, чем пришло подкрепление, Тамурбек уже вступил в город; а вступил он в него так. Он нападал и теснил их так сильно, что наконец они начали переговоры и заключили мир на таком условии, что из города выйдут к нему люди, а он даст обещание не проливать их крови, и дадут ему определенное количество золота и серебра. Когда Тамурбек получил от них дань, какую требовал, он сказал, что желает говорить с жителями города о некоторых делах, важных для них и требует, чтоб лучшие и знатнейшие граждане вышли к нему. Те, полагаясь на обещание, которое он дал, и на то, что они заплатили ему все, что он требовал, тотчас вышли к нему. Тамурбек, как только увидел, что они вышли из города, приказал вырыть большие ямы, и сказал им, что он обещал им и дал удостоверение в том, что не прольет их крови, и по этому он приказывает задушить их в этих ямах, а войску своему велит войти в город и разграбить его, потому что оно бедно и нуждается. Он так и сделал, и приказал зарыть всех, что вышли к нему из города, а людям своим велел вступить в город и разграбить его; когда же все было разграблено, приказал разрушить его и уничтожить до основания. Сделавши это, он ушел оттуда. В тот день как он ушел, пришел сын Турка со своим отрядом в двести тысяч конницы; увидавши, что весь город Сабастрия разрушен и Тамурбек уже ушел, он стал ждать отца. А Тамурбек, ушедши оттуда, отправился прямо в землю султана Вавилонского. Прежде чем он пришел туда,

попалось ему племя, которое называется Белые Татары; это племя постоянно кочует по полям. Он начал с ними воевать, победил их, взял в плен, захватил и князя их, а их было добрых пятьдесят тысяч мужчин и женщин, и повел за собой. Оттуда пришел он в город Дамаск. На жителей его он очень сердился за то, что они не захотели подчиниться ему и захватили послов, которых он к ним послал. Он силою вступил в город и разрушил его; а всех мастеров, которые знали какое-нибудь ремесло, велел отвести в Самарканд; также и Белых Татар и тех, что он вел из Сабастрии, между которыми было много Сабастрийских Христиан Армян. Потом воротился в Персию и поселился на весну в одной местности, которая называется Алара и находится в Верхней Армении. А Турок пошел на город Арсингу, и в досаде и гнев на князя Заратана за то, что из-за него претерпел такое бесчестие, напал на город, силою вступил в него и взял жену Заратана. После он отпустил ее и приказал, чтобы в городе не было сделано никакого зла, и уехавши оттуда, воротился в свою землю. Говорят, что он очень мало показал доблести тем, что не велел разрушить этого города, так как Тамурбек разрушил его город Сабастрию. После того как оба эти государя воротились в свою землю, они послали друг другу посланников, но никак не могли прийти к соглашению. В это время император великого города Константинополя и Перские Генуэзцы послали сказать Тамурбеку, что если он будет воевать с Турком, то они могут служить ему и помочь людьми и галерами, и именно таким образом, что они в короткое время снарядят несколько галер и не допустить тех Турок, которые были в Греции, переехать в Турцию, чтоб Тамурбеку легче было сладить с Турком; кроме того ссудят его серебром. И когда Турок не мог прийти к соглашению ни с городом Константинополем, ни с Тамурбеком, то с обеих сторон начали собирать войска. Тамурбек, который приготовил его гораздо скорее, как человек хитрый и искусный в военном деле, с большою поспешностью оставил Персию, пришел в Турцию и направился по той самой дороге, по которой шел прежде, через землю Арсингскую в город Сабастрию. Турок, уз-

навши, что Тамурбек уже в его земле, переменял путь, по которому шел, и оставивши свой обоз в одном укрепленном замке, по имени Ангури, взял все свое войско и пошел с большою поспешностью на Тамурбека; а Тамурбек, узнавши о той хитрой смелости Турка, переменял тоже путь, по которому шел, и взял на лево через высокие горы; когда Турок пришел и увидел, что Тамурбек оставил прежнюю дорогу и пошел по другой, он подумал, что Тамурбек обратился в бегство и погнался за ним так быстро, как только мог. А Тамурбек, прошедши по горам дней восемь, воротился на ровную дорогу и пошел к тому замку Ангури, где Турок оставил свой обоз, и захватил его в свою власть. Турок, узнавши, что Тамурбек уже в Ангури, пошел туда как можно скорее, и когда пришел, войско его было в изнеможении; а Тамурбек сделал весь этот круг для того, чтобы его запутать. Тут им пришлось сразиться и Турок был побежден и взят в плен, как вы уже слышали. А император Константинопольский и Генуэзцы города Перы вместо того, чтоб исполнить то, в чем они условились с Тамурбеком; пропустили Турок из Греции в Турцию; когда же Турок был побежден, то они сами перешли к Туркам и на своих судах перевозили из Турции в Грецию тех, которые бежали. За это Тамурбек был сердит на Христиан, и за то приходилось платить тем Христианам, которые были на его земле.

Этот Турок, которого победил Тамурбек, назывался Альдайре Баязет, что значить Молния Баязет; потому что альдайре на их языке значит молния, а Баязет было его имя. Отца его звали Амират; он был отличный рыцарь и его убил один христианский граф, по имени граф Лазаро; он убил его в сражении ударом копья, которое вошло ему в грудь и вышло в спине. После того этот Альдайре Баязет отомстил за своего убитого отца и убил графа Лазаро в сражении сам своею рукой; а теперь сын этого графа Лазаро перешел к этому Баязету и живет у Мусульмана Челеби, сына этого Альдайре Баязета. Это я хотел написать для того, чтоб было понятно, кого звали Муратом; потому что всех Турецких государей мы знаем здесь только под именем Мурата; а у каждого государя было свое особенное

имя. Кроме того настоящее имя Тамурбека есть Тамурбек, а не Таморлан, как мы его называем, потому что Тамурбек значить на их языке то же что железный царь, так как царь на их языке Бек, а железо Тамур; а Таморлан совсем противоположно этому, так как этим именем его называют когда хотят оскорбить, потому что Таморлан значить калека: он же был ранен в правое бедро и в два маленьких пальца правой руки ударами, которые получил раз в то время, как воровал баранов однажды ночью, как это вам будет после подробнее рассказано.

На другой день, в четверг, двадцать восьмого числа августа месяца, во время обидни приехали к большому городу, который называется Кешь. Этот город стоял на равнине; со всех сторон вокруг него проходило много ручьев и каналов и он был окружен множеством садов и домов. Окрестности его были ровные, многолюдные, было видно много селений, лугов и воды, и казалось, что земля должна быть очень красива летом; равнины были засеяны хлебом, который орошался водою, и покрыты виноградниками, хлопчатниками, дынными огородами и множеством плодовых садов. Город был окружен земляным валом и глубоким рвом, и при входах были подъемные мосты. Из этого города Кеша был родом царь Тамурбек, и отсюда же был и его отец. В этом городе было много больших домов и мечетей, в особенности одна мечеть, построенная Тамурбеком, которая даже еще не была кончена; в ней была большая часовня, в которой был похоронен отец Тамурбека; кроме того еще другая часовня, которую Тамурбек приказал построить для себя, чтоб быть там похороненным; и она не была еще кончена. Говорят, что когда он проходил там, с месяц тому назад, он остался недоволен этой часовней, потому что дверь была низка, и велел ее переделать; теперь над нею работают мастера. Кроме того в этой мечети был похоронен первый сын Тамурбека, которого звали Янгир. Эта мечеть и часовни ее очень богаты и великолепно отделаны золотом, лазурью и изразцами; при ней есть большой двор с деревьями и водоемами. В эту мечеть по приказанию царя каждый день дается двадцать вареных баранов в память душ его отца и сына, ко-

торые лежат там. Как только посланники приехали в этот город, сейчас их повезли в эту мечеть, принесли им туда много мяса, плодов и стали их угощать; а когда они пообедали, повезли в большой дворец, где им было назначено помещение. На другой день, в пятницу, посланников повезли посмотреть большой дворец, который строился по приказанию царя; говорят, что уже двадцать лет в нем работала каждый день; и даже теперь работало много мастеров. В этом дворце был очень длинный вход и очень высокие ворота, и сейчас у входа по правую и по левую руку были кирпичные арки, покрытые изразцами, разрисованными разными разводами. Под этими арками были в роде маленьких комнат без дверей, и пол в них покрыть изразцами: это было сделано для того, чтоб тут сидели люди во время пребывания царя. Сейчас за этим была другая дверь и за нею большой двор, вымощенный белыми плитами и окруженный богато отделанными галереями. Посреди двора стоял большой водоем. Двор был шагов триста в ширину, и через него входили в большой дом, в котором была очень высокая и широкая дверь, украшенная золотом, лазурью и изразцами, очень красивой работы. Посредине над дверью был изображен лев, положенный на солнце; по краям точно такое же изображение; это герб царя Самаркандского. И хотя говорят, что этот дворец строится по приказанию Тамурбека, однако я думаю, что его начал строить прежний царь Самаркандский; потому что этот герб, солнце и лев, изображенный на нем, есть герб царя Самаркандского; а герб Тамурбека — три круга вроде 0, расположенные таким образом:

Это значит, что он царь трех частей света. Этот герб он приказывает делать на монетах и на всех вещах, которые делаются по его приказанию; и по этому я думаю, что другой царь прежде Тамурбека начал строить этот дворец. Эти же круги вроде 0 находятся на царских печатях, и он приказывает, чтоб те народы, с которых он берет дань, тоже выбивали их на своих деньгах. Из этой двери вхо-

дишь прямо в приемную комнату, построенную квадратом, стены которой были разрисованы золотом и лазурью и (отделаны) полированными изразцами; а потолок весь позолочень. Отсюда посланников привели в верхний этаж, так как весь дом был раззолочен, и там показали им столько отделений и покоев, что было бы очень долго рассказывать: в них отделка была золотая, лазоревая и других разных цветов, удивительной работы, и даже в Париже, где есть искусные мастера, эта работа считалась бы очень красивой. Потом им показали комнаты и покои, которые были назначены для иребывания самого царя и жен его; в них была необыкновенная и богатая отделка на стенах, на потолке и на полу. Над этим дворцом работало много разных мастеров. После этого посланников повели смотреть палату, которую царь назначил для того, чтоб сидеть и пировать со своими женами, очень обширную и роскошную; перед нею был большой сад со многими тенистыми и разными фруктовыми деревьями; в нем было много водоемов и искусственно расположенных лугов; и при входе в этот сад было такое обширное пространство, что много народу могло бы с наслаждением сидеть тут в летнее время у воды и под тенью деревьев. Так роскошна работа этого дворца, что для того, чтоб хорошо все описать, нужно ходить и осматривать все понемногу. Этот дворец и мечеть принадлежать к самым великолепным зданиям, какие царь до сих пор построил. И он построил их здесь в честь своего отца, потому что его отец был здесь похоронен и он сам был родом отсюда. И хотя он родился в этом городе, однако не принадлежал к тому племени, которое здесь живет, а был из племени, называющегося Чакатаи; они по происхождению Татары, и пришли в эту землю из Татарии, когда в прежнее время Татары покорили ее и стали над нею властвовать, как это будет вам после рассказано; и отсюда они получили название Чакатаи.

Отец Тамурбека был знатный человек из рода этих Чакатаев, но он был не богат и у него было не больше трех или четырех всадников, и жил он в одном селенье около этого города Кеша, потому что их знатные люди больше любят жить в селеньях и в поле, чем в городах. У этого

самого сына его в начале было только столько, чтоб содержать самого себя, да четырех или пятерых всадников. Это я вам пишу, как оно было рассказано посланникам в этом городе и в других местах с речательством за верность. Говорят, что он с помощью своих четырех или пяти слуг начал отнимать у соседей, один день барана, другой день корову, и когда это ему удавалось, он пировал со своими людьми. Частью за это, частью за то, что он был человек храбрый и доброго сердца и хорошо делился тем, что у него было, собрались к нему другие люди, так что наконец у него было уже триста всадников. Когда их набралось столько, он начал ходить по землям и грабить и воровать все что мог для себя и для них; также выходил на дорогу и грабил купцов. Известия о том, что он делал, дошли до Самаркандского царя, который владел этой землей, и он приказал убить его, где бы его ни нашли. При дворе царя жило несколько Чакатайских рыцарей из его рода; они так хлопотали за него перед царем, что он его простил и позволил привезти его и определить ко двору. Из этих рыцарей, которые выхлопотали ему прощение, двое теперь живут у него; одного зовут Омар Тобар, а другого Каладай-Шек; он сделал их важными лицами и владельцами больших имений. Рассказывают, что в то время как он жил у Самаркандского царя, царя так вооружили против него, что он хотел приказать убить его; но кто то предупредил его об этом, и он бежал со всеми своими людьми и принялся грабить по дорогам. Однажды он ограбил большой караван купцов и взял порядочную добычу. После этого он пошел в одну землю, которая называется землей Систанской, и нагнал там баранов, лошадей и всего что попало, так как эта земля очень богата стадами; в то время у него было уже около пятисот всадников. Узнавши об этом, жители Систана собрались против него. В одну ночь он напал на стадо баранов; и в это время пришли Систанцы, бросились на него и на его людей, многих убили, а его свалили с лошади, ранили его в правую ногу, от чего он остался хромым, также в правую руку, отчего он лишился двух маленьких пальцев, и оставили его, считая мертвым. Он поднялся как мог, и добрался до палаток

каких-то людей, которые кочевали в поле. Оттуда он после ушел, вылечился и снова стал собирать своих людей. Этого царя Самаркандского не любили его подданные, особенно простой народ и горожане и некоторые знатные люди. Стали говорить Тамурбеку, чтоб он убил царя и что ему дадут власть, и дело дошло до того, что раз, когда царь ехал в один город недалеко от Самарканда, Тамурбек бросился и напал на него; он убежал в горы и просил одного человека, чтоб тот его укрыл и вылечил, обещая обогатить его за это, и сейчас же дал ему кольцо, которое было у него на руке, и которое стоило очень много. Этот человек, вместо того, чтоб его укрыть, сказал об нем Тамурбеку; а тот сейчас же пришел и убил его. Потом он пошел на город Самарканд, взял его, сделался в нем царем и женился на жене царя. И теперь она считается его главной женой и называется Каньо, т.е. великая царица или великая императрица. После того он покорил царство Хорасанское, воспользовавшись враждой между двумя братьями, владевшими этим царством и привлекиши на свою сторону народ. Таким образом он соединил два царства: Самаркандское и Хорасанское; с этого он и начал. Один из тех, которые присоединились к Тамурбеку и помогали ему с тех пор, как только он начал возвышаться, был Чакатай из его рода, и принадлежал к самым доблестным из его сподвижников. Он женил его на своей сестре и сделал его важным вельможей и поставил над многими. У него родился сын, который называется Янса Мирасса и который теперь самый приближенный у царя, владелец обширных земель и многих людей, начальник царского войска, вроде коннетабля, так что, кроме царя, никто не имеет столько власти над войском как он, и народ и царское войско довольны им.

Причина, по которой Татары пришли в эту землю и назвались Чакатаями, вот какая. Уже очень давно был в Татарии царь, родом из Татарского города по имени Дорганчо, т. е. сокровище мира. Этот царь владел обширную землю, которую завоевал, и, умирая, оставил четырех сыновей, которых звали, одного Габуй, другого Чакатай, третьего Езбек, а четвертого Чаркас; все были сыновья одной

матери. Перед смертью отец разделил свои земли и дал каждому по части: сыну, которого звали Чакатай, он оставил царство Самаркандское и еще другую землю. Он завещал всем четырем братьям быть за одно и не враждовать, говоря, что в тот день, как между ними будет несогласие, они погибнут. Этот Чакатай был человек горячий, храбрый и мужественный. Между братьями началась зависть, потом пошли несогласия и они принялись воевать друг с другом. Когда Самаркандцы узнали об этом несогласии, они возмутились против него, убили его и многих его людей и поставили царя из своего племени. После этого Чакатай осталось в этой земле много людей, у которых были именья и дома, где они жили. Когда их царь был убит, то та-мошние люди стали называть этих оставшихся Татар Чакатаями; отсюда и получили они это имя. Из этого рода Татар Чакатаев, что остались там, вышел Тамурбек и другие Чака-тай, которые служат ему; и многие жители Самаркандской земли, хоть они вовсе не Чакатаи, приняли теперь это имя, потому что Чакатаи стали теперь очень знамениты.

Посланники остались в этом городе Кеш тот четверг, когда туда приехали, и пятницу до вечера; а вечером отправились и ночевали в одном селении. На другой день, в субботу, тридцатого числа августа месяца, они обидали в одном большом доме, принадлежавшем парю; этот дом стоял на равнине, на берегу реки, посреди большого и очень красивого сада. Потом они уехали оттуда и ночевали в одном большом селении, по имени Месер, от которого оставалось еще полторы лиги до Самарканда. Рыцарь, который сопровождал посланников, сказал им, что хоть они в тот же день могут поехать в город Самарканд, однако он не повезет их туда, не дав знать царю: что он пошлет к нему своего человека, известить его, что они придали; и в ту же ночь его человек отправился с этим известием. На другое утро он воротился с приказом: царь велел рыцарю взять посланников и посланника Вавилонского султана, который ехал вместе с ними, отвезти их в сад, бывшего возле этого селенья и ждать там, пока он пришлет сказать, что делать.

В воскресенье утром, тридцать первого числа августа месяца, посланников привезли в этот сад. Он был окружен глиняным валом и окружность его была вокруг вала в добрую лигу. В нем было много Фруктовых деревьев разного рода кроме лимонных и цитронных; было в нем шесть водоемов, а по середине шел поток воды, проходивший по всему саду. От этих водоемов от одного к другому шли точно дороги из высоких, больших и тенистых деревьев; посреди этих дорог поднимались точно ходы на возвышении, которые проходили по всему саду; от этих дорог шли другия вкось, так что по ним можно было ходить и осматривать весь сад; а от этих дорог шли еще другия. Был высокий земляной холм, насыпанный руками, ровный на верху, окруженный деревянными кольями. Посреди него стоял прекрасный дворец со множеством комнат, очень богато отделанных золотом и лазурью и полированными изразцами. Этот холм, на котором стоял этот дворец, был окружен глубоким рвом, полным водой, так как в него постоянно падает большой поток воды. Чтобы войти на этот холм, где стоял этот дворец, было два моста, один с одной стороны, а другой с другой; по ту сторону мостов было две двери, а потом лестница, по которой поднимались на верх этого холма, так что этот дом был крепостью. В этом саду были олени, которых царь велел напустить туда, и много фазанов. Из сада был вход в большой виноградник, тоже окруженный глиняным валом, такой же большой как и сад; около вала вокруг виноградника шел ряд высоких деревьев, которые казались очень красивы. Этот дом с садом называется Талисиа, а на их языке Кальбет. В этом саду посланникам было дано много мяса и всего что им было нужно. Они приказали поставить на лугу возле водоема палатку, которую везли с собою, и там стали ждать.

В четверг, четвертого числа сентября месяца, приехал в этот сад один рыцарь, родственник царя, который сказал посланникам, что царь занят теперь отправлением посланников царя Тортамышя, и что по этому он еще не привял их; но чтоб они не скучали и могли разоряться, он посылает его к ним и к посланнику султана, устроить праз-

дник и дать пир в тот же день. Привезли много баранов, сварили их и приготовили, изжарили лошадь, приготовили рис разным способом, привезли много плодов, и подали им обедать; а когда они кончили, то рыцарь подарил посланникам две лошади, камокановое платье и шапку. Посланники остались в этом саду с воскресенья, последнего дня августа, до понедельника, восьмого числа сентября месяца. В этот день царь прислал за ними, потому что, по своему обычаю, он принимает посланников только по прошествии пяти или шести дней, и чем важнее посланники, которые к нему приезжают, тем дольше он их не принимает.

В этот день, в понедельник восьмого сентября, посланники выехали из того сада и дома, где жили, и отправились в город Самарканди. Оттуда до города шла равнина, покрытая садами, домами и площадями, гди продавались разные вещи. Около третьего часа приехали они в большой сад с домом, где находился царь; это было вне города. Как только они приехали, их ввели в один дом, который стоял вне того сада, и к ним явились два рыцаря; сказали, чтоб они дали те подарки, что привезли царю, что они их приведут в порядок и передадут людям, которые отнесут их к царю; что таково приказание мирасс, приближенных к царю. Посланники должны были дать привезенные ими вещи этим двум рыцарям: те передали их на руки людям, которые должны были снести их в порядке к царю; и отдавши, они сами пошли с ними. То же самое должен был сделать и посланник султана с подарком, который он привез. Как только понесли эти вещи, посланников взяли за руки и повели. Входная дверь в этот сад была очень широкая и высокая, превосходно отделанная золотом, лазурью и изразцами; у этой двери стояло много привратников, вооруженных палицами, так что никто не смел подойти к двери, хотя бы было и много народу. Вошедши, посланники сейчас же увидели шесть слонов, на которых были поставлены деревянный беседки с двумя знаменами на каждом; на верху их сидели люди, которые заставляли слонов делать представлений перед народом. Их повели дальше и они увидели людей, которые несли те

вещи я подарки, что они дали, и держали их на руках хорошо разложенные. Потом посланников заставили пройти вперед подарков в подождать немного; затем прислали сказать, чтоб они шли. Все время они шли с теми двумя рыцарями, которые вели их под руки и с ними же был и посланник, посланный от Тамурбека к королю Кастилии; над ним смеялись все, кто его видел, потому что он был одет по-кастильски. Их привели к одному старому рыцарю, который сидел на возвышении; это был сын сестры Тамурбека, и они поклонились ему; потом их подвели к маленьким мальчикам, которые сидели на возвышении; это были внуки царя, и им они тоже поклонились. Тут у них спросили письмо, которое король посылал Тамурбеку, и они дали его; его взял один из этих мальчиков, как сказали, сын Миаша Мирассы, старшего сына царя; эти три мальчика тотчас же встали и понесли письмо к царю; потом сказали посланникам, чтоб они шли. Царь находился точно как будто на крыльце перед входной дверью в прекрасный дом, там стоявший; он сидел на возвышении, поставленном на земли, и перед ним был Фонтан, который бил вверх, а в фонтане были красные яблоки. Царь сидел на маленьком матрасе из вышитой шелковой материй, а локтем опирался на круглую подушку. На нем была надета одежда из шелковой материй, гладкой без рисунка, а на голове высокая белая шапка с рубином наверху, с жемчугом и драгоценными камнями. Как только посланники увидели царя, они поклонились ему, преклонивши правое колено и сложивши руки крестом на груди; потом подошли ближе и поклонились снова; потом поклонились еще раз и остались с преклоненными коленями. Царь приказал им встать и подойти ближе. Рыцари, которые держали их под руки, оставили их потому что сами не смели подойти ближе; и три мирассы, стоявшие у царского места, самые приближенные из всех, которых звали одного Шамелак Мирасса, другого Борундо Мирасса, а третьего Норадин Мирасса, подошли, взяли посланников под руки, подвели их к царю и поставили всех рядом на колина. Царь сказал, чтоб они подвинулись ближе для того, чтоб рассмотреть их хорошенько, потому что он не хорошо ви-

дел и был уже так стар, что почти не мог поднять вики; он не дал им поцеловать руки, потому что у них нет этого в обычае и они никакому великому царю не целуют руки; а не делают этого оттого, что вмиг о себе очень высокое мнение. После этого царь обратился к ним с вопросом: «Как поживает король мой сын? Каковы его дела? Здоров ли он»? Посланники отвечали ему и изъяснили вполне свое посольство; и он выслушал все, что они хотели сказать. Когда они кончили, Тамурбек обратился к рыцарям, сидевшим у ног его, из которых один был, говорить, сын царя Тохтамыша, бывшего царем в Татарии; другой был из рода царей Самаркандских, а прочие были важные лица из рода самого царя; и сказал им: «Посмотрите на этих посланников, которых посылает мне сын мой, король Испанский, первый из всех королей, какие есть у франков, что живут на конце света. Они в самом деле великий народ; и я дам мое благословение королю моему сыну. Довольно было бы, если б он прислал вас только с письмом, без подарков; потому что я также рад был бы узнать об его здоровье и состоянии, как и тому, что он присылает те подарки». Письмо, которое король прислал ему, внук царя держал высоко перед ним; магистр Богословия сказал через переводчика, что это письмо, которое ему прислал его сын король, никто не сумеет прочесть кроме него, и что когда ему угодно будет прослушать его, он его прочтет. Тогда царь взял письмо из рук своего внука, развернул его и сказал, что если б он захотел прочитать его сейчас. Магистр отвечал, что если его милости будет угодно (он готов). Царь сказал, что после он пришлет за ним, что они будут тогда одни на досуге в отдельной комнате, и там он прочтет и скажет, чего они хотят. Потом их подняли, повели и посадили на возвышении, которое стояло по правую руку царя. Мирассы, которые вели их под руки, посадили их ниже посланника, присланного Тамурбеку царем Чаисханом, владельцем Катая, которого он прислал для того, чтоб требовать дани, что он ежегодно платил. Когда царь увидал, что посланники сидят ниже посланника Катарского царя, он приказал сказать, чтоб их посадили выше, а того ниже их. Как только их посадили, подошел

один из царских мирасс и сказал Катайскому посланнику, что царь приказывает, чтоб посланники его сына; Испанского короля, который был его другом, сидели выше его, а он, посланник разбойника и злого врага его, чтоб сидел ниже их; что, если Богу будет угодно, он собирается скоро его повесить, чтоб он не смел в другой раз являться с таким посольством. С этих пор на всех праздниках и пирах, какие давал царь, их всегда усаживали в этом порядке. Объявивши это, сказал переводчику, чтоб он передал посланникам, что царь делает для них. Этот Катайский царь называется Чуйсхан, т. е. царь девяти царств; а Чакатаи называют его в насмешку Тангус, то есть царь Свинья. Он владеет обширною землею, и прежде Тамурбек платил ему дань, а теперь не хочет больше платить. Когда усадили в порядке посланников и многих других посланников, которые приехали туда из разных стран, и много других людей, подали баранину вареную, соленую и жареную и кроме того жареную конину. Эту конину и баранину когда приносили, клали на большие круглые золоченые кожи, с ручками, за которые их собирали, чтоб уносить. Когда царь потребовал мяса, слуги, которых было много, потащили эти кожи к нему, потому что нести их нельзя было, и на них было наложено столько мяса, что они совершенно разрывались. Когда они были шагах в двадцати от царя, явились резатели, чтоб разрезать мясо и стали на колени перед кожами; на них были надеты передники, а на руках кожаные рукава, чтоб не запачкаться. Они взяли это мясо и начали резать его на куски и класть в чашки золотые, серебряные и даже глиняные муравленные, и еще в другие, которые называются фарфоровыми и очень ценятся и дорого стоят. Самое почетное блюдо, что они приготовили, было целые лошадиные окорока от спины, но без ног; их они наложили на десять золотых и серебряных блюд; туда же положили бараньи окорока с верхними частями ноги, но без икр; в эти же блюда положили круглые куски лошадиных почек величиною в кулак и целые бараньи головы; потом таким же образом приготовили много других блюд, и когда сделали столько, что было довольно, поставили их рядами одни перед другими. Тогда пришли люди

с чашками бульону, положили в него соли и дали ей распуститься, а потом налили его немного на каждое блюдо как соус; за тем взяли тонкие хлебные лепешки и, сложивши в четверо, положили сверх мяса на этих блюдах. Когда это было сделано, мирассы и приближенные царя и другие знатные люди, которые там были, взяли эти блюда по двое и по трое, потому что один человек не мог бы их снести, и поставили их перед царем, перед посланниками и рыцарями, которые там были; а царь прислал посланникам два блюда из тех, что были поставлены перед ним, чтоб сделать им честь. Только что подали это мясо, сейчас же его приняли и подали другое. У них есть такой обычай, чтоб мясо, которое тут им подают, отсылать к ним домой, и если этого не сделать, то это считается большим оскорблением; этого мяса принесли столько, что на удивление. Кроме того есть обычай, когда принимают мясо от посланников, то отдают его унести их людям, и столько этого мяса наставили пред людьми посланников, что если б они захотели взять его, им бы хватило на полгода. Когда вареное и жареное было убрано, подали много соленой баранины и сосисек и других блюд, приготовленных разным образом. После того подали много плодов, дынь, винограду и персиков; и дали пить из золотых и серебряных кринок или кувшинов кобылье молоко с сахаром, очень вкусное питье, которое они готовят на летнее время. По окончании пира, перед царем прошли люди, державшие в руках подарки, которые ему прислал король, и также подарки, присланные Вавилонским султаном; кроме того провели перед царем почти триста лошадей, которых он получил в тот день в подарок. Когда это было кончено, посланников подняли и увели, и приставили к ним рыцаря, чтоб заботиться об них и стараться, чтоб у них было все что им нужно. Этот рыцарь был главный царский привратник. Он отвез их и посланника султана в помещение, которое было близко от того дома, где жил царь и при котором был сад и много воды в нем. Когда посланники уехали от царя, он приказал принести себе подарки, которые ему прислал король, принял их и остался ими очень доволен. Ескарлатами он сейчас же разделился со

своими женами и особенно со своей главной женой, которую звали Каньо и которая была с ним в этом саду. Подарка же, который ему прислал султан, и других, которые ему поднесли в этот день, он не принял и их возвратили тем людям, чтоб они их спрятали; они взяли и берегли их три дня, пока царь не прислал взять их; потому что такое у него обыкновение, чтобы не принимать подарков до третьего дня. Этот дом и сад, где царь принял посланников, называется Диликаша, и в этом саду было поставлено много палаток, шелковых и разных других. Царь остался тут в этом доме, с садом до следующей пятницы, а в пятницу уехал оттуда и отправился в другой очень богатый дом с садом, который он тогда строил, и который назывался Байгинар.

В следующий понедельник, пятнадцатого числа сентября месяца, царь отправился из этого дома с садом в другой, который был чрезвычайно красив. У этого сада были высокие и красивые ворота, сделанные из кирпича и отделанные изразцами, лазурью и золотом на разные лады. В этот день царь приказал устроить большой праздник и пригласить посланников, много мужчин и женщин, его родственников и других гостей. Этот сад очень велик; в нем было много деревьев и плодовых, и других, которые дают тень; в нем были дорожки и ходы окруженные забором, по которым ходили люди. В саду было раскинуто много палаток и навесов из цветных ковров и других из разноцветных шелковых тканей, вышитых вставленными кусками и другим обыкновенным способом. Посреди сада стоял очень красивый дом, построенный крестообразно и украшенный богатыми занавесями. В самом доме было три точно алькова, чтоб поставить постели или возвышения, и пол и стены были покрыты изразцами; как входишь, прямо был самый большой из этих альковов и в нем стоял серебряный позолоченный стол высотой в человеческий рост, а шириною локтя три; перед ним стояла постель из маленьких матрасов из камокана и из других шелковых тканей, вышитых золотом, положенных один на другой на полу; тут садился царь; стены были убраны занавесями из шелковой ткани розового цвета. Эти зана-

веси были отделаны серебряными позолочеными бляхами с изумрудами, жемчугом и другими камнями очень хорошо вставленными. Сверху их висели вниз куски шелковой ткани, шириной в пальмо, доходившие донизу, и отделанные так же как и занавеси; а от этих кусков висели шелковые разноцветные кисти, и когда их касался ветер, оне качались в разные стороны, что было очень красиво. Перед дверью в этот альков, которая была в форме арки, была такая же занавись, так же отделанная, висевшая на палках в роде копий, а от них висели шелковые шнурки с большими кистями, который доходили до земли. Другие альковы были убраны другими подобными занавесями, а на полу были ковры и рогожки. Посреди этого дома перед дверью стояли два золотых стола, каждый на четырех ножках; и столы и ножки составляли одно целое: они были длиной каждый пальмов в пять, а шириной пальма в три; на них стояло семь золотых кувшинов, два отделаны крупным жемчугом, изумрудами и бирюзой, которые были вправлены в них с внешней стороны, а у каждого из них возле отверстия был рубин. Кроме того было шесть круглых золотых чашек; одна из них была отделана с внутренней стороны крупным, круглым и светлым жемчугом, а по середине был вправлен рубин, шириною в два пальца и настоящего хорошего цвета. На этот праздник от имени царя были приглашены посланники. Когда их приехали приглашать туда, где они жили, с ними не было их переводчика и они стали ждать его; когда же приехали, то царь уже пообедал, и приказал сказать им, что в другой раз, когда он будет приглашать их, они должны приехать сейчас же, а не ждать переводчика; что в этот раз он их прощает, потому что он делает этот праздник для них, чтоб они увидели его дом и придворных и любовались всем. Царь очень разгневался на своих мирасс за то, что посланники не успели на праздник и за то, что переводчик не был с ними и вместо него не пришли мирассы, которые управляли его домом. Послали за переводчиком и сказали ему: «Вот из-за тебя царь разгневался и был недоволен, за то что ты не был с посланниками франков! Чтоб ты исправился и научился быть всегда готовым к делу, мы прика-

зываем проткнуть тебе ноздри, продернуть в них веревку и тащить тебя по всей орди, чтоб ты исправился». И не успели это сказать, как уже другие люди держали его за ноздри чтоб проткнуть; но рыцарь, который по приказанию царя привез посланников, и который был тут, стал просить чтоб его помиловали, и спас его от этого приговора. А царь послал сказать посланникам в их помещение где они жили, что так как они не были на празднике, то он желает, чтоб они получили свою часть, и прислал им пять баранов и два больших кувшина вина. На этот праздник собралось много народу, как женщин, так и важных лиц из свиты его и много других людей. И хотя посланники не видали ни этого дворца, ни сада, ни комнат его, однако все это видели некоторые из их людей; потому что их возили туда, чтоб они могли все видеть и всем любоваться.

В следующий понедельник, двадцать второго числа сентября месяца, царь отправился из этого дворца в другой, тоже дворец с садом. Он был окружен высокой четырехугольной стеной, и на каждом углу стояла высокая круглая башня; стена была очень высока и такой же работы, как и башни. По середине стоял большой дом, построенный крестообразно, с большим водоемом перед ним; дом был гораздо больше, тем в других садах, которые они видели до тех пор, и отделан богаче золотом и лазурью. Все эти дворцы с садами были вне города; этот назывался Багино. Здесь царь устроил большой праздник, на который были позваны посланники и собралось много народу. И на этом пире царь приказал, чтоб пили вино, и пил его и сам; так как они не смеют пить его ни в обществе, ни дома без его позволения. Они дают вино прежде еды и подают его столько раз и так часто, что делаются пьяны; и для них праздник не в праздник и веселье не в веселье, если они не напьются пьяны. Те которые подают, стоят на коленях, и как только кто-нибудь выпил чашу, сейчас подают ему другую; у них нет другого дела, как только подавать еще, когда выпьют; когда один устанет наливать, приходит другой, и только и делает, что наливает; и не думайте, что один подает многим; нет, только одному или двум, для того чтоб заставить их пить больше. А если кто не хочет

пить вина, тот, говоря, оскорбляет царя, потому что все пьют по его желанию; даже делают больше: чаши наливают полные, и никто не смеет недопить; если кто не допьет, то у него не берут чаши из руки и заставляют допить; и пьют из одной чаши по одному и по два раза. А если предложат выпить вино за здоровье паря, или станут заклинать головою царя, то тогда должно выпить все и не оставлять ни одной капли. Кто делает так и больше пьет вина, про того говорят, что он багадур, что у них значит доблестный человек. А кто отказывается пить и говорить, что не хочет, того заставляют насильно, хотя бы он и не хотел. В этот день, прежде чем посланники приехали к царю, он прислал к ним одного своего марассу и с ним прислал кувшин вина и велел сказать, что он их просит выпить этого вина столько, чтоб, когда они придут к нему, быть веселыми. По приезде к царю, их посадили так же как и в первый раз; питье продолжалось долго; потом принесла мясо; тут было много жареной конины в вареной и жареной баранины; потом соленое и много рясу, приготавливаемого по их обычаю разным способом. Когда поели, один из царских мирасс пришел с серебряной чашей в руках, полной серебряных монет, которые они называют тага, и рассыпал их над посланниками и над другими гостями; а рассыпавши сколько хотел, взял те, что оставались в чаше и бросил их в поды посланникам. После того царь приказал одеть посланников в камокановые платья; они преклоняли пред ним колена три раза по их обычаю, и он приказал сказать, чтобы на следующий день они приехали обедать к нему.

На следующий день, двадцать третьего сентября месяца, царь отправился в другой дворец с садом, который был недалеко от этого, что назывался Диликая, Здись он дал другой пир, на который собрались многие из его царского войска, которым он велел приехать туда, так как они жили в других местах. На этом праздник были и посланники. Этот сад и дворец были очень красивы, и царь на этом пиру был очень весел и пил вино, и он сам, и все, которые были при нем. Мяса было очень много по их обычаю, конины и баранины. Когда кончили обедать, царь

приказал дать посланникам камокановые платья, и потом они вернулись в свое жилище, которое было очень близко от того места, где находился царь. На этих праздниках собиралось столько народу, что, приближаясь к тому месту, где был царь, невозможно было бы идти, если бы телохранители, которые были при посланниках, не расчищали для них место; а пыли было так много, что лица и платья, все было одного цвета. Перед этими садами были обширные поля, и по ним шла река и много каналов; в этих полях царь приказал поставить много палаток для себя и для своих жен, и приказал всему своему войску, которое было рассеяно на станах и полях его земли, собраться сюда, каждому на свое место, и поставить палатки, и прийти со своими женами на те праздники и свадьбы, который он хотел устроить. Когда были поставлены палатки царя, уже всякий знал, где должен поставить свою палатку; от старшего до младшего всякий знает свое место, и все делается в порядке и без шума; и не прошло трех или четырех дней, как вокруг царских палаток стояло уже почти двадцать тысяч, и каждый день то и дело что приходили с разных мест. С этой ордой его всегда идут мясники и повара, которые продают вареное и жареное мясо, и другие люди, которые продают ячмень и плоды, и хлебники, которые ставят свои печи, месят и продают хлеб. Всяких ремесленников и мастеров какие им нужны, можно найти в орде, и все распределены по отдельным улицам. Этого мало: они везут с собою всюду, куда идет войско, бани и банщиков, которые ставят палатки, устраиваясь дома для железных т.е., горячих бань, с котлами внутри, в которых держат и греют воду, и все что нужно. Таким образом, когда кто приходил, то уже знал где ему быть. Царь приказал перевезти посланников в дом с садом, который был недалеко от его орды, чтоб они были поближе; этот дом с садом принадлежал царю.

В понедельник, двадцать девятого числа сентября месяца, царь отправился в город Самарканд и остановился в одном доме, который был у самого входа в город. Этот дом царь устроил в честь матери своей жены Каньо; эта мать жены его была похоронена в часовне, которая находилась

внутри этого дома; этот дом был очень богат и с большим убранством; они не имеют обыкновения делать много убранства в своих домах, но в этом было много; он еще не был окончен, и в нем работали каждый день. В этот день царь приказал устроить большой пир и велел пригласить посланников. Он приказал сделать пир в этот день. потому что хотел принять посланников, приехавших к нему из одной земли, которая граничит с царством Китайским и прежде принадлежала к Китайскому царству. Эти посланники приехали в этот день туда и они были одеты таким образом: на самом главном из них было что-то вроде кафтана из меха, мехом вверх, и мех был скорее старый, чем новый; на голове у него была маленькая шапочка и шнурок на груди; шапочка была так мала, что с трудом могла влезать ему на голову на столько, чтоб не упасть с головы. И все, которые приехали с ним, были одеты в меха, иные мехом вверх, а другие внутрь, и были так наряжены, что казались кузнецами, которые только что работали железо. Они привезли царю в подарок неотделанные меха куны, соболя, белые лисы и соколов. Они были христиане в род Китайских. Их посольство было для того, чтобы просить у царя, чтоб он дал им в правители и цари одного внука царя Тохтамыша, бывшего царем в Татарии и находившегося при нем. Царь в этот день долго играл в шахматы с некоторыми Зайтами; Зайтами называются люди, которые происходят из рода Магомета. В этот день он не захотел принять подарки от этих посланников, однако их принесли к нему и он их посмотрел.

В четверг, второго октября, царь прислал к посланникам в сад, где они жили, рыцаря, который был его главным привратником; он сказал им, что царь велел передать, что он знает очень хорошо, что франки пьют вино каждый день, но что теперь, перед ним, они не пьют в волю, когда он их угощает; поэтому он посылает его к ним, чтоб он приготовил у них пир и дал вина, чтоб они пили и ели в волю; и для того посылает им десять баранов и лошадь для угощения и меры вина. Когда кончился этот пир, и было выпито вино, посланников одели в камокановыя пла-

тя, рубашки и шапки, и привели им еще лошадей, присланных им царем в подарок.

В понедельник, шестого числа октября месяца, царь устроил большой праздник на том месте, где стояла его орда, как они называют стан. Он приказал, чтоб все его родственники и жены, жены его сыновей и внуков, бывших там, его приближенные мирассы и все его люди, которые были рассеяны по полям, собрались и оставались там, пока он прикажет. В этот день посланников привезли туда, где стояла орда. Приехавши, они увидали много прекрасных палаток, из которых большая часть стояла на берегу реки: он были очень красивы на вид и стояли очень близко одна к другой. посланников повели по улицам, где продавались разные вещи, необходимый для войска, когда оно идет в поход. Когда они были уже близко от того места, где находились царския палатки, их поместили под навес, сделанный из белой льняной ткани, вышитой тканями других цветов; он был длинный и был поднят вверх на двух палках и на шнурках, на которые была натянута. По полю видно было много таких навесов; их делают такими длинными и высокими, чтоб заслонять от солнца и пропускать воздух. Недалеко от этих навесов стоял большой и высокий павильон, сделанный в род палатки, но только квадратный и такой високий, как три копья, если не больше; бока его не доходили до земли почти на расстоянии копья; в ширину в нем было сто шагов; он был четырехугольный, а потолок был круглый, как свод, и опирался на двенадцать столбов, каждый толщиной в грудь человека; он был разрисован лазурью и золотом и другими цветами. От угла до угла было три столба и каждый был сделан из трех кусков, скрепленных в одно; когда их ставили, то поднимали с помощью колес, как у телеги, я ворота; в разных местах их скрепляли ободья, которые и помогали поднимать их. С верхнего свода, где был потолок, до низу спускался кусок шелковой ткани по каждому столбу; эти куски привязывались к столбам в когда они были прикреплены таким образом, то от одного конца к другому образовывалась арка. С вишней стороны этого квадрата было точно крыльце, тоже четырехугольное и

вверху соединенное с самым павильоном; это крыльце поддерживалось двадцатью четырьмя столбами, не такими толстыми, как те, что в средин, так что всех столбов в этом павильоне было тридцать шесть. Он натягивался на верное сотнями пятью цветных шнурков. Внутри он был покрыт, красным ковром, а в нем были сделаны вставки, разнообразно и красиво вшитые из других шелковых тканей разных цветов и в некоторых местах прошитые золотыми нитками. Посреди потолка была самая богатая работа, а по четырем углам его были изображены четыре орда со сложенными крыльями. С внешней стороны этот павильон был покрыт шелковой тканью с белыми, темными и желтыми полосами, похожей на сарсан; на каждом углу павильона поднимался вверх столб и на каждом столбе было медное яблоко и над ним изображение луны. Над самым высоким местом павильона поднимались другие четыре столба выше первых, и на них были тоже яблоки и большие луны; а между этими столбами над павильоном стояла башня с разнообразными зубцами из шелковой ткани, с дверью, через которую можно было войти в нее. Когда ветер приводил в беспорядок павильон и столбы, люди всходили на верх и шли по ней, куда было нужно; она была так высока, что издали казалась замком. Так велик, так высок и обширен был этот павильон, что на него нельзя было смотреть без удивленья, и красоты в нем было гораздо больше, чем возможно описать. В этом павильоне с одной стороны было возвышение из ковров, и на них положено три или четыре матраца один на другой: это возвышение было для царя; по левую руку стояло другое возвышение из ковров немного в стороне от первого; а возле него было еще одно пониже. Вокруг этого павильона была ограда, как возле города или замка, из шелковой разноцветной ткани, вышитой вставками разным образом, с зубцами наверху и со шнурками с внутренней и с внешней стороны, которыми она сдерживалась; внутри же были столбы, поддерживавшие ее. Эта ограда была круглая, около трехсот шагов ширины; а стена была высотой с человека на лошади; в ней был очень высокий вход, сделанный в виде арки, с дверями внутрь и наружу той же

самой работы как и ограда; и одна дверь запиралась. Над входом была четырехугольная башня с зубцами, и хоть ограда эта была сделана со многими узорами и переплетениями, но дверь, арка и башня были еще лучшей работы, чем все другое. Эта ограда называется Салапарда. Внутри этой ограды было много палаток и навесов, разнообразно устроенных. Между ними была одна очень высокая палатка, которая не была натянута веревками; она была круглая в стены ее состояли из палок, толщиною в копьё или немного больше, которые переплетались между собою как сеть; над ними возвышался точно купол, тоже из палок, и очень высокий; стены и купол были связаны между собою лентами, шириною в руку, который доходили до низу и там были привязаны к кольям, стоявшим возле стен палатки. Эта палатка была так высока, что нельзя было не удивляться, что она держится только с помощью этих лент. Сверху она была покрыта красным ковром, а снизу подбита хлопчатой бумагой как одеяло, чтобы солнце не могло проходить; на ней не было никаких вышивок, ни узоров, кроме того, что с внешней стороны ее опоясывали белые полосы, которые перекрещиваясь шли вокруг нее; эти полосы были покрыты позолоченными серебряными бляхами величиною в руку, в которые были вправлены разным образом камня; вокруг всей палатки по середине шла опоясывавшая ее полоса белого полотна, сложенная мелкими складками, как оборка на юбке, и вышитая золотыми нитками; когда дует ветер, складки этого полотна развевались в разные стороны, и это было очень красиво. В ней был высокий вход с дверью, сделанной из тоненьких палочек и покрытой красным ковром. Возле этой палатки была другая, очень богатой работы, натянутая веревками, из красного бархатного ковра. Тут же было еще четыре палатки, соединенный одна с другой, так что из одной можно было проходить в другую, и между ними шла точно улица; сверху они были покрыты. Внутри этой ограды было много других разных палаток. Как раз возле ограды была другая такая же большая из шелковой материй, сделанная так, что казалась точно из изразцов и в ней были в некоторых местах окошки с дверцами, но в них нельзя

было войти, потому что в них были сети, сделанные из узеньких шелковых ленточек. Посредине этой ограды была другая, очень высокая палатка, сделанная так же как и первая, из красной такой же ткани и с такими же серебряными бляхами. Эти палатки были вышиною в три копья, если не больше; на куполе, на самом верху палатки был сделан очень большой серебряный позолоченный орел с распушенными крыльями, а пониже его, на расстоянии полутора браса выходили из палатки три серебряные позолоченные сокола, один с одной стороны, а другой с другой, правильно расположенные; у этих соколов были распушены крылья, как будто бы они хотели лететь от орла; носами они были обращены к орлу и крылья у них были распушены; а орел точно хотел напасть на одного из них; этот орел и сокола были очень хорошо сделаны и так поставлены, что представлялись прекрасным указанием. Перед дверью этой палатки был навес из шелковой разноцветной ткани, который бросал тень возле двери и охранял ее от лучей солнца; и смотря по тому, куда шло солнце, туда же передвигался и навес, так что он постоянно защищал палатку от света. Первая ограда и палатки принадлежали первой, главной жене паря, которую звали Каньо; а эта другая принадлежала второй жене, которую звали Кинчикано, то есть малая царица. Возле этой ограды стояла другая из ткани другого рода с многими палатками и нависами; посредине ее стояла палатка, сделанная так же как те, что я вам описал. Этих оград, который они называют Калапарда, было одиннадцать, одна возле другой, каждая своего цвета и своей отделки; в каждой из них была большая палатка, не натянутая веревками, покрытая красным ковром, и устроенная одна как другая; и в каждой было много палаток и навесов. От одной ограды до другой расстояние было не шире улицы; они все стояли рядом, и это было очень красиво. Эти ограды принадлежали женам царя и женам внуков его; они и жены их живут в них, как в домах, и зимою и летом. Около полудня царь вышел из одной из этих оград, вошел в тот большой павильон и приказал войти туда посланникам; тут он дал им большой пир со множеством баранины и конины; а когда пир кончился, посланники отправились к себе домой.

В следующий вторник, седьмого числа октября месяца, царь приказал устроить другой большой праздник в своей орде; на этом празднике были и посланники, и он был устроен в одной из тех оград, о которых вы слышали. Он приказал привести туда посланников; они застали его в большой палатке, и он велел им войти туда же, и по своему обычаю дал большой пир. Когда обед был кончен, двое самых приближенных людей к царю, которые управляли его домом и которых звали одного Шамедик Мирасса, а другого Норадин Мирасса, сделали дарю подарок и поднесли его ему. Этот подарок состоял из нескольких серебряных блюд на высоких ножках, в которых были сласти, сахар, изюм, миндаль в Фисташки; и на каждом блюде был кусок шелковой ткани. Эти блюда были принесены по девяти; потому что по их обычаю подарки царю делаются так чтобы в них были девятки: всего по девяти вещей. Этим подарком царь разделился с рыцарями, которые были при нем; а посланникам приказал дать два блюда, из тех на которых была шелковая ткань. Когда начали вставать, то стали бросать в народ серебряный деньги. и тоненькие золотые бляшки с бирюзой по середине. Кончивши пир, все разошлись по своим помещениям.

* * *

В пятницу, первого числа ноября месяца, посланники отправились к царю, следуя его приказанию и думая, что он их отпустить. Они нашли его в том доме с мечетью, который он приказал построить и в котором тогда шли работы; пробыли там с утра до самого полудня, когда царь вышел из палатки и вошел на возвышение поставленное на площади. Туда принесли много мяса и плодов, и когда все это было съедено, он приказал сказать посланникам, чтоб они отправлялись и извинили его, что он не может переговорить с ними в этот день, так как должен проводить своего внука Пир Магомета, называвшегося царем Индейским, и отослать его назад в ту землю, откуда он его призвал. В этот день он подарил много лошадей, оружия и одежд и ему и рыцарям, приехавшим в свите его.

На другой день, в субботу, посланники опять поехали к царю, как он приказал; но царь не вышел из палатки,

потому что чувствовал себя нездоровым. Посланники остались там до полудня, когда он по обыкновению выходил на площадь; тогда один из трех приближенных царя вышел и сказал, чтоб они отправлялись, так как царя нельзя видеть, и они возвратились домой.

В следующее воскресенье посланники опять приехали туда где был царь, узнать, не призовет ли он их чтоб отпустить, и остались там довольно долго. Три мирассы, самые приближенные к царю, увидевши посланников спросили, кто велел им приехать, и сказали, чтоб они отправлялись домой, потому что царя нельзя видеть; затем они приказали привести того рыцаря, который был приставлен к посланникам, спросили его, зачем он привел их, и хотели велеть проткнуть ему ноздри; но он доказал, что не звал посланников, и даже не видал в тот день, и этим избавился от наказаний; ему дали только довольно много палок. Это делали мирассы, потому что царь был очень болен, и весь его дом, люди и жены были в большом смятении; а те мирассы, которые заведовали его домом и были чем то в роде правления, не могли сами решать дела; они то и приказали сказать посланникам, чтоб они отправлялись домой и оставались в покой пока их не позовут.

В то время как посланники жили таким образом, что ни царь не посылал за ними, ни сами они не смели идти к нему, явился к ним один Чакатай и объявил, что царские мирассы велели сказать им, чтоб они собрались к отъезду на следующее утро, и что он отправится с ними, с посланником Вавилонского султана, с Турецкими посланниками и с посланником Карва Томан Улглана, которые там были. Он сказал, что они поедут вместе до Туриса и он будет заботиться, чтоб им везде, во всех городах и местечках до самого Туриса, приносили кушанье и все что нужно, давали лошадей и всего по приказанию мирасс; а там их отпустит Омар Мирасса, внук царя, и отошлет каждого в свою землю. Посланники возразили, что царь не давал им позволения ехать и не дал даже ответа их государю королю: как же они могут поступить так; но он отвечал, что об этом нечего говорить, так как мирассы уже решили это; чтоб они приготовлялись, и что так же сделают и все дру-

гие посланники. Тогда посланники сейчас же отправились в царский дворец в явились к мирассам, говоря им, что ведь они знают, что царь своими устами сказал им в прошлый четверг, чтоб они пришли к нему, так как он хочет переговорить с ними и отпустить их, а теперь к ним пришел один человек и передал от их имени, чтоб они готовились к отъезду на следующее утро, чем они очень удивлены. Мирассы отвечали им, что царя нельзя видеть, нельзя быть у него, и что они должны уехать, как им было прислано сказать; что уже решено их отпустить. Это они делали оттого, что царь был очень болен, лишился языка в был уже при смерти, как им сказали люди, знавшие это наверное; и их торопили для того, чтоб они уехали прежде, чем станет известно об его смерти, и не рассказывали об ней по тем землям, по которым поедут. И сколько посланники ни доказывали мирассам, что им не следует ехать так, без всякого отвита от царя к королю их государю, они отвечали, что об этом нечего толковать, что во всяком случае они должны отправляться, и что к тому же назначен человек, который должен проводить их. Таким образом они пробыли до понедельника, а во вторник, восемнадцатого числа ноября месяца, мирассы прислали им с тем Чакатаем, что должен был их провожать, четыре грамоты, по которым им должны были выдавать каждому по лошади в тех четырех городах, через какие им надо было ехать. Этот Чакатай сказал им, что мирассы велели им сейчас же уезжать; но они отвечали, что не поедут, не увидавши царя и не получивши от него письма; тогда он сказал, что если бы они и не хотели, то все таки волей неволей должны ехать. Таким образом в этот день им пришлось выехать оттуда, где они жили, и они переехали в один сад недалеко от города вместе с посланником Вавилонского султана, так как он жил вместе, с ними, и со стражами, которые должны были их сопровождать; тут они остановились, чтоб подождать Турецких посланников. Они пробыли в этом саду тот вторник когда приехали, среду, четверг и пятницу; а в пятницу двадцать первого числа ноября месяца, все посланники собрались и выехали из Самарканда.

Теперь, рассказавши, что случилось с посланниками в городе Самарканде, я опишу самый город и царство, и то что царь сделал, чтоб его возвеличить.

Город Самарканд лежит на равнине и окружен земляным валом и глубокими рвами; он немного больше города Севильи (т.е. то, что внутри вала), а вне города построено много домов, присоединяющихся к нему как предместья с разных сторон. Весь город окружен садами и виноградниками, которые тянутся в иных местах на полторы лиги, а в иных на две, и стоит посреди них; промежду этими садами есть улицы и площади очень населенный, где живет много народу и продается хлеб, мясо и многое другое; так что то, что выстроено вне вала, гораздо больше того, что внутри. В этих садах, находящихся вне города, есть много больших и важных домов, и у самого царя там есть дворцы и главные кладовые. Кроме того у многих знатных горожан есть в этих садах дома и помещения. Столько этих садов и виноградников, что когда приезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев, и посреди его самый город. По городу и по садам идет много водопроводов. Промежду этими садами разведено много дынь и хлопка. Дыни в этой стране очень хороши и обильны. Около Рождества у них бывает столько дынь и винограду, что удивительно: каждый день приезжают верблюды, нагруженные дынями, в таком количестве, что нельзя не изумляться, как они продаются и потребляются; а в селеньях их столько, что их сушат в сохраняют как фиги, и держать их до другого года. Сушат их таким способом: режут поперек большими кусками, срезают кожу и кладут на солнце; а когда высохнуть, складывают их вмести, кладут в мишки и так берегут до следующего года. Вне города есть большие равнины, на которых находятся большие и многолюдные селенья, где царь поселил людей, присланных им из других покоренных им стран.

Эта земля богата всем, и хлебом, и вином, и плодами, и птицами, и разным мясом; бараны там очень большие и с большими хвостами: есть бараны с хвостами весом в двадцать фунтов, столько сколько человек может удержать в руке. И этих баранов столько, и они так дешевы, что ког-

да царь был там со всем своим войском, пара их стоила дукат. Другие товары были тоже так дешевы, что за одно мери, которое стоит полреала, давали полторы фанеги ячменю. Хлеб так дешев как нельзя больше, а рису просто нет конца. Так изобилен и богат этот город и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться; и за это богатство он и был назван Самаркандом. Настоящее имя его Симескинт, что значить богатое селенье, так как симес у них значит большой, а кинт — селенье; и отсюда взялось имя Самарканд. Богатство его заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях, атлас, камокан, сендале, тафте и терсенале, которых там делается очень много, в подкладках из меха и шелка, в притираньях, пряностях, красках золотой и лазоревой и в разных других произведениях. По этому царь так хотел возвеличить этот город, и какие страны он ни завоевывал и ни покорял, отовсюду привозил людей, чтобы они населяли город и окрестную землю; особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам. Из Дамаска привез он всяких мастеров, каких только мог найти: таких, которые ткут разные шелковые ткани, таких, что делают луки для стрельбы и разное вооружение, таких, что обрабатывают стекло и глину, которые у них самые лучшие во всем свете. Из Турции привез он стрелков и других ремесленников, каких мог найти: каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось; и столько их привез, что каких угодно мастеров и ремесленников можно найти в этом городе. Кроме того он привез инженеров и бомбардиров и тех, которые делают веревки для машин; они посияли коноплю и лен, которых до тех пор не было в этой земле. Столько всякого народу со всех земель собрал он в этот город, как мужчин, так и женщин, что всего, говорят, было больше полутора ста тысяч человек. Между ними было много разных племен: Турок, Арабов и Мавров и других народов, Армянских Христиан, и Греков католиков, и Наскоринов, и Якобитов, и тех Христиан, которые совершают крещение огнем на лице, и имеют некоторые особые понятия. Этого народу было столько, что он не мог поместиться ни в городе, ни на площадях, ни на улицах,

ни в селеньях; и даже вне города, под деревьями и в пещерах его было удивительно как много. Кроме этого город изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран: из Руси и Татария приходят кожи и полотна, из Китая шелковые ткани, которые в этой стране приготавливаются всего лучше, особенно атласы, считающиеся лучшими в мире; а самые лучшие те, которые без узоров. Кроме того привозится мускус, которого нет нигде на свете кроме Китая; рубины и брильянты, так что большая часть тех, которые есть в этой стране, привозится оттуда; жемчуг, ремень и много разных пряностей. То, что идет в этот город из Китая, дороже в лучшем всего, что привозят из других стран. Жители Китая считают себя самыми искусными людьми во всем мире; они говорят, что у них два глаза, что Мавры слепые, а у Франков один глаз; и что во всем, что они делают, они превосходят все народы в свете. Из Индии в этот город едут мелкие пряности, т. е. самый лучший сорт: мускатные орехи, гвоздика, мускатный цвет, корица, инбирь, цвет корицы, манна и разные другие, которые не отправляются в Александрию. В городе есть много площадей, где продают мясо, вареное и приготовленное разным образом, и кур и птиц, очень чисто приготовленных, также хлеб и плоды, все в большой чистоте; эти площади и днем и ночью полны и на них идет постоянно большая торговля. Также есть много мясных, где продают мясо, и кур, и куропаток, и Фазанов, и все это можно найти днем и ночью. В конце города стоит замок, с внешней стороны как будто на плоском пространстве, но окруженный очень глубоким рвом, который образуется ручьем, и от этого рва замок делается неприступным. В нем царь хранил свою казну, и туда не входил никто, кроме алькада и его людей; в этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы, и круглый год работали для него. Когда царь выехал из этого города воевать в Турцию и разрушил Дамаск, он приказал, чтобы все те, которые должны были идти в его войске, взяли с собою своих жен; что если их оставить, то он даст им позволение делать что хотят. Это он сделал потому, что намеревался быть в от-

сутствии семь лет, воюя со своими врагами; и обещал и поклялся не вступать в этот город, пока не пройдет семь лет. Теперь, когда он возвратился в этот город, приехали к нему посланники от императора Китайского, сказать, что ведь ему известно, что эта земля дана ему в управление, и за это он должен платить дань каждый год; а теперь вот уж семь лет он не платил, так не угодно ли ему заплатить. Он отвечал, что это правда и он заплатить дань, но не хочет отдавать ее им, чтоб они не завладели ею дорогой, а сам привезет ее; это он говорил шутя, потому что не имел намерения платить дань. И теперь уже около восьми лет, что она не плачена, и император Китайский не присылал за ней; а причина тому, что он за этой данью не присылал, вот какая.

Император Китайский умер и оставил трех сыновей, которым отдал свои земли и владения. Старший захотел отнять земли у двух других и убил младшего, а средний начал войну с ним и победил его. Старший с отчаяния, что потерпел неудачу в войне с тем, который моложе его, поджег свой стан и сгорел со множеством народу, а средний остался царем, Восстановив спокойствие во всей земле, он послал тех посланников к Тамурбеку, чтоб он дал ему дань, которую давал его отцу; этих то посланников Тамурбек хотел повысить, как мы уже слышали, и не знаем, что теперь сделает царь Китайский, ответит ли он на это оскорбление, или нет.

От города Самарканда до главного города Катая, который называется Камбалеком, самого большого города во всем царстве, шесть месяцев пути, и в продолжение двух месяцев из этих шести не встречается никакого поселения кроме пастухов, которые ходят по полю со стадами. В этот год, в июне месяце, из Камбалека в Самарканд пришло почти восемьсот верблюдов, нагруженных товарами. И когда Тамурбек приехал теперь в Самарканд, то, рассердившись на то, что ему сказали Китайские посланники, он велел задержать этих верблюдов и не пускать их. Наши посланники виделись с людьми, которые пришли с этими верблюдами, и они рассказывали им чудеса об огромном множестве людей и земли, которыми владел царь Китайс-

кий. Больше всего виделись они с одним человеком, который рассказывал, что он прожил шесть месяцев в Камбалеке. Он говорил, что Камбалек стоит на берегу моря, и что он будет в двадцать раз больше Тауриса; (по этому можно судить, что) он больше всех городов на свете, так как Таурис больше лиги в длину, а он, значить, будет двадцать лиг. Говорят, что у Китайского царя столько войска, что когда он его собирал, чтоб идти на войну из своего царства, то кроме того, что отправлялось с ним, оставалось охранять землю более четырех сот тысяч всадников. Кроме того рассказывали, что в царстве Китайском такой обычай, что только тот может ездить верхом, у кого есть своих тысяча человек; и таких удивительно много. Такие и другие подобные чудеса рассказывал он об этом городе и об этой стране. Этот Китайский император прежде был язычником, а потом обратился в христианскую веру.

В то время как наши посланники были в Самарканде, совершилось семь лет, до истечения которых Тамурбек обещал не вступать в замок Самаркандский, где он хранил свою казну; и он вступил в него с таким торжеством и веселием, что на удивление. Он приказал нести перед собой все оружие, которое сработали пленники после того, как он уехал из города. В числе этого оружия несли три тысячи пар лат, украшенных красным сукном, очень хорошо сделанных; только они не делают их довольно крепкими и не умеют закалять железо. Потом несли перед ним много шлемов; и он в этот день поделил и роздал эти шлемы и латы рыцарям и разным другим особам. Их шлемы круглые и высокие, некоторые до самого верху¹. Наперед перед лицом против носа идет полоса шириною в два пальца, которая доходить до бороды и может подниматься и опускаться; она сделана для того, чтобы защищать лицо от удара поперек; а латы сделаны так же как ваши, только у них спускается полоса из другой ткани и видна из под лат как рубашка.

На расстоянии пятнадцати дней пути от Самарканда по направлению к Китайской земле лежит земля, где жили

¹ Вероятно здесь есть пропуск.

амазонки. До сих пор они соблюдают обычай не иметь у себя мужчин; только когда приходит определенное время года, их старшие дают им отпуск и они отправляются со своими дочерьми в соседние земли и места. Увидев их, мужчины приглашают их к себе, и они идут с теми, кто им больше нравится, пьют и едят с ними и остаются пировать у них некоторое время, а потом возвращаются в свою землю. Если у них родятся дочери, они оставляют их у себя, а если родятся сыновья, то они посылают их туда, где их отцы. Эти женщины живут во владениях Тамурбека, а прежде их земля принадлежала к Китайскому царству. Они Христианки Греческого вероисповедания и происходят от тех амазонок, который были в Трое, когда ее разрушили Греки. В Трое было два рода амазонок: одни эти, а другие из Турецкой земли.

В городе Самарканде соблюдается справедливость, и ни один человек не смеет обидеть другого или сделать какое-нибудь насилие без приказания царя; а царь делает его столько, что с них довольно.

Царь всегда возить с собою судей, которые распоряжаются его станом и домом, а когда они куда-нибудь приезжают, то и всеми людьми той страны, и их все слушаются. Эта судьи определены для разного рода дел таким образом: одни разрешают важные дела и ссоры, которые случаются между ними; другие ведут дела, касающиеся царской казны; некоторые заведуют наместниками, управляющими в разных землях и городах зависящих от царя; другие посланниками; и когда становится стан, они уже знают, где каждый из них должен поместиться и вести свои дела. Они ставят три палатки и там выслушивают тех, кто к ним приходит, и разрешают дела; оттуда идут и докладывают царю, а потом возвращаются и сдают дела по шести и по четыре. Когда они приказывают дать какую-нибудь бумагу, то тут же находятся их писаря, которые составляют ее сейчас же и не очень распространяясь; когда она готова, ее заносят в записную книгу, которая всегда находится при них и тотчас ставить знак; потом ее дают оидору, чтоб он выдал ее; он берет серебряную вырезанную печать, мажет ее чернилом и отпечатывает на внут-

ренной стороне бумаги; потом берет ее другой и записывает, отдает своему начальнику и тот припечатывает чернилом; когда сделают так трое или четверо, то по середине прикладывают другую царскую печать, на которой написано буквами «правда», а посреди три знака таким образом:

Так что у каждого оидора свой писарь и своя книга. Когда такая бумага выдана, то стоит только показать на ней печати царя и мирасс, как все исполняется по ней без малейшего промедления, в тот же день и в тот же час.

Теперь, описав вам город Самарканд и рассказав, что там было с посланниками и что случилось у них с царем, я расскажу, как Тамурбек победил и разбил Тотамиша, могущественного и доблестного человека, который был императором в Татарии и силой был даже больше Турка; и как в Татарии возвысился один рыцарь, подвластный Тамурбеку, которого зовут Едигуй: теперь же у Тамурбека нет врага больше этого Едигуя.

Тому назад лет одиннадцать этот император Татарский Тотамиш, владетель большого царства и множества народа, выступил из Татарии с огромным войском, пошел на Персию, вошел во владения Таурисские и в верхнюю Армению, разграбил страну, взял много городов и замков и частью разрушил. По той стране, которую он опустошил, посланники проезжали; это город Кольмарин, что в Армянской земли; также город Сузакания и вся его земля, и много других мест. Окончивши весь этот грабеж и больше еще в той земле, в которой царствовал Тамурбек, он пошел назад в Татарию. Тамурбек узнал об этом и выступил со своим войском, хотя войско Тотамиша было гораздо больше; погнался за ним и настиг у большой реки, которая называется Тесина, уже не далеко от Татарии. Тамурбек шел как можно скорее, чтоб занять переход через реку; потому что в той стране где он шел, не было другого перехода через эту реку кроме того, который он хотел занять. Когда Тамурбек пришел, царь Тотамиш уже переправился через реку; и так как он знал, что Та-

мурбек догоняет его, то возвратился, чтобы стеречь этот переход и заложил его лесом. Тамурбек, пришедши туда и увидевши, что Тотамишь защищает переправу через реку, послал сказать ему, что он напрасно это делает, так как он, Тамурбек, не хочешь с ним воевать, а хочет быть его другом, и сохрани Бог, чтоб он когда-нибудь желал ему зла. Несмотря на это, император остерегался его, так как знал, что он человек хитрый. На другой день Тамурбек выступил оттуда со своим войском вверх по реке; и Татарский император тоже двинулся со своим войском по другому берегу реки; они шли так, один по одной стороне, а другой по другой, и где Тамурбек останавливался, там останавливался на другой стороне и Тотамишь. Таким образом они шли три дня, и ни один не опередил другого. На третью ночь Тамурбек дал приказ по своему войску, чтоб женщины надели на головы шлемы, чтоб казаться мужчинами; а всем мужчинам приказал скакать как можно скорее и каждому взять двух лошадей; на одной ехать, а другую вести в поводу; оставил стан как он был, женщин, которые казались мужчинами, и с ними рабов и пленников, а сам возвратился назад к переправе; все, что прошел в три дня, он снова проскакал в эту ночь и переправился через реку. Около третьего часа он уже напал на стан императора Тотамиша, разбил его, отнял все, что у него было (а он вез очень много), Тотамишь же бежал. Это был великий и славный подвиг, потому что у Тотамиша было большое войско, и одна из величайших побед Тамурбека, даже важнее, говорят, чем над Турком. Эта победа была большим позором для Тотамиша, и он вновь собрал большое войско, чтоб идти на Тамурбека; а Тамурбек напал на него в самой Татарии, разбил и навел на народ такой страх, что на удивление; и бежал император Тотамишь. Это привело в уныние всех Татар; они стали говорить, что у их царя нет счастья, если его могли так победить, и между ними начались несогласия. Один рыцарь, служивший Тамурбеку, по имени Едигуй, заметив, что между Татарами было несогласие, сговорился с ними и обещал, что пойдет против Тамурбека и против всех, кто будет их врагами. Они взяли его себе царем, и он возмутился против Тамур-

бека и стал искать случая его убить, так как со смертью Тамурбека и его царство и Татария перешли бы к нему в руки. Тамурбек узнал об этом и хотел схватить и убить его, но он убежал. Теперь царь Татарский очень могущественный человек, и они большие враги друг другу. Раз Тамурбек ходил на него с войском, но он не захотел дожидаться его и убежал. Этот Едигуй водить постоянно в своей орде более двухсот тысяч всадников. Между тем Тотамишь, император Татарский, и Тамурбек помирились и стали вместе стараться обмануть этого Эдигуя. Тамурбек послал сказать ему, *что ведь он знает, что он в его власти; что он его любит и прощает, если он в чем-нибудь против него погрешил, и предлагает дружбу, а чтобы между ними, было родство, он предлагает женить своего внука на его дочери.* Говорят, Едигуй отвечал ему, *что он прожил у него двадцать лет, и были из тех, кому Тамурбек больше всего доверял, что он знает все его уловки и что такими хитростями его не провести: он видит очень хорошо, что все эти речи для того только, чтобы обмануть его; если им дружить, так на поле, и со шпагою в руке.* Такой ответ он дал им. У императора Тотамиша был сын, которого Едигуй выгнал из его земли. Тотамишь бежал в землю, которая недалеко от Самарканда, а сын в Кафу, Генуезский город, который граничить с Татарией. Едигуй напал на этот город Кафу, потому что сын Тотамиша оттуда воевал с ним и нанес большой вред всей земле; жители города заключили мир с Едигуем, а сын Тотамиша бежал к Тамурбеку. Этот Тотамишь и сыновья его живы и в дружбе с Тамурбеком. А Едигуй обратил и обращает постоянно Татар в магометанскую секту; еще недавно они не верили ни в ту веру, ни в другую, пока теперь не приняли магометанства.

У царя есть войско, которое идет с ним всегда и всюду в таком порядке. Оно разделено между начальниками, и есть начальники над сотнею человек, над тысячею и над десятью тысячами и один над всеми как коннетабль. Когда он приказывает какому-нибудь отряду идти куда-нибудь, призывают этих начальников и через них он узнает и распределяет войско как хочет. Тот, который теперь

главный начальник, называется Джанса Мирасса; это один из тех, которые были за одно с Тамурбеком при смерти Самаркандского императора; этому человеку он оказал большие милости, подарил много земли и сделал важным вельможей. Кроме того Тамурбек отдает своим рыцарям на сбережение своих лошадей и баранов по всей земле, кому тысячу, кому десять тысяч; и если они не возвращают, когда он требует их назад, или нескольких не достает, то он не соглашается ни на какую пеню, а берет у них сколько есть, их же самих убивает.

*Печатается с сокращениями по изданию:
Г. Клавихо. Дневник. СПб., 1881*

М.Е. МАССОН

МАВЗОЛЕЙ ГУР-ЭМИР

История возникновения мавзолея

Вопрос о престолонаследии всегда сильно занимал Тимура, «очередь которого владеть миром» пала на конец XIV и начало XV веков. Единство его обширной разноплеменной империи сдерживалось в значительной степени страхом народов перед возможным повторением ужасов нового нашествия полчищ великого эмира при первых признаках возмущения. Преемник и новый повелитель должен был сочетать политическую мудрость правителя и стратегический гений военачальника — таланты, которыми в полной мере обладал сам создатель империи, родоначальник династии и один из крупнейших среднеазиатских завоевателей.

В последние годы жизни Тимура его потомство исчислялось десятками. Но в нем он не был особенно счастлив. Из четырех сыновей в живых оставалось двое. Старший Джехангир давно, еще в 1376 году, скончался в юношеском возрасте двадцати лет от роду. Второй — Омар-шейх — был убит в 1394 году при осаде одной курдской крепости. Из оставшихся в живых Мираншах проявлял признаки психического расстройства, а младший Шахрух не внушал доверия отцу самым складом своего характера с склонностью предпочитать постановления шариата законам Чингиз-хана и военным монгольским традициям армии. Вот почему все внимание Тимура было сосредоточено на внуках, которым давалось тщательное воспитание, считавшееся государственным делом. Окруженные почти со дня рождения заботами специально представленных для этого лиц, царевичи, после того, как несколько подрастали, поручались каждый особому воспитателю — атабегу.

На его обязанности лежало обучить ребенка всему, что должно было знать для будущего государя. Способнейшие из внуков эмира поступали под особый надзор и приближались ко двору, принимая участие в церемониале торжественных моментов его жизни. Проявляя и тут большую осторожность в выборе преемника, Тимур все же заметно отличал от прочих сына Джехангира и Суюн-Ага, внуки Узбек-хана, Мухаммад Султана, и этот царевич считался наследником престола.

Он не раз получал возможность проявить свои способности. Зимой 1397/8 года ему было поручено восстановить земледелие по реке Ашпаре¹, и выстроить там укрепление, долженствовавшее стать базой для предполагавшегося уже тогда похода на Китай. Для исполнения возложенного поручения ему было дано под начальство сорокатысячное войско. В 1399 году Мухаммад Султан был оставлен правителем Самарканда, когда Тимур выступал в свой самый продолжительный поход на Запад; но затем в 1401 году был вызван в ставку деда, решившего передать ему управление северо-западными областями Персии. В следующем году наследный принц принимал участие в военных предприятиях, доходил с войсками до западного берега Малой Азии, а на обратном пути оттуда заболел и умер весной 1403 года в трех переходах от Карахисара.

Глубоко был поражен Тимур неожиданной смертью своего 29-летнего любимого внука. По войскам был объявлен траур, продолжавшийся несколько дней. Армия облеклась в одежды черного и синего цветов. Запрещено было даже ездить на белых конях. Тем временем гроб с телом царевича был доставлен в город Оник (в округе Эрзерума), где прах Мухаммад Султана переложили в другой гроб и отвезли в город Султанию (в Персии) для временного погребения у мазара пророка Кайдара. Опустевший же первый гроб для совершения поминального обряда был оставлен в Онике. Вскоре туда прибыл и сам Тимур. Здесь, в присутствии нескольких цариц, царевича

¹ Ашпара — маленькая речка на границе б. Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей.

чей, деда и матери покойного наследника, были совершены поминки над пустым гробом. Сейиды¹ и улемы выполнили установленные религиозные обряды, была роздана милостыня, устроено большое угощение, и при громких воплях женщин и воинов разрезали на куски боевой барабан Мухаммад Султана.

Год спустя, в день смерти царевича, Тимуром, находившимся в то время в Карабаге, недалеко от берегов Аракса, вновь были устроены поминки, сопровождавшиеся угощением и религиозными обрядами. После того Суюн-Ага получила позволение отправиться в Султанию за телом сына и отвезти его в столицу империи — Самарканд. Здесь прах царевича был предан погребению «в построенном им самим при жизни медресе»². Вскоре по возвращении Тимура в Самарканд, в конце лета того же года, им был отдан приказ построить рядом с медресе Мухаммад султана купольный надгробный мавзолей, более достойный покоить в своем склепе останки его наследника. Так, осенью 1404 года было положено основание прекрасному зданию, задуманному, как личный мавзолей любимцу-внуку, превратившемуся некоторое время спустя в фамильную усыпальницу Тимуридов и известному ныне под именем «Гур-Эмир», что значит «могила эмира».

Есть достаточно оснований полагать, что причиной выбора участка для постройки мавзолея, а до того упоминавшейся выше медресе царевича, послужил культ двух шейхов. В 550 метрах к северу находилась могила шейха Нур-ад-дина Басира, умершего в 1249 году н. э., а в 120 метрах южнее ее, в месте Рухабат, был похонен, согласно собственному желанию лежать «ниже ног» первого его почитатель шейх Бурхан-ад-дин Сагарджи. Он скончался в Китае, и тело в Самарканд было доставлено его сыном Абу Саидом, который, между прочим, сделал и самого Тимура почитателем Нур-ад-дина. Над могилами обоих шей-

¹ Сейиды — лица, считающие себя потомками семьи пророка Мухаммеда.

² Это медресе (учебное заведение) было построено Мухаммад-Султаном для обучения Корану сыновей беков и своих воинов.

хов были воздвигнуты купольные мавзолеи¹, и едва ли только случайностью может быть объяснено расположение почти на одной с ними оси здания Гур-Эмир. При такой взаимной ориентировке погребенные в его склепе лежат как бы «в ногах» этих шейхов, а подобная близость к могилам лиц, бывших при жизни угодниками богу, считалась важной и полезной при существовании в загробном мире.

Постройка мавзолея Бурхан-ад-дина Сагарджи приписывается Тимуру. Здание уцелело до настоящего времени. Характерной особенностью его является выведенный напуском кирпича купол, покоящийся на многогранном основании, в котором число граней постепенно увеличивается кверху, делая не таким резким переход к окружности купола. Мавзолей не имел изразцовой облицовки. Из внутренней скромной отделки (алебастровая штукатурка) обращает на себя внимание резная дверь, где есть, между прочим, несколько изображений рыб, являющихся символом смерти.

Вообще, весь этот район в начале XV века был застроен уже достаточно густо², так что пришлось разрушить несколько домов вокруг, дабы получить необходимую свободную площадь для сооружения мавзолея и устройства подле него сада. Темп работы на постройках Тимура известен. По-видимому, даже интересам прочности иног-

¹ Могила Нур-ад-дина или «Кутб и чахардухума» (четырнадцатого святого), по словам таджикского автора тридцатых годов прошлого столетия, находилась первоначально на берегу арыка Наводон и лишь позднее, по совету шейху Абу Саида, была перенесена в цитадель при Тимуре. Последнему предание приписывает и постройку над ней купольного, покрытого изразцами, мавзолея, находившегося несколько севернее самаркандских ворот, где его и застали в хорошей сохранности русские. При возведении новой цитадели, по стратегическим соображениям здание было обречено на слом. Населению предложили перенести останки шейха в другое место, что и было исполнено. Опустевший мавзолей был взорван десятью пудами пороха в августе 1880 года, а кости Нур-ад-дина преданы погребению на городище Афросиаб, неподалеку от группы мавзолеев «Шах Зинда» и мечети Хазрет Хызра.

² При Тимуре в Самарканде, по свидетельству главы испанского посольства рыцаря Рюи Гонзалес де Клавихо, было более 150 000 жителей.

да жертвовали в угоду скорости. Но как ни спешно могли провести неизвестные нам строители все предварительные работы, как бы ни было велико их усердие, как ни громадные были имевшиеся в распоряжении великого эмира материальные и технические средства, — все же при закладке здания строительный сезон 1404 года был на исходе, и работы должны были прекратиться¹, когда, вероятно, даже не было окончено черное тело мавзолея. А в конце зимы 1404/5 года скончался Тимур, так и не видевший предназначенной внуку усыпальницу, величественной в простоте архитектурных форм и царственно-богатой во внутренней отделке.

Сооружение и первоначальный вид памятника

Вид мавзолея в первые годы после окончания был действительно величествен! Теперь он пострадал от времени, недостает многих частей, почти со всех сторон, принижая его, лепятся к нему позднейшие пристройки, которые, как показали исследования памятника, делались в несколько очередей и в разные эпохи². По первоначальному же плану он состоял из восьмиугольного по наружному очертанию остова, в котором с северной стороны был намечен двумя выступами перекрытый аркой порталый вход. Высокий цилиндрический барабан, приподнятый на многогранном основании, возносил крупный, несколько свешивающийся над ним, наружный рубчатый купол, состоящий из большого числа полукруглых в сечении мериодиональных, утончающихся к вершине, ребер. По обеим сторонам от пара-

¹ Из дневника Клавихо видно, что другие строительные работы (по устройству базарной улицы, по сооружению соборной мечети) были в этом году прекращены в ноябре месяце из-за выпавшего снега.

² На плане, сделанном с памятника Гур-Эмир архитектором А. Кочетовым в 1882 году, первоначальное сооружение мавзолея уже выделено от позднейших пристроек. Наличие в числе последних сооружений двух очередей, отделенных друг от друга промежуток времени около двух столетий, установлено работами Самкомстариса в 1927 году и детально выяснено архитектором М.Ф. Мауером в 1926 году.

дногo входа, на некотором расстоянии от мавзолея, стояли слегка выдвинутые вперед два стройные высокие минарета. И это все. А кругом только что разбитый молодой садик, давая широкую перспективу, выгодно оттенял мощь и легкость сооружения, верхние части которого проектировались уже на почти всегда чистую лазурь туркестанского неба. Цоколя минаретов были одеты высокой мраморной панелью. Нижние части основного здания, кроме нее, несли еще бордюр плоских сталактитов и бордюр надписей, высеченных также на мраморных плитах. А выше все свободные поверхности мавзолея и минаретов были покрыты словно сеткой крупной мозаики из квадратных и продолговатых синих, голубых и белых глазированных кирпичиков. На общем желто-сером фоне жженого кирпича они слагались то в орнаментные полосы, то в геометрические фигуры, служащие рамками для помещения в них выложенных из изразцов благочестивых восклицаний, начертанием напоминающих иногда также геометрические фигуры. Многократно повторявшийся возглас «велик бог», поднимаясь, как бы спиральной лентой, обвивал стволы минаретов. На барабане огромными буквами уложено кругом несколько раз «вечность богу» и меньшим и буквами в верхней строчке — «хвала богу». А на боковых и задних гранях основного восьмиугольного здания чередуются то наклоненные в разные стороны, то опрокинутые три слова: «раб божий Мухаммад». Лишь купол был сплошь покрыт глазированными кирпичиками.

Изразцовая облицовка, примороженная к телу здания на толстом слое алебаstra, являлась, вообще, последним актом при сооружении зданий, так как одевалась лишь после того, как черный остов был совершенно отстроен. Начало же постройки заключалось в том, что после предварительной разбивки на месте плана сооружения, по соответствующим очертаниям вырывались глубокие котлованы, которые несколько раз наполнялись водой, чтобы вызвать этим осадку и уплотнение дна ям. После того, в них выводились мощные широкие фундаменты бутовой кладкой из кусков рваного кремнистого сланца, выла-

мывавшегося неподалеку от города с возвышенности Чупан-ата. Камни скреплялись между собой и заливались раствором, состоявшим из извести и золы¹.

Кирпичная же кладка начиналась почти на уровне земли и уже более точно обуславливала наружные очертания здания и внутренний план помещения. Последний в Гур-Эмире, являясь типичным для многих сренеазиатских сооружений и представляя из себя собственно квадрат (10 x 10 м), производит впечатление кресса, благодаря глубоким прямоугольным нишам в каждой из его четырех сторон. Несколько ниже уровня внутреннего пола в стенах проложена как бы мраморная рама, и над ней уже начинается обычная нормальная кладка стен из жженого квадратного кирпича с широкими швами раствора алебаstra с землей. По условиям плана, в четырех углах мавзолея получились большие толщи кирпичной кладки. В них на разной высоте вдоль и поперек проложены на некотором расстоянии друг от друга арчевые балки. Они служили, во-первых, для придания связанности кирпичным массам стен, а во-вторых, будучи выпущенными при самой постройке здания далеко наружу, для опоры на них строительных лесов. Уже по наложении облицовки лишние выдававшиеся концы их отпиливались в уровень с последней. Торцы этих балок легко усмотреть снаружи, с внутренней же стороны они скрыты под штукатуркой.

Все четыре внутренние боковые ниши перекрыты арками, которые заполнены характерными для мусульманского зодчества, так называемыми «сталактитами». Они составляют сложную по геометрическому плану совокуп-

¹ Таковы обычно фундаменты крупных средневековых памятников Самарканда. В Гур-Эмире в отличие от других верхняя часть бута высотой от 62 с. до 66 с. Сложена из кусков мраморовидного известняка на алебастровом растворе. Ниже — обычная кладка из чупанатинского камня. Так, под минаретами медресе Угулбека бутовая кладка равно 5,4 м. Вырытый для помещения ее котлован многократно наполнялся водой, о чем свидетельствуют оставшиеся на дне после просачивания воды в землю 21 прослойка мергеля.

ность небольших плоских стрельчатых нишек, нагроможденных напуском в несколько рядом одни над другими¹.

Выше для перехода от квадрата стен к окружности купола в Гур-Эмире употреблен прием, особенно типичный для Персии. В углах квадрата выведены арочные паруса, и на них уже покоится цилиндрический барабан, поддерживающий два купола — внутренний и наружный — в вертикальном сечении и воспроизводящие очертание среднеазиатской стрельчатой арки. Необходимость двухкупольной конструкции были вызвана чисто эстетическими требованиями. Один внутренний, служащий собственно для перекрытия, снаружи казался бы не пропорционально низким. И наоборот, один наружный внутри помещения ощущался бы слишком высоким. Между обоими куполами оставлено большое свободное пространство, в которое проникают снаружи через окно в барабан². Для большей связи и устойчивости внутри по сторонам выведено в один кирпич толщиной 13 контрфорсов, поставленных по окружности наружного купола во всю высоту межкупольного пространства. На вершине внутреннего купола сооружен массивный кирпичный столб более 4,5 м высоты, а от него к верхним частям наружного купола, упираясь в них, отходят в разные стороны несколько бревен.

Сведение купола завершало сооружение черного остова здания, и центр тяжести переносился на декоративные работы, которые внутри, впрочем, могли отчасти выполняться и независимо от того. Отличаясь высокой художественностью, они были очень кропотливы и требовали для исполнения много времени. На узкий мраморный бордюр, пропущенный по полу, выложенному мраморным известняком, опиралась чудная панель, состоящая из отдельных

¹ Сталактиты делаются из алебаstra, поливных кирпичных плиток, дерева и даже камня. Они служат для украшения не только ниш, но и капителей, балконов, карнизов и т. д. Сталактиты производят впечатление как бы надломленных пчелиных сот, которые некоторыми считались даже за прототип этой архитектурной формы.

² Высота пространства между замковыми частями наружного и внутреннего куполов равна почти 10 м.

плит, словно полупрозрачного молочно-зеленоватого мраморовидного оникса различных оттенков¹. Разбитая по площади, как бы на отдельные рамы, она была инкрустирована шестигранными зеленовато-черными призматическими бордюрчиками змеевика-серпантина, которые вкладывались в проточенные по линиям геометрического орнамента желобки. Одна из наружных граней этих бордюрчиков покрывалась простеньким рисунком позолотой. В выступающих углах были поставлены полуколонки, выточенные из того же мраморовидного оникса, но более светлого оттенка, и покрытые сверху до низу красочной росписью². Непосредственно над панелью стены были одеты двумя поясами мраморных плит, из которых на нижнем высечены плоские сталактиты, а на верхнем — два ряда надписей с текстами, приличествующими усыпальницы и гласящими о смерти и загробной жизни. Характерно, что на их и без того прекрасные мраморные поверхности была положена красочная роспись и позолота. Такая же роспись клеевыми красками с позолотой, исполненная частью по трафарету, покрывала и все вышележащее пространство стен до парусов. Большие площади его заняты арабесками, т. е. геометрическим орнаментом из сочетания и сплетения всевозможных прямолинейных фигур, в некоторые из которых. Как в рамки, вписаны особым квадратным почерком (куфическим) по несколько раз имя «Мухаммад». Так звали пророка, но его тезкой был и последний царевич. Выше же своды парусов и сам купол были покрыты почти сплошь разрисованными бумажными рельефными розетками и пальметками, прибитыми к

¹ Мраморовидный оникс добывался в Зеравшанских горах. На месте каменоломни в конце прошлого столетия Ю. А. Бржезицким был найден кусок от разбитой, но совершенно обделанной плиты такой же как на мавзолее Гур-Эмир.

² Как выточенные из змеевика бордюрчики, так и красочная роспись на угловых полуколонках из мраморовидного оникса были обнаружены при исследовании мавзолея Самкомстарисом в 1924 году, когда было произведено вскрытие пола внутри центрального помещения. Сама панель давно уже стоит с опустевшими гнездами. Следы росписи красками можно отчасти видеть на полуколонке северо-восточного выступающего угла.

штукатурке железными гвоздиками. Этот способ украшения был заимствован из Китая.

Таково было пышное убранство стен и потолка усыпальницы, ему соответствовали и прекрасные тяжелые створки дверей, сделанных из карагача (вяза), с трехпланной глубокой изящной резьбой и тонкой накладной инкрустацией из кусочков дерева и слоновой кости. Сквозь ажурные решетки¹ восьми окон, расположенных в два яруса один над другим, внутри помещения проникало достаточно света, чтобы согреть холодные поверхности панели из мраморовидного оникса, оживить яркую раскраску стен и заставить мерцать словно мелкими блестками позолоту, которой как бы окраплено было все внутри.

Светло было, хотя и не так, даже в склепе, куда теперь спускаются по небольшой лесенке в полу, и который сам по себе конструктивно не был связан со зданием. С разных сторон к нему тянулись, опускаясь книзу, сводчатые амбразуры окон, выведенные в наружных стенах здания, где отверстия были забраны мраморными решетками. Как показало исследование, склеп подвергся переделке и был расширен. Возможно, что первоначально для праха Мухаммад Султана был уготован склеп размерами и видом соответствующий его современной средней части, представляющей в плане квадрат (4,30 x 4,30 м) и перекрытый необыкновенно плоским пирамидальным куполом с 12-ю гранями (вальмами)². Но совершенно несомненно, что склеп в том виде, как сохранился до сего времени, с крестообразным планом явился уже в результате позднейших изменений его конструкции. Это было ясно связано со всей историей здания, превратившегося, как упоминалось выше,

¹ В окнах вставлено по две решетки, наружные из алебаstra и внутренние деревянные. И те и другие позднейшего происхождения. Подобные решетки вошли в употребление очень давно и по традиции повторяют старые формы. Деревянные, собранные в геометрический орнамент из отдельных брусков, очень типичны и известны под общим именем «панджара», но они различаются по положенной в основу рисунка фигуре (звезды с различным числом лучей, квадрат, пятиугольник, шестиугольник и т. д.) и в зависимости от этого имеют каждая свое видовое наименование.

² Подъем купола склепа равен всего 0,465 м.

в фамильную усыпальницу нескольких первых членов династии Тимура, центральной фигурой среди которых является сам ее основатель.

Тимур, его смерть и погребение

Тимур родился в 1336 году в кишлаке Ходжа Ильгар, близ города Кеша (ныне Шахрисябза) в 60 километрах к югу от Самарканда и происходил из незнатной семьи отуреченного монгольского племени барлас. Главой барласов был дальний родич Тимура, и поэтому последний не мог рассчитывать на видную роль среди своего племени. Не получив никакого образования (Тимур всю жизнь оставался неграмотным), он с юношеского возраста вступил в шайку разбойников и сделался даже атаманом. Это было время, когда вследствие распада Джагаитского государства в Средней Азии, вся власть перешла в руки отдельных эмиров, и смуту в стране усугубляли их распри и междоусобия. В непрерывно продолжавшейся еще борьбе с монголами Тимур сначала перешел на их сторону и в награду был сделан правителем Кеша; затем изменил им и бежал к главе оппозиции эмиру Хусейну. После удаления монголов между Тимуром и Хусейном началась борьба за власть, окончившаяся в 1370 году победой Тимура, который был признан другими правителями «великим эмиром». По практиковавшемуся обычаю номинально ханом провозгласили царевича из рода Чингиз-хана Суюргатмыш хана, а при нем в качестве эмира состоял Тимур, в руках которого была сосредоточена фактическая власть, но который в глазах народа не имел никаких наследственных прав на престол. Это положение продолжалось до конца жизни Тимура, и когда через несколько лет фиктивного царствования скончался Суюргатмыш хан, новым ханом был сделан его сын Султан Махмуд. Бесправные и безгласные ханы пользовались относительной личной свободой, их имя провозглашалось на пятничных молениях, оно чеканилось на монетах перед именем Тимура, но в присутствии войска и в торжественных случаях не им, а великому эмиру, воздавались ханские почести.

В роли мирового завоевателя Тимур¹ выступил уже 45-ти лет от роду, и с этого момента двадцать пять уходят на почти непрерывные походы и войны, во время которых развернулся его крупный талант полководца и вместе с тем проявилось болезненное зверство, объясняемое психическим расстройством. Десятками тысяч, независимо от возраста и пола, избивалось иногда население покоренных городов, тысячи пленных солдат закапывались живыми в землю; сооружались высокие башни из живых людей, положенных друг на друга и засыпанных глиной и щебнем. Результатом походов было создание обширной, хотя и недолговечной, империи от Моголистана до Сирии, от Индии до Иртыша. Но не одно только разрушение приносил с собой Тимур: в Афганистане — в долине Кабула, в Хорасане — в верховьях Мурга на, на Кавказе — в Муганской степи произведены были им грандиозные оросительные работы, а кипучая строительная деятельность достигла при нем в Средней Азии небывалых и никогда затем не превзойденных размеров.

Тимур был в апогее славы и могущества, когда в январе 1405 года 71-го года от роду выехал из столицы Самарканда вслед за выступившей в дальний поход на Китай своей 200 000-ой армией. Была одна из тех суровых и многоснежных зим, которые время от времени выпадают на долю Туркестана. Прибыв в г. Отрар, лежавший в нижнем течении реки Арыси, Тимур остановился в нем на время для выяснения возможности дальнейшего продвижения вперед. Здесь он заболел от неумеренного потребления

¹ Европейское произношение «Тамерлан» есть искаженное персидское обидное прозвище великого эмира: Тимур-ленг — «Тимур хромой» или «Тимур хромоножка» (по-турецки «Тимур-аксак»; отсюда же «Железный хромец» русских летописей с переводом слова «Тимур», что значит железо). Тимур действительно был хром всю жизнь на правую ногу после тяжелых ранений, полученных в 1362 году при одном столкновении в Сеистане, куда его и эмира Хусейна пригласил местный владетель для защиты против своего врага. Тогда же у Тимура были повреждены связки правой руки. И она у него отсохла. Клавихо сообщает, что кроме того, Тимур лишился еще двух пальцев.

спиртных напитков и скончался ночью одного из дней в средних числах февраля месяца¹.

Неожиданная смерть полководца в самом начале крупнейшего военного предприятия, неразрешенность вопроса о престолонаследии, справедливые опасения в связи с этим политических осложнений на границах империи и смут внутри государства — все это вынудило приближенных великого эмира постараться в первое время скрыть самый факт его смерти. Надушенное благовониями, розовой водой, мускусом и камфарой тело Тимура было положено в гроб, и темной ночью одному из приближенных — Ходжа Юсуфу поручили спешно отвезти его в Самарканд на украшенных драгоценными камнями и жемчугом носилках, под видом возвращения из ставки в столицу одной из женщин гарема правителя. А через день вслед за ним выехали туда же царицы и царевичи. В Самарканде останки Тимура тотчас предали погребению в склепе при медресе Мухаммад Султана, где покоился уже и прах этого царевича. Несмотря на принятые меры предосторожности, весть о смерти Тимура быстро разнеслась по стране и стала известна всем в Самарканде к моменту прибытия к городским воротам цариц и царевичей. Бывшие с ним военачальники и некоторые из царевичей не были пущены в столицу, в виду невыясненности вопроса о престолонаследии². Остальные, вместе с царицами, получили разрешение войти в город и направились к медресе Мухаммад Султана. Здесь в знак траура царицы и другие знатные женщины расцарапали и почернили лица, рвали себе волосы, накрывали шею войлоком, кидались на землю и посыпали головы прахом.

¹ По свидетельству двух историков — Шереф-ед-дина и Ибн-Арабшаха смерть последовала в среду 18-го февраля; по надгробной надписи и по словам одного анонимного сочинения тремя днями раньше (14-го шабана). По указанию всех источников смерть Тимура произошла в среду, и В. В. Бартольд полагает, что разница в числах объясняется смешением мусульманской даты с датой по персидскому календарю. Так как 14 шабана не приходится на среду, то ближе к истине, вероятно, первое число.

² Было известно, что Тимур назначил наследником своего внука Пир Мухаммад Султана, но его никто не хотел признавать.

Прошло около месяца. В Самарканд вступил Халиль Султан, провозглашенный войсками преемником власти своего великого деда. С большой торжественностью справил он на его могиле поминки, в которых приняли участие не только двор, но и все население. Для успокоения души покойного читали Коран, раздавали милостыню, и несколько дней для угощения толпы резали лошадей, быков и баранов. Самое помещение, где покоились останки Тимура, внутри было убрано с чисто языческой пышностью: застлан шелковыми и бархатными коврами пол, по стенам развешаны усыпанные драгоценными камнями предметы вооружения и утвари; с потолка спускались тяжеловесные золотые и серебряные люстры, а на самую могилу возложили одежды Тимура. Эта обстановка оставалась в усыпальнице в течение четырех лет и была удалена по предписанию младшего сына Тимура — Шахруха, занявшего Самарканд в конце борьбы с Халиль Султаном 13 мая 1409 года. Шахрух вновь совершил траурные обряды на могиле отца, оставил при ней штат чтецов Корана, служителей и сторожей, а все предметы одежды, утвари и вооружения, как несогласное с правилами ислама убранство, велел вынести и передать в казну.

Вскоре после того, сдавшийся Халиль Султан был отправлен в персидский город Рей в качестве удельного князя; Шахрух возвратился в Герат, сделавшийся отныне новой столицей государства, а в Самарканде правителем, пока только по имени, оставлен был его 15-ти летний сын Улугбек, тогда как вся действительная власть была вручена его опекуну эмиру Шах Мелику. Лишь два года спустя царевич избавился от опеки и сделался на долгие годы полновластным правителем областей, лежащих к северу от Амударьи до Саганка на С.-З. и Ашпары на С.-В.¹

Лица, погребенные в мавзолее Гур-Эмир

Именно в его правление мавзолеей, стоившийся для Мухаммад Султана, превратился и в усыпальницу Тиму-

¹ Впоследствии в лучшее время правления Улугбека его владения обнимали Кашгар, б. Бухарское ханство, области Самаркандскую, Ферганскую и большую часть Сырдарьинской.

ра. Трудно установить точно, когда это произошло и почему, так как сам Тимур предполагал быть похороненным в городе Кеше (Шахрисябз), служившим при его жизни местом погребения его родственников и сподвижников¹.

Известно, что, по-видимому, по желанию Шахруха, в Самарканд из Андхоя было доставлено тело скончавшегося еще зимой 1403/4 года Сейида Береке, который пользовался при Тимуре большим уважением. Сейид принадлежал к меккским шерифам и прибыл в Хорасан по делам вакуфов священных городов незадолго до победы Тимура над эмиром Хусейном. Последний не оказал Береке должного уважения и ничего не дал из просимых им вакуфных сумм, не выплачивавшихся уже долгое время из-за происходивших в стране смут. Тимур же, которому важно было иметь на своей стороне в борьбе с соперником авторитет и влияние Сейида, вручившего ему барабан и знамя, не только уплатил все причитающиеся суммы, но и подарил Береке в пожизненное владение город Андхой. Впоследствии Сейид часто сопровождал Тимура в походах, иногда перед сражением читал молитвы, а раз, будто бы, благодаря находчивости, он сумел так ободрить войска Тимура, что близкая к поражению битва с татарским ханом Золотой Орды Тохтамышем окончилась победой над врагом.

Тело Сейида Береке было первым погребено в склепе Гур-Эмира. В ногах его, будто по желанию самого Тимура, положили в стальном гробу² перенесенные из места временного успокоения останки великого эмира, а рядом с державным дедом опустили в могилу и его наследного внука — Мухаммад Султана. Много времени спустя, через год

¹ В Кеше уже были похоронены два старшие сына Тимура. Там же над могилой своего отца от соорудил большой мавзолей, а, по свидетельству Клавихо, в 1404 году отделялась очень большая часовня для самого Тимура. Вокруг на кладбище военачальники и сподвижники Тимура заранее определяли для себя места.

² По свидетельству историка Ибн-Арабшаха, тело Тимура сперва покоилось в гробу из черного дерева, а затем переложено в стальной, сделанный искусным мастером из Шираза. Магнитные наблюдения 1925 года над могилой Тимура подтвердили наличие в ней парамагнитного тела, вероятно, остатков гроба, а, может быть, и других предметов.

после смерти своего отца Шахруха, признававшегося всеми Тимуридами верховным главой государства, Улугбек в борьбе с другими претендентами занял в 1448 году на короткое время Герат. Оставляя город, он вывез оттуда тело родителя, и оно было помещено в склепе Гур-Эмира по другую сторону от Тимура. По преданию, два небольшие каменные надгробия, лежащие к западу от намогильников Тимура и Сейида, поставлены над похороненными под ними малолетними сыновьями Улугбека и, следовательно, правнуками Тимура.

Улугбек проявлял большие заботы о мавзолее, который при нем подвергся некоторым пределкам. Уже само помещение вместо одного Мухаммад Султана двух новых покойников, долженствовавших лежать один в ногах другого, повлекло за собой необходимость расширить склеп и изменить его первоначальную конструкцию. Улугбеку же, — как утверждает предание и что подтвердило научное исследование 1924 г., — должно быть приписано возведение пристроек второй очереди, заключающихся в том, что к основному восьмигранному зданию мавзолея было примкнуто несколько боковых помещений. Они были обняты новым общим передним фасадом, выдвинутым несколько вперед за линию минаретов. Примыкающий к нему прямоугольный двор (равный глубиной высоте здания до вершины купола) был с двух сторон обнесен небольшими помещениями (худжрами), прерывавшимися на середине боковыми арочными порталами. С противоположной стороны была возведена неширокая глухая стена, и в ней устроены те входные ворота, которые уцелели до настоящего времени. Все эти пристройки, в отличие от основного здания, изобиловали облицовкой из прекрасной подлинной изразцовой мозаики, сохранившей, между прочим, в медальоне на портале входных ворот имя производившего эти работы второй очереди мастера родом из Персии — Мухаммада, сына Махмуда из Испагани.

Внутри главного центрального помещения Улугбеком же, вероятно, была поставлена чудная резная, ажурная, мраморная решетка, окружающая надгробия, и, несомненно, им были устроены некоторые из вторых надгробий

над склепом. Во время похода 1425 года против монголов из Карши, находившихся в верховьях реки Или, Улугбек приказал взять два больших куса прекрасного темно-зеленого нефрита, доставленные затем с помощью особых телег в Самарканд. Здесь пригнав их один к другому, им придали форму намогильного камня и положили в качестве наружного второго надгробия Тимура. Сверху высекли надпись, что эта гробница великого султана, милостивого хана, эмира Тимура Гурагана, сына эмира Тарагая, сына... и т. д., до девятого колена, в котором родословная уже имеет общего предка с родом Чингиз-хана. Далее приводится родословная последнего, вплоть до легендарного сказания о непорочном божественном зачатии одного из предков Чингиз-хана некой женщиной, по имени Аланкува, забеременевшей от луча солнца, проникшего к ней в комнату через отверстие над дверью и принявшего после того человеческий образ одного из потомков пророка Али. Эта вымышленная генеалогия, устанавливающая родство Тимуридов с Чингизидами, была сочинена уже после смерти Тимура. Сам он при жизни довольствовался более скромной легендой, будто его предки на основании договора, возобновлявшегося несколько раз и забытого в период смуты, были полновластными эмирами при потомках Чингиз-хана. В конце надписи на верхней стороне нефрита приведена дата смерти Тимура. Кроме того, на малой боковой стороне надгробия имеется вторая надпись, которая свидетельствует, что камень этот привезен и поставлен Улугбеком после похода против монголов.

Во время наступивших после смерти Захруха междоусобий из-за первенства среди размножившихся потомков Тимура действия Улугбека были очень неудачны, особенно, после того, как против него выступил его старший сын Абд-ал-Лятиф. Разбитый им осенью 1449 года по самым Самаркандом, около селения Димишк, лишившийся уже давно всякой популярности, Улугбек был вынужден сдаться на милость победителя. Сын не остановился перед убийством сперва отца, что было облечено в законную форму кровавой мести одного из подданных, а через три дня младшего брата Абд-ал-Азиза. Улугбек был отправлен для вида

с караваном в Мекку, якобы замаливать свои грехи, но, недалеко от города, в вечер выступления из Самарканда, некто Аббас, отец которого был убит раньше по повелению Улугбека, отсек голову своему недавнему повелителю. Это совершилось, по данным историков, 25-го, а по надписи на надгробном камне 27-го октября 1449 года. Так кончил свой жизненный путь один из выдающихся потомков Тимура, «ученый на троне», 40-летнее правление которого в Самарканде ознаменовалось несомненным культурным подъемом, и чье имя тесно связано с деятельностью основанной им обсерватории.

Через шесть месяцев правления Абд-ал-Лятиф уже пал жертвой военного заговора, убитый стрелой при проезде между крепостной стеной и садом «Багги Нау». Его отрубленная голова была выставлена на входной арке медресе, построенного Улугбеком на площади Регистан, а на престол возвели племянника Улугбека — Абдуллу, бывшего продолжателем традиций своего дяди. Вероятно, в его кратковременное правление, тело Улугбека было предано погребению в Гур-Эмире в ногах Тимура, и тогда же положили в склепе надгробную плиту, в надписи которой упоминается с явным осуждением восстание Абд-ал-Лятифа против отца.

Прошло едва 12 месяцев после воцарения Абдуллы, когда он, в июне 1451 года, пал в битве с другим потомком Тимура — Абу Саидом, одержавшим победу благодаря помощи призванных им узбеков, утвердившихся в то время в нижнем течении Сырдарьи. Абу Саид, в правление которого под влиянием всемогущего шейха Убейдулла Ходжа Ахрара господствовала враждебная культуре религиозная реакция, был, как указывают некоторые исторические источники, правнуком Тимура от его сына Мираншаха. Храбрый от природы, но жестокий, коварный, с болезненной склонностью к разрушению, Мираншах еще при жизни Тимура проявлял признаки психического расстройства. Он сложил свою голову в Азербайджане в 1408 году во время войны с Кара Юсуфом туркменским, и там же был похоронен. Некоторое время спустя, некто Шемс Гури в одежде дервиша принес его кости в город

Кеш (Шахрисябз), где их первоначально и предали погребению. Вторичное перенесение останков Мираншаха оттуда в Гур-Эмир, должно быть, имело место уже при Абу-Саиде. Чтобы поместить новый надгробный камень за мраморную ажурную решетку, ее пришлось раздвинуть. Вот почему в ней с южной стороны появилась вставка в виде короткого, позднейшего, иных размеров, пролета¹.

После этого новых погребений членов династии Тимура в центральном помещении Гур-Эмира неизвестно, хотя потомки его правили в Туркестане еще несколько десятилетий. Сооружение же безымянного надмогильника в западной нише, около арки, указывающей направление на Мекку (кыбла), относится уже к значительно позднему времени. По преданию, здесь похоронен Мир сейид Омар, четвертый сын известного сейида Куляля, почитаемого в Туркестане «пиром» — патроном-покровителем гончарного ремесла. Сейид Омар, занимавший при жизни должность мухтасиба в Самарканде, умер в 803 г. хиджры (1400/1 г. н. э.). Для объяснения появления его могилы в Гур-Эмире, по-видимому, давно возникла легенда, что сейид Омар был похоронен здесь до постройки мавзолея. При возведении же последнего, могила его будто бы была оставлена в неприкосновенности по распоряжению Тимура,

¹ Высказано мнение, что Абд-ал-Лятиф похоронен в мавзолее, развалины которого расположены в 57 метрах к ЮВВ от Гур-Эмира и носят название Ак-сарай. В боковой нише его склепа в 1924 году обнаружено погребение неполного скелета без черепа, причем состояние остальных костей указывало, что труп до помещения здесь, успел уже сильно разложиться. Время сооружения Ак-сарая точно не установлено. Доказывалось, что в нем были первоначально погребены Мухаммад Султан и Тимур. Это как бы подтверждено находкой под полом склепа следов опустевшей первоначально большой могилы, неприкосновенность которой была нарушена позднейшими погребениями. Остатки незаконченного внутреннего убранства по стилю и технике сближаются с таковым же на памятнике второй половины XV века — «Ишрат хана», построенном над могилой дочери Тимурида Абу Саида. Так как Абу Саид в борьбе с Абдуллой выступал мстителем Абд-ал-Лятифа, вполне возможно, что именно при нем совершено было погребение останков последнего и после того приступлено к декоративным работам внутри здания, почему-то не доведенным до конца.

к которому сейид явился во сне и во избежание всяких бед, советовал не тревожить его перенесением на новое место. Однако, могилу сейида Омара еще в начале XIX века указывали к югу от Самарканда, за городской стеной, в квартале Кавалья на берегу арыка. Исследования установили, что пристройка новой ниши в склепе Гур-Эмира для предполагаемой могилы этого сейида и устройства над ней суфы (возвышения) над полом в центральном помещении мавзолея относится к XVII столетию. Той же эпохе принадлежит сооружение примыкающих к основному зданию с западной стороны позднейших пристроек, от которых уцелели некоторые из помещений, и почему-то оставшаяся необлицованной изразцами большая порталная арка. Должно быть, в то время была сделана попытка ввести культ сейида Омара. Группа шейхов, может быть, родственников сейида, получила возможность использовать для этого здание мавзолея Гур-Эмир и приступила к приспособлению его для новых целей возведением добавочным (третье-очередных) пристроек. Что-то помешало довести до конца их работу. Нет уверенности, что не к этому же времени относится и установка в двух боковых помещениях Гур-Эмира если не всех, то некоторых мраморных надгробных камней с именами жен и малолетних детей Тимуридов. Есть основание предполагать, что вокруг мавзолея постепенно, еще в XV столетии выросло семейное кладбище династии Тимура. В XVII веке, при приведении в порядок здания и очищения вокруг него места, могли перенести и уложить в порядок во вновь отстроенных помещениях все сохранившиеся надгробные камни.

История памятника с XVIII столетия

В следующем столетии, в 1740 году, после того, как новый персидский завоеватель Надир Шах одержал победу над ханами Бухары и Хивы, им был послан в Самарканд против мятежно настроенных узбеков рода Юз двадцатитысячный отряд. Ему, между прочим, поручено было взять с собой нефритовое надгробие Тимура и семисплавные ворота соборной мечети, известной под именем мечети «Биби-Ханым». При снятии предполагавшегося моно-

литным нефрита он раскололся на четыре части. Все же их погрузили вместе со створками ворот на пушечные лафеты и доставили, согласно предписания, в Мешхед¹. Трудно догадываться, какие в действительности чувства и мысли проснулись у Надир Шаха при осмотре этих трофеев. По словам современника этих событий — мервского визиря Мухаммада Казима — Надир Шах на некоторое время задумался, прочитал фатиху для успокоения души эмира Тимура, обладателя счастливого созвездия, и сказал: «Ныне мир, подобно шару, вертится в моей руке. Он (т. е. Тимур) сделал камень своей гробницы из нефрита; мы выделяем одну кольчугу из стали, другую из красного золота, осыпанного драгоценными камнями и сделаем из нефрита пол и облицовку нижней части стены куполообразного здания (по-видимому, своего мавзолея)». Камень и ворота было приказано тотчас возвратить в Самарканд и поместить на свои места, как то было раньше. «Перевозка из Самарканда и обратно из Мешхеда стоила больших денег», замечает другой персидский историк Абдукери кашгарский, находившийся в то время у Надира².

¹ Есть свидетельство, относящееся к началу XIX века, что курдский владетель Кучана, принимавший участие в походе Надира Шаха на Бухару, вывез из Самарканда экземпляр Корана, лежавший в усыпальнице Тимура и писанный рукой его внука Байсункара, сына Шахруха (умер. в 837 г. р. х.). Рукопись была разорвана курдами на отдельные листы, которые потом частью были собраны сыном владетеля и положены на гробницу похороненного в Кучане имама. Видевший их английский ученый Фрезер считал, что они представляют великолепный образчик каллиграфического искусства. Хранились они очень небрежно, и, кажется, погибли при землетрясении 1895 г.

² Этот случай послужил основанием для легенды, по которой первоначально целое нефритовое надгробие Тимура было расколото по одному варианту Надири Шахом, по другому — неизвестными грабителями, искавшими спрятанные будто бы внутри драгоценности. Как показало исследование самого надгробия, оно состояло из двух больших частей, сохранившихся донныне на своем месте и из нескольких отсутствующих теперь добавочных вставок. Такой вставкой был утраченный угол от малой боковой грани с исторической надписью. Как установил В. В. Бартольд, один из четырех кусков, на которые рассыпалось надгробие при снятии его в 1740 году, достался персидскому историку XVIII века индийцу Абдулкериму.

Что 128 лет спустя русские застали Гур-Эмир в относительно хорошей сохранности, должно приписать прочности самого здания, отчасти, вероятно обаянию имени покоившегося в его склепе Тимура и, несомненно, привившемуся культу могил сейида Омара и сейида Береке. Над верхними надгробиями обоих водружены «туги» — длинные жерди с тряпичными полотнищами наподобие знамен и с привешенными хвостами тибетских яков (кутасов), которые издревле у турецких народов центральной Азии считались священными животными. Некоторые туги увенчаны вырезанными из жести изображениями кисти руки с растопыренными пальцами — символом духовного могущества святого. Внизу древки тугов плотно обвязаны массой узеньких разноцветных лоскутков материи. Это оторванные от одежды почитателей и оставленные святому напоминания о выраженных ими в молитве к нему желаниях и просьбах. В благодарность за исполнение в стоящем у изголовья надгробия сейида Береке небольшом купольном сооружении из алебаstra («чирак-хана») верующими возжигаются свечи — обычай, сохранившийся от домусульманского прошлого.

Сравнительно с другими историческими архитектурными памятниками Самарканда, Гур-Эмир находился до последнего времени в лучших условиях. Об этом свидетельствуют следы ремонтов, производившихся до русского завоевания, за несколько десятилетий до которого, по сло-

Нет ничего невозможного в том, что это и был кусок с частью надписи. Во всяком случае, он исчез до прихода русских в Туркестан, о чем свидетельствуют первые рисунки и фотографии с памятника и проникшее в печать мнение, что он увезен профессором И.В. Мушкетовым в 1879 году, основано на недоразумении. Наш почтенный геолог в действительности отделил от края надгробия для микроскопического исследования лишь несколько маленьких и тонких пластинок.

Между прочим, И. В. Мушкетов упоминает, что в его время самаркандцы были убеждены, будто нефритовому надгробию присущи особенные целебные свойства. Это обстоятельство эксплуатировалось шейхами при усыпальнице, которые отбивали мелкие кусочки камня, толкли их в порошок и продавали их народу, за относительно высокую цену, как средство против различных болезней, в особенности же против страданий желудка и почек.

вам стариков, был починен, хотя и не совсем удачно, купол. Почти тотчас после занятия русскими Самарканда в 1868 году генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом было отпущено более 3000 рублей на приведение памятника в порядок. Правда, осенью этого года рухнул северо-восточный минарет, из основания которого окрестное население вытаскало для своих домашних надобностей постепенно слишком много кирпича. Зато уже к зиме вчерне был закончен предварительный ремонт крыш и внутреннего помещения, который продолжался еще и в следующем году. Между прочим, из города Нур-ата (в пределах быв. Бухарского ханства) были выписаны мастера-резчики по камню — и ими удачно сделаны по старым образцам два нехватавших пролета ажурной мраморной решетки, примыкающих теперь к северо-восточному углу. Несколько позже памятник огородили кирпичной решеткой, а около разбили небольшой садик, к которому провели от Абрамовского бульвара аллею, обсаженную пирамидальными тополями. С 1895 по 1897 год три лета подряд на Гур-Эмире б. И. Археологической комиссией велись обмерные работы и художественно-архитектурные зарисовки, результатом которых явился выпуск пока единственного в своем роде прекрасного альбома, посвященного только этому памятнику. В целях большей безопасности охраны, еще при начале этих работ были перевезены в Эрмитаж великолепные инкрустированные слоновой костью резные двери главного входа, а в 1904 году сняты еще и малые резные двери такого же типа с бокового помещения, при чем одна створка отправлена в Эрмитаж, вторая — хранится в Самаркандском музее. Опасения о ненадежности охраны имели в свое время, по-видимому, достаточные основания, так как в 1905 году была выкрадена и увезена в один из германских музеев мозаичная надпись, находившаяся снаружи над боковым входом в мавзолей. Ее удалось вернуть в Россию в 1910 году¹.

¹ По ходатайству Средазкомстариса, резную дверь и мозаичную надпись решено вернуть и поставить на место в Гур-Эмире при гарантии им рационального музейного хранения и охраны в прямом смысле этого слова.

Несмотря на неоднократно производившиеся за последние 50 лет ремонты, время продолжало сказываться на здании, и естественное отмирание его частей шло своим чередом. Так, 18-го мая 1903 года, совершенно неожиданно, среди дня рухнул второй и последний северо-западный минарет, а в 1916 году резко обозначался прогиб производившего в изумление своей плоской конструкцией свода sklepa. Сделанный тогда же ремонт без участия представителя европейской техники не дал долговечных результатов, так что уже в 1924 году специальный орган, ведающий охраной памятников старины Самарканда (Самаркандская комиссия Средазкомстариса) вновь стоял перед необходимостью немедленного технического вмешательства для его поддержания. Была проделана большая предварительная работа. Сдвинуты надгробия, снят половой настил, вскрыты фундаменты. В течение 2-х лет на памятнике велись всесторонние исследования: историко-археологическое, историко-архитектурное и историко-художественное. Получен ценный материал не только для пополнения знания о самом Гур-Эмире, но и для изучения вообще исторических памятников зодчества Средней Азии.

Весной 1926 года были закончены работы по облегчению свода sklepa. Между ними и полом установлена железобетонная платформа, на которую теперь и распределяются давления вновь по старым местам положенных плит пола и надгробий. Продолжающиеся исследования и археологические вскрытия около памятника уже дали и еще обещают дать немало новых данных для истории здания и точной реконструкции его плана.

Печатается по изданию:

М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир. Самарканд, 1929.

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Грановский. Тимур	12
Автобиография Тамерлана	17
В. Гатцук. Железный хромец	109
Свод татарских преданий о Темир-Лэнге	125
Г. Клавихо. Жизнь и деяния Великого Тамерлана	143
М.Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир	183

Подготовка оригинал-макета — *С.А. Глебов*
E-mail: serge_gl@mail.ru

Подписано к печати 14.03.2003. Формат 60х90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Объем 13 п.л. Тираж 1500 экз. Заказ № 75. (первый завод)

Лицензия ИД № 00173 от 27.09.99.

Издательство «Крафт+»,
129343 г. Москва, проезд Серебрякова, 14.
Тел. 186-93-78, 363-68-73

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ГУП "Облиздат",
248640 г. Калуга, пл. Старый торг, д. 5, тел. 57-40-70

